ГЕНРІЕТТА,

ИЛИ

ГУСАРСКОЕ ПОХИЩЕНІЕ,

Приключенія произходившія во время недавно бывшей послѣдней войны у Прусаковъ съ Цесарцами.

Переведена съ Нѣмецкаго языка.

А. Б.

ЧАСТЬ II.

ВЪ МОСКВѢ,

въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1782 года.

1.

Генріетта Фолькмаръ къ Карлу Вернеру.

Ну! не прямо ли горестно любезной Карлъ, и не достойна ли бѣдная милая твоя Генріетта сожалѣнія, что и тебя у ней нѣтъ, и нѣтъ въ такое время, когда для подкрѣпленія ея ты наиболѣе надобенъ? —— На ту пору и ты боленъ бѣдной Карлъ; да! одного сего не доставало къ доведенію горести моей до высочайшей степени! теперь, когда со всѣхъ сторонъ уязвляется сердце мое толь чувствительнымъ образомъ, того и смотри, что и сама я больною сдѣлаюсь. Да! конечно сдѣлаюсь, естьли ты, мой милой и драгоцѣнной Карлъ, естьли и ты не скоро выздоровѣешь.

О какъ стремится къ тебѣ огорченное мое сердце, и о когда бы можно было мнѣ у тебя побывать, тебя видѣть и тебя обнять моего любезнаго! —— Но какъ могу я оставить те-

перь мать, которая объ отѣѣздѣ прелюбезнѣйшаго своего супруга, а моего столь же любезнѣйшаго родителя, неописанно сокрушается, и вѣ одной только во мнѣ нынѣ всю отраду и утѣху себѣ находитѣ.

Ахѣ Карлѣ! вѣдь ты ужѐ ее теперь видѣлѣ; какая это нѣжная и какая любезная мать того еще не знаешь. Когда была она еще и Люизою Вальманшею, такѣ и тогда вся душа ея наполнена была ко мнѣ дружествомѣ и любовiю: а теперь . . . . она такѣ много, такѣ нѣжно, и такѣ жарко меня любитѣ, какѣ не любливала, надѣюсь, ни единая мать на свѣтѣ. Ахѣ! куда же какѣ щастлива я, что имѣю такихѣ любви достойныхѣ родителей. Великiй Боже! я недостойна того: но ахѣ! я и буду Тебя за то вѣчно благодарить.

Ну! теперь ужѐ далеко, и очень далеко отѣ насѣ любезной мой родитель. Ахѣ Карлѣ! сѣ каждымѣ шагомѣ приближается онѣ кѣ неприятелю ближе, которой не преминетѣ сѣ обнаженною и сверкающею саблею вѣ рукахѣ его встрѣтить, и во всю конскую прыть,

и

и алкая пролитіемъ крови, на него броситься, а онъ будучи преисполненъ толь геройскимъ духомъ, и толикою любовію къ Королю своему, вѣрно назалъ не подастся, но столь же мужественно и самъ на встрѣчу ему пустится: и долго ли тогда статься, что . . . . . но нѣтъ! нѣтъ! я уповаю Всеблагій Боже, что на то не будетъ твоей воли. Но Ты услышишь моленія мои, которыя возсылаю къ Тебѣ съ распростертыми руками и со слезами текущими изъ глазъ. Ты оградишь его щитомъ твоего покровительства, и твой Ангелъ невидимо защититъ его отъ всѣхъ пораженій смертельныхъ.

Не хочу, и не стану болѣе упражняться столь въ страшныхъ помышленіяхъ. Но ахъ! я давно не хотѣла уже того; но помышленія сіи силою тѣснятся въ мою голову и противъ хотѣнія возмущаютъ душу. Иногда проскочитъ спокойная минута, и появится пріятная и ласкающая мысль о радостяхъ будущаго времени, я стараюсь ухватить ея и распространить далѣе; но душа моя не успѣетъ начать нѣсколько успокоиваться и я со-

бираться съ духомъ, какъ вдругъ единой вздохъ любезной родительницы паки все веселіе мое разрушаетъ, и я погружаюсь опять въ горесть прежнюю. —

Болѣзнь твоя, любезной Карлъ, я не уповаю, чтобъ была опасная. —— По письму твоему кажется такъ — однако ужѐ правду ли ты писалъ? ужѐ не уменьшилъ ли ты, боясь, чтобъ меня тѣмъ съ лишкомъ не опечалить. Ахъ! не проводи и не обманывай меня любезной; но естьли хочешь, чтобъ знатная часть моего потеряннаго спокойства возвратилась, то выздоравливай скорѣе, и какъ можно скорѣе. Ежели не полегчеетъ тебѣ завтра, то пріѣду сама къ тебѣ: ибо не видавъ тебя и не зная точно о состояніи твоей болѣзни, не могу и не хочу я долѣе жива быть.

2.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолькмаръ.

Какое меланхолическое письмо получилъ я отъ тебя севодни! и сколь горестно мнѣ, что не нахожу въ немъ ужѐ того веселаго и забавнаго слога, ко-

торой

торой восхищалъ меня во всякое время: а читаю только жалкое и печальное, а что того для меня прискорбнѣе, то самъ я одинъ изъ тѣхъ нещастныхъ, которые тебѣ горесть причиняютъ. Однакожъ не могу тебя винить и тому дивиться. Такимъ нечаяннымъ образомъ найти любви достойнаго родителя, и его паки вдругъ и столь скоро потерять.... потерять. Нѣнъ, нѣтъ, не услышь того Боже! драгоцѣннаго Фолькмара, нашего отца, любезная Генріетта мы не потеряли, да не и потеряемъ никакъ; а новая слава и новая честь ожидаетъ его, и покрытаго оною и гораздо множайшею, нежели съ каковою онъ насъ оставилъ, увидимъ и облобызаемъ мы паки сего любви достойнаго. Его сабля, о Генріетта! какъ сверкаетъ, надѣюсь, она противъ непріятеля! въ рукѣ толь крѣпкой и мужественной, какова Фолькмарова, не ужѐ ли не спасетъ его? а гусары его что? помысли только Генріетта дорогая. Не каждой ли изъ нихъ герой? вѣ помрутъ они прежде, нежели оставятъ своего любезнаго Маіора. Какъ крѣпкою стѣною окружатъ они его, и отважутся

ся на все, на все, говорю, за него, и для избавленія его отъ опасности всякой.

Чтобъ гусаромъ мнѣ сдѣлаться, и въ Фолькмаровъ Эскадронъ записаться, и въ командѣ у отца нашего быть, не надлежалобъ тебѣ любезная Генріетта мнѣ отговаривать, и намѣреніе сіе почитать такимъ вздоромъ, какимъ ты его называла. Ни на единъ шагъ не удалился бы я теперь отъ него: но дралсябъ съ нимъ вмѣстѣ; спалъ бы защищать его жизнь, и у самаго его побѣждать учиться. Губертъ и я, и многіе другіе, весь Эскадронъ чего не моглибъ мы сдѣлать! — Но ты того не хотѣла; а отъ того теперь и число защитниковъ у отца нашего однимъ меньше. Однако, естьли ты теперь хочешь, въ одинъ мигъ я готовъ. — Тотчасъ полечу въ армію, дамъ себя одѣть въ шубку, и тотчасъ гусаръ! ожидаю только твоей воли на то.

Болѣзнію моею любезная Генріетта пожалуй не тревожся. Маленькая простудная лихорадка, а болѣе ничего. Еще сегодни вѣрно бы у тебя побывалъ, естьлибъ мнѣ было дозволено: но батюшка мой! вить ты знаешь его говоритъ: ни на-

на шагъ изъ избы! Ну! что изволишь? —— Не долженъ ли я повиноваться его волѣ. Правда, хоть и не гораздо охотно, но дѣлывалъ ли кто нибудь охотно то, что дѣлать велѣно.

Здержи же Генріетта данное слово, и навести меня завтра. Съ распростертыми объятіями встрѣтитъ тебя мой батюшка. А какъ любитъ онъ тебя теперь! —— теперь —— да! теперь! но не станемъ далѣе разбирать того. Каковъ ни есть, но онъ отецъ мнѣ. А я-то, какъ обрадуюсь тебѣ Генріетта! —— Батюшка мой, чтобъ ни говорилъ, и хоть было бы то въ первой разъ въ моей жизни, что я поступлю противъ его воли, но не утерплю, а выбѣгу тебѣ на встрѣчу и провожу потомъ до самаго дома. Но для Бога не проговорись ты при немъ о гусарствѣ. Онъ меня за то и..........

На матушку твою не могу никакъ дивить, что она печальна. Всѣ обстоятельства оправдаютъ ея. Утѣшай милую сію женщину, сколько можешь. А завтра ввечеру постараемся мы, отецъ Ульрихъ и я, но съ тѣмъ, ежели и ты намъ помогать въ томъ будешь,

дешь, развеселить ее. И такъ завтра послѣ обѣда увижу, обойму и поцѣлую я мою милую и безцѣнную Генріетту; а до того времени прости!

3.

Генріетта Фолькмаръ къ Карлу Вернеру.

Что ты вчера тщетно меня къ себѣ ожидалъ, тому не я причиною, а мнѣ самой было то гораздо еще чувствительнѣе, нежели самому тебѣ. Ахъ! любезной Карлъ, печальная опытность доказала мнѣ, что не всѣ Прускіе Офицеры таковы какъ Фолькмаръ. Ты помнишь, надѣюсь еще, съ какимъ кроткимъ, милымъ, пріятнымъ и дружескимъ снисхожденіемъ вошелъ сей драгоцѣнной мужъ въ домъ нашъ: и какъ онъ при первомъ входѣ своемъ овладѣлъ уже всѣми сердцами нашими и насъ всѣхъ къ себѣ прилѣпилъ. Но совсѣмъ противное тому явленіе видѣли мы вчерашняго дня. Еще и теперь трепещутъ у меня всѣ члены, а бѣдная моя родительница, и госпожа Ульрихъ, о какъ настращались они! однако слушай, что происходило.

Уже

Ужѐ подана была къ крыльцу коляска, и мы, матушка моя, отецъ Ульрихъ, и я, хотѣли только что къ нее садиться и къ вамъ ѣхать, какъ вдругъ въѣхалъ на дворъ одинъ драгунской унтеръ-Офицеръ и хотѣлъ видѣться съ Пасторомъ. Отецъ Ульрихъ велѣлъ его къ себѣ пустить.

Унтеръ-Офицеръ. Мой Капитанъ прислалъ меня занять для него здѣсь квартиру. Мы начуемъ здѣсь и пробудемъ заврашней день и еще ночь.

Отецъ Ульрихъ. У меня, господинъ урядникъ? — *Я Пасторъ* здѣшняго села, и это домъ Пасторской.

У.-Оф. Это знаю я господинъ Пасторъ! но для Капитана моего нѣтъ ни гдѣ спокойнѣйшей квартиры, кромѣ этова дома. Я всю деревню обошолъ. А сверьхъ того слышалъ я, что здѣсь и стоялъ ужѐ одинъ гусарской Офицеръ.

О. У. Это дѣло было иное: это былъ человѣкъ очень доброй. А съ такою же охотою пустилъ бы я къ себѣ и вашего господина Капитана, естьлибъ первой не покинулъ здѣсь въ домѣ у меня своей супруги, которая занимаетъ

те-

теперь тѣ покои, въ которыхъ онъ стоялъ. А сверьхъ того мой другъ я не обязанъ принимать къ себѣ постой, а ежели пускаю, такъ изъ доброй воли и для единаго угожденія.

Унт.-Оф. Я скажу это Капитану, какъ пріѣдетъ. —— Прощайте.

Теперь легко можешь заключить любезной Карлъ, что намъ никакъ не можно было ужѐ ѣхать. И такъ лошадей отпрягли, и мы стали ждать что произойдетъ далѣе.

Въ четвертомъ часу послѣ полудня вступила въ деревню нашу цѣлая драгунская рота, и Капитанъ въ препровожденіи слуги, денщиковъ и со множествомъ лошадей явился предъ крыльцомъ нашимъ.

Капитанъ. Гей! гдѣжъ Попъ?

Отецъ Улрихъ. Здѣсь я, государь мой, что вамъ надобно.

Кап. Квартира! господинъ Пасторъ, не ужѐли не дашь ты мнѣ ея?

О. У. Съ охотою бы моею, ежелибъ было можно, но у меня ужѐ есть постой.

Кап. Кто такой? —— Деревня отведена моей ротѣ!

О.

О. У. Стоитъ супруга господина Маіора Фолькмара . . . . гусарскаго полку.

Капит. Супруга! —— къ чертямъ ты и съ нею! —— какая мнѣ до того нужда, квартира мнѣ надобна: и я ее занимаю, — А она — можетъ на то время, покуда здѣсь простою, быть супругою и моею. Но добро, господинъ Пасторъ, мы ужѐ съ нею поладимъ. Пригожа ли она?

От Улр. Однако государь мой, я не обязанъ пускать къ себѣ постой; домъ мой освобожденъ отъ онаго.

Капит. Не обязанъ, освобожденъ, изволь смотрѣть, какъ поговариваетъ его преподобіе! —— Но не война развѣ у насъ теперь отче! ну естьли непріятели сюда придутъ и захотятъ стать у тебя, такъ и имъ ты скажешь, что ты освобожденъ отъ постоя.

Сказавъ сіи слова, сскочилъ онъ съ лошади и вломился силою въ домъ. Мы бросились тогда всѣ безъ памяти въ дальнюю канторку отца Ульриха, и дрожали всѣ отъ страха, какъ напуганныя козы дикія. Ничто не помогло.

Отецъ

Отецъ Ульрихъ принужденъ былъ отворить ту комнату, гдѣ стоялъ мой родитель, и Капитанъ занялъ силою въ ней себѣ квартиру.

Ну! не изрядное ли было сiе явленiе Карлъ? — Совсѣмъ тѣмъ сожалѣла я о етомъ человѣкѣ, что онъ оказалъ намъ себя при первомъ случаѣ такимъ неблагонравнымъ и грубымъ, ибо впрочемъ имѣетъ онъ въ видѣ своемъ много хорошаго. Высокаго роста и собою недуренъ. Прочее время дня и вечеръ было къ отрадѣ нашей все спокойно. Капитанъ очень усталъ, и такъ напившись шоколаду легъ спать очень рано. Сегодни онъ боленъ, и слуга его говоритъ, что занемогъ онъ чрезвычайно. Еще не остался бы онъ у насъ къ нещастiю больнымъ въ домѣ. Бѣды!....

Радуюсь сердечно тому, что болѣзнь твоя не составляетъ важности: но безпокоюсь тѣмъ, что въ головѣ у тебя бродитъ опять дрянь; оставь ты мнѣ для самаго Неба мысли о гусарствѣ! что тебѣ это попалося? Родитель мой имѣлъ бы въ тебѣ еще одного защитника! — это такъ, но я то — Я не имѣлаль бы еще болѣе заботы

и печали? У батюшки моего защитниковъ довольно: Богъ, его бравые гусары, его собственная сабля, ну, не довольно ли сего? Сумозбродной Карлъ! не говори ты мнѣ, слушай! ни единаго слова о томъ болѣе, а то я. . . . .

Въ самую сію минуту пришелъ отецъ Ульрихъ отъ Капитана, онъ ходилъ къ нему освѣдомиться о его здоровьѣ. Боленъ онъ въ самомъ дѣлѣ и боленъ очень: но такова неугомоннаго и безпокойнаго больнаго, говоритъ опечаленной старикъ, не видывалъ онъ отъ рожденія. Какими дурными мыслями надобно быть сему бѣдному человѣку зараженному. Онъ клянетъ и злословитъ все, призываетъ всѣхъ чертей, чтобъ лучше они его побрали, нежели терпѣлъ бы онъ болѣе муку и страданіе. Онъ жалуется на нестерпимое колотье и боль во всѣхъ членахъ: и что болитъ у него голова чрезвычайно. Деньщикъ его поскакалъ въ. . . за лекаремъ. — Онъ вѣрно здѣсь останется у насъ, говоритъ отецъ Ульрихъ, ибо завтра рота его должна итти въ походъ. — Боже помози намъ

бѣд-

бѣднымъ! что намъ съ симъ грубымъ и безпокойнымъ человѣкомъ дѣлать?

Ты витъ сегодни вѣрно, такъ какъ я усердно того желаю, выздоровѣешь? И какъ ты хотѣлъ вчера проводить меня до дома, такъ вить можно тебѣ сегодни и безъ насъ и одному прiѣхать? Прiѣзжай любезной Карлъ ежели дозволитъ тебѣ твое здоровье, а ежели нѣтъ, то оставайся дома.

На сихъ дняхъ ожидаемъ мы писемъ отъ любезнаго моего родителя.

4.

Амтманъ Вернеръ къ Пастору Еразму Ульриху.

Вить не бѣда ли, господинъ Пасторъ, и не досада ли случись мнѣ нынѣ съ малымъ-то моимъ Карломъ? Въ самое такое время занемоги, когда мнѣ онъ всего надобнѣе. Сперва казалось не велико дѣло, а теперь такъ худо становится, что я принужденъ посылать за старикомъ Докторомъ Зафтомъ, а онъ говоритъ, что у малова-то будетъ горячка. Ну, теперь мучитъ онъ меня и не даетъ покою. — Посылай я

за

за любезною его Генріеттою и дай ему съ нею видѣться. Я не знаю дѣлать ли сіе? не было бы хуже? не занемогъ бы онъ отъ того болѣе? а и Генріетта бы также не занемогла? Естьли вы заблаго разсудите господинъ Пасторъ, то привезите къ намъ милую сію дѣвушку, а ежели нѣтъ: то не ѣздите оба, да и не сказывайте ей о состояніи въ какомъ находится Карлъ. У меня опять постой, а говорятъ что продлится сіе еще нѣсколько времени, потому, что подходятъ все новые полки. По мнѣ пускай бы себѣ стояли, когдабъ только малой-то мой былъ на ногахъ и не лежалъ боленъ.

5.

Пасторъ Ульрихъ къ Аммману Вернеру.

Мнѣ не для чего васъ увѣрять, любезной другъ, что я въ печали вашей о болѣзни вашего сына беру соучастіе. Вы знаете ужѐ сіе, и намъ съ вами не стать ознакомливаться. Между тѣмъ однако уповаю я, что крѣпкая натура сего любезнаго юноши вскорѣ болѣзнь преодолѣетъ. Чего я усер-

дно и желаю. СЪ письмомЪ вашимЪ произошло нещастіе, которое на щотЪ моей неосторожности поставлено быть должно. Я позабылЪ его лежащее на столѣ, а Генріетта оное нашла и прочла. Печаль и безпокойство овладѣвшее сею милою дѣвкою о возлюбленномЪ ея Карлѣ неописанно. Не помогаютЪ никакія увѣщеванія. Сегодни послѣ обѣда будетЪ она у васЪ сЪ своею матерью, а самому мнѣ не можно никакЪ быть, потому что моя пасторская хижина обременена больнымЪ драгунскимЪ КапитаномЪ, которой вЪ тысячу разЪ хуже дорогова Фолькмара. Сей грубой и неугомонной воинЪ причиняетЪ мнѣ много безпокойства, и подаетЪ нерѣдко поводЪ чувствовать что нынѣ есть у насЪ война. Я желаю любезному вашему Карлу скораго выздоровленія, есмь, и прочая.

6.

Генріетта ФолькмарЪ кЪ Карлу Вернеру.

О какЪ рада я, любезной КарлЪ, что я тебя вЪ такомЪ состояніи нашла и оставила, которое вЪ состояніи было уничтожить тѣ сумнительства и заботы,

боты, въ которыя ввергло меня письмо вашего родителя. Докторъ Зафтъ весьма доброй человѣкъ. Съ Божескою помощію обѣщаетъ онъ вылечить тебя и опять на ноги поставить очень скоро. И естьли онъ ето сдѣлаетъ, то назначила я ему прямо хорошей подарокъ. Слушай его во всемъ любезной Карлъ, и исполняй все, что онъ ни станетъ тебѣ предписывать, дабы можно было мнѣ тебя опять какъ можно скорѣе обнять здравымъ.

Чего мы опасались, увы! то и сдѣлалось! —— рота пошла, а Капитанъ *Раубшицъ* остался въ домѣ у насъ больнымъ, и наводитъ намъ столько скуки, досады и безпокойства, что мы охотнѣе бы хотѣли имѣть вмѣсто его одного дватцать Фолькмаровъ и десять Губертовъ. Сегодни всталъ онъ съ постели: но все еще стоитъ великой ломъ у него въ членахъ. Онъ испросилъ у насъ бумаги, чернилъ и пера, и теперь въ комнатѣ у него очень тихо. Слуга его, по имени *Шруббертъ*, кажется неглупъ, остръ и проворенъ; но я не могу человѣка сего никакъ терпѣть. Въ видѣ его есть нѣчто отвратительное и такое, что мнѣ совсѣмъ не нравится,

вится: онЪ говоритЪ, что бояринЪ его богатой господинЪ и проживаетЪ много денегЪ. Имѣйте только небольшое терпѣніе съ нимЪ, говоритЪ онЪ: — онЪ немного вспыльчивЪ и горячь, и вЪ семЪ случаѣ безпокоенЪ; но какЪ сіе пройдетЪ, то онЪ доброй человѣкЪ. — Но по мнѣ будь онЪ себѣ какимЪ хочетЪ, ибо я не буду имѣть съ нимЪ никакого дѣла, и естьли только могу избѣжать, то онЪ меня и вовсе не увидитЪ, равно какЪ и матушку.

Естьли тебѣ силы дозволяютЪ КарлЪ, то отпиши ко мнѣ, а я постараюсь ужѐ такЪ все распорядить, чтобЪ могла я опять вскорѣ у тебя побывать.

О Боже! буди тебѣ хвала и благодареніе! вотЪ письмо получено отЪ любезнаго моего родителя, писанное вЪ . . . . . за 15 миль отсюда. Слава Богу! здоровЪ, любезной КарлЪ! онЪ здоровЪ, сей милой и любезной родитель! о когдабЪ пребывалЪ онЪ до самаго конца жизни своей вЪ здоровьѣ вожделѣнномЪ; какЪ мило и какЪ нѣжно пишетЪ сей безпримѣрный мужЪ. Но молчи, я привезу кЪ тебѣ самое письмо,

естъ-

естьли къ тебѣ пріѣду, и прочту сама его тебѣ. Матушка моя въ первой еще только разъ сегодни весела была. О когда бы она съ сего времени навсегда таковою осталась, и отчасу болѣе причинъ и поводовъ получала веселою быть! —— То-то бы могъ опять прямо веселой вечеръ у насъ быть, естьлибъ пріѣхалъ ты къ намъ, и когдабъ нахальнаго наяна здѣсь болѣе ужѐ не было. Завтра отпишу я къ тебѣ еще, а естьли можно будетъ, то и сама пріѣду.

7.

Капитанъ Раубшицъ къ Капитану Кронгольду находящемуся въ Арміи.

Гунсфотское дѣло, Кронгольдъ! ей ей самое гунсфотское дѣло, что я принужденъ здѣсь лежать и стенать и охать отъ боли, какъ баба въ родахъ, а между тѣмъ другіе черти, нестоющіе ни шелега, себѣ веселы и здоровы и рыщутъ повсюду. А всему тому вы дьяволы, равно какъ и ты съ ними, причиною, ибо отъ чего ето инова, какъ не отъ пьянства нашего въ послѣдней вечеръ предъ выступленіемъ въ походъ.

Чтобъ всѣ черти собравшись задавили Ротмистра Преллера. Ето онъ меня такъ отпотчивалъ, и съ кругу споилъ, насѣдая пуще всѣхъ прочихъ. Но добро, попадется жъ и онъ мнѣ, когда нибудь въ руки! отплачу жъ и я ему такоюжъ монетою! —— еще щастье для меня, что имѣю у себя квартиру изрядную. Какъ бы ты братъ думалъ, у кого я стою? —— у попа въ деревнѣ! —— Старая корга не хотѣлъ было меня сперва пустить къ себѣ, но какъ ему не пустить, онъ долженъ былъ. —— Въ послѣдующее утро лежалъ ужѐ я и крехтѣлъ и охалъ. Старой хрычь пришелъ было меня навѣстить, но я скоро выклялъ его вонъ изъ избы. Впрочемъ можетъ быть онъ старикъ и доброй, и я примѣчаю въ немъ столько любви Христіянской, что можетъ бы онъ и не далъ меня взять дьяволамъ, когдабъ скелетъ съ косою вздумалъ посѣтить меня.

Теперь нахожусь я нѣсколько получше, и могу, какъ ты видишь, писать къ тебѣ. Въ покоѣ и въ прочихъ удобностяхъ недостатка нѣтъ, а коновалъ, котораго мнѣ привозили, подаетъ

даетъ надежду, что я скоро выздоровѣю. — Естьли хозяева здѣшніе будутъ далѣе со мною такъ хорошо обходиться, какъ теперь; то заплачу старому попу за все изрядно. — Онъ я чаю и спитъ и видитъ, чтобъ меня скорѣе унесла отъ него нелегкая.

Слуга мой Шрубберъ, етотъ шельма и плутъ изъ плутовъ, вынюхалъ ужѐ весь здѣшней домъ, какъ ищейная собака. — Онъ прожужжалъ мнѣ уши похвалами о какой-та дѣвицѣ находящейся здѣсь въ домѣ, и которая, сказываютъ, достойна того, чтобъ за нею порыскать. Говорятъ, что будто она дочь какова-та Маіора Фолькмара . . . . . Гусарскаго полку. Мать ея, и какъ Шрубберъ говоритъ, прекрасная молодка, также здѣсь. Онъ расказывалъ мнѣ о сихъ людяхъ чудную повѣсть, похожую на самой Романъ; однако онъ утверждаетъ, что ето все правда. Мнѣ надобно спросить о томъ стараго попа, когда онъ опять ко мнѣ придетъ; но къ чему однако худая надежда, ибо онъ столь же неохотно слушаетъ клятвы, какъ я молитвы. Ежели завтра мнѣ будетъ получше, то посмотрю обѣ-

обѣихъ сихъ тварей, и буду пить шоколадъ съ ними: прочее же само собою ужѐ означится.

Каково поживаете вы? и что-то у васъ происходитъ? я не сомнѣваюсь Кронгольдъ, что ты отвѣтствовать будешь мнѣ скоро. Увѣдомляй меня обо всемъ, что у васъ происходить будетъ, и кланяйся моимъ друзьямъ. Какъ скоро только мнѣ можно будетъ, такъ отправлюсь въ полкъ, ибо лежанье здѣсь для меня несносно. Прости любезной братъ.

8.

Карлъ Вернеръ къ Генрїеттѣ Фолькмаръ.

Какъ много обязанъ я тебѣ драгоцѣнная Генрїетта за вчерашнее твое посѣщенїе меня! почто не могу отплатить тебѣ тѣмъ же сегодни! но досадной Зафтъ запрещаетъ мнѣ выходить изъ комнаты, а батюшка мой и того терпѣть не можетъ, чтобъ я и къ дверямъ близко подходилъ. И такъ принужденъ и не хотя сидѣть въ своемъ полону, и имѣть терпѣнїе.

Вашъ

Вашъ драгунской Капитанъ, по сдѣланному объ немъ описанію, не нравится мнѣ ни на волосъ. Ну, вотъ смотри Генріетта, не правда ли то, что я сказывалъ тебѣ нѣкогда объ Офицерахъ? да! — человѣкъ такой, какъ Фолькмаръ нашъ любви достойной отецъ. О когдабъ они всѣ таковыми были! Храбръ можетъ быть и етотъ, въ томъ не хочу я сомнѣваться, но храбръ вѣрно не съ такими мыслями и склонностьми, какія имѣетъ безпримѣрной твой родитель. —— Для самаго Бога не водись ты нимало съ нимъ, а естьли ты меня любишь, драгоцѣнная Генріетта, то и вовсе ему не показывайся, ибо то за вѣрное сказать можно, что онъ одинъ изъ тѣхъ, которые все то, что имъ нравится, почитаютъ своею добычею. А и слугу его какъ можно удаляй отъ себя; сему человѣку надобно бездѣльникомъ и негодяемъ быть, когда онъ противенъ такой доброй и человѣколюбивой душѣ, какова твоя любезная Генріетта.

О старомъ бѣдномъ отцѣ Ульрихѣ и о его добросердечной старушкѣ я сердечно сожалѣю. О какъ противно,

 на-

надѣюсь, было сему добродушному и милому старичку слышать клятвы, которыя онъ такъ много ненавидитъ. Впередъ ненадобно ему отнюль пускать къ себѣ постоя. Онъ освобожденъ отъ онаго, а силою же становиться никому не велѣно, а господа сіи здѣсь вить не въ непріятельской землѣ. У насъ стоятъ многіе Офицеры пѣхотныхъ полковъ, но мы не можемъ на нихъ пожаловаться. По меньшей мѣрѣ они гораздо спокойнѣе и смирнѣе гусаръ у насъ бывшихъ.

Въ отвѣтномъ письмѣ къ твоему любезному родителю не позабыла ли ты отписать поклонъ отъ меня, и старому честному и бравому Губерту? но что я говорю, ты сама его любезная Генріетта любишь, и вѣрно надѣюсь объ немъ припомнила. Теперь находится онъ въ Богеміи, старой бравой усачь, и видитъ предъ собою своего непріятеля. О какъ бы хотѣлъ я посмотрѣть какъ онъ врубается! горе тѣмъ, кого захватитъ его сабля! подлинно можно сказать Фолькмаръ щастливой Офицеръ, будучи окруженъ Эскадрономъ толь храбрыхъ людей, которые

подъ предводительствомъ его готовы на все отважиться; можетъ онъ множество преславныхъ дѣлъ надѣлать! и мы вѣрно услышимъ что нибудь скоро. Ибо гусары всегда впереди, и малая война бываетъ всегда прежде большой. Однако ты не опасайся ничего любезная Генріетта о нашемъ драгоцѣннѣйшемъ отцѣ. Онъ разумѣетъ ремесло свое изъ основанія, и имѣетъ, какъ ты сама писала, Бога, собственную свою и острую саблю, и толь многихъ бравыхъ гусаръ у себя защитниками. Вообрази себѣ ту радость Генріетта, когда мы увидимъ его здрава возвратившимся, и его обнимать и слезами радости омочать станемъ. А сіе дѣйствительно будетъ въ будущія винтеръ-квартиры. А тогда, о Генріетта! радуйся, ты будешь моею женою, а я твоимъ мужемъ.

Станемъ же любезная Генріетта до того времени мы веселиться надеждою, и бросимъ всю печаль. Болѣзнь свою я перенесъ, а скоро окончится и горничной арестъ мой, и я изъ сей неволи освобожуся, и тогда Генріетта, всякой день изъ утра до вечера я у

тебя.

тебя. —— Станемъ себѣ говорить о любезномъ нашемъ отцѣ, раскaзывать матушкѣ что нибудь забавное и смѣшное, и тѣмъ ея утѣшать: составимъ концертъ, и будемъ играть все и все, что умѣемъ. Милинькой старичокъ отецъ Ульрикъ, компанію нашу не испортитъ. Онъ самъ веселаго духа, и я уповаю дожить еще разъ до того, что и онъ у меня съ милою своею старушкою пройдетъ польской танецъ.

Будетъ ли когда нибудь писанію конецъ? —— кричитъ мой батюшка. Вотъ какое горе, и писать-то мнѣ не велятъ! ужѐ не слишкомъ ли это строго. Однако онъ не отъ лихости это дѣлаетъ, а желая мнѣ добра, сей попечительной отецъ; и такъ послушаясь его и перестану. Прости моя милая дорогая Генріетта! и не имѣй нималѣйшей заботы о моей болѣзни.

P. S. Послѣдуй же совѣтамъ моимъ и исполни то любезная Генріетта, что я говорилъ тебѣ о Капитанѣ: душа у тебя такъ хороша и невинна, что ты вообразить себѣ не можешь и не знаешь, что злые люди учинить въ состояніи. Раубшицу отнюдь не надобно тебя видѣть.

дѣть. А и съ слугою его не говори. Слуги бываютъ господамъ своимъ не рѣдко тѣмъ, чѣмъ надлежало бы старымъ бабамъ быть дьяволу. Ну! не такъ ли любезная Генріетта, ты вишь конечно это и для меня сдѣлаешь?

9.

Капитанъ Кронгольдъ къ Капитану Раубшицу.

Бѣдной! бѣдной дьяволъ! по истиннѣ сожалѣю о тебѣ, въ разсужденіи нещастія тебѣ приключившагося, или лучше сказать, которое ты самъ на себя навлекъ. Ну вотъ смотри теперь Раубшицъ, какія дурныя послѣдствія проистекаютъ отъ безпутной и дурной жизни, не всегда ли бываетъ то, и не всегда ли проистекаютъ изъ веселостей сихъ множество горестей и зла? —— Однако для тебя самое лучшее теперь время, чтобъ отстать отъ того, а безъ того вся натура твоя ослабнетъ и тѣло твое одряхлеетъ, а сіе не годилось бы въ такое время, когда для преношенія трудныхъ походовъ, дурной погоды и недостатка въ до-

доброй пищѣ и питіи потребно крѣпкое и здоровое сложеніе тѣла, а для скорѣйшаго и вожделѣннѣйшаго изцѣленія ранъ, которыя легко получить можешь, здоровые и хорошіе соки и неиспорченная кровь. Пріими ученіе сіе отъ меня любезной Раубшицъ. Оно проистекаетъ отъ истиннаго дружества, и оное внушаетъ мнѣ сіе нравоученіе тебѣ. А сверьхъ того находимся мы подъ смотрѣніемъ такова надзирателя, которой имѣетъ сто глазъ, примѣчаетъ малѣйшіе проступки, и на оные, въ Офицерѣ такова ранга, какой ты имѣешь, конечно сквозь пальцы смотрѣть не будетъ. Наши Офицеры весьма не дурное бы дѣло сдѣлали, естьлибъ о семъ со вниманіемъ подумали, и при всякомъ случаѣ напоминали, что въ полѣ трезвость въ тысячу разъ нужнѣе, нежели въ гарнизонѣ.

Я желаю искренно, чтобъ ты какъ можно скорѣе выздоровѣлъ и къ намъ къ полку пріѣхалъ. Я радуюсь, что попался ты къ добрымъ людямъ; но послушай любезной Раубшицъ, когда хозяева твои люди добрые, и когда ты хочешь, чтобъ таковыми они и впредь

были,

были, то надобно и тебѣ къ нимъ добрымъ быть. Стараго добродушнаго Пастора, о которомъ самъ ты говоришь, что онъ старикъ доброй, за чтобъ такое хотѣлъ ты обидѣть и оскорбить? Развѣ за то одно, что онъ священникъ; да, таковое вздорное мнѣніе имѣютъ многіе наши господа! но относится ли сіе имъ къ чести? —— Чтобъ ты мнѣ на сіе сказалъ? сей человѣкъ, кто бы онъ таковъ ни былъ, теперь твой благодѣтель и достоинъ благодарности твоей, а не того, чтобъ ты его обидѣлъ.

Чтожъ касается до обѣихъ госпожъ, о которыхъ ты въ письмѣ своемъ упоминаешь, то берегись любезной Раубшицъ затѣвать противъ нихъ что нибудь, могущее имѣть худыя послѣдствія. Я самъ Маіора Фолькмара не знаю; но Маіоръ Тигергеймъ, которой его довольно знаетъ, сказывалъ мнѣ, что онъ весьма достойной и заслуженной Офицеръ, и что въ прежнюю войну онъ себя весьма отличилъ, и Король его знаетъ и почитаетъ. Однако сказывалъ мнѣ Маіоръ, что неизвѣстно ему, чтобъ у сего Фолькмара

была

была жена и дочь. Но какъ бы то ни было, но не будь неосторожен̂ъ любезной братъ, и не забывай, что ты Капитанъ Раубшицъ, а притомъ еще и Кавалеръ.

Вступленіе наше въ Богемію, о которомъ ты надѣюсь ужѐ слышалъ, произошло весьма спокойно. Непріятель бѣжалъ отъ насъ повсюду, и далъ намъ волю войти съ миромъ. Чудное дѣло! мы думали, что въ самыя первые дни тутъ-то и будетъ что нибудь: а вмѣсто того мы, или по крайней мѣрѣ нашъ полкъ, не видалъ по сіе время еще и непріятеля. Однако гусарскія стычки, или война между тѣмъ ужѐ началася, и была для насъ щастлива, такъ что мы скоро увидѣли у себя плѣнныхъ. Теперь стоимъ мы въ виду у Цесарской арміи, которая не смотря на свое превосходное предъ нами число, ужасно какъ окопалась и остановила себя палисадами. Мы всѣ вообще сумнѣваемся, чтобъ Король сталъ ихъ тутъ атаковать. Ибо по чрезвычайной крѣпости толь многочисленнаго лагеря, не можно ласкаться никакъ получить успѣхъ вожделѣнной.

Гуса-

Гусарамъ нашимъ должно вообще отдать ту справедливость, что они храбры, и храбры чрезвычайно. Никакое превосходство о числѣ непріятелей ихъ не устрашаетъ, и каждой почти разъ имъ удается. Король часто бываетъ самъ при нихъ очевидцомъ удивительной ихъ храбрости, и изъявляетъ крайнее удовольствіе свое милостивѣйшими знаками своего благоволенія.

Въ кровавыхъ явленіяхъ, къ которымъ малая война подаетъ поводы, недостатка у насъ нѣтъ. Но какъ ими ничего почти не рѣшится, то умолчу я о подробностяхъ. Но естьли въ отсутствіе твое произойдетъ что важное, или что особое случится съ полкомъ нашимъ: то не премину тебя увѣдомить. Однако я уповаю, что скоро ты и самъ къ намъ будешь для принятія участія въ той кровавой чести, которая насъ здѣсь ожидаетъ. Я желаю тебѣ еще разъ скораго выздоровленія, и есмь . . . . .

10.

Генріетта Фолькмаръ къ Карлу Вернеру.

Батюшка твой, бывшей вчера у насъ, надѣюсь, исполнилъ все, что я ему поручила. Я весьма охотно бы къ тебѣ писала, но занята была, такъ разными дѣлами, что къ великой досадѣ моей никакъ было не можно.

Я не могу, да и не должна никакъ ничего отъ тебя скрывать, любезной Карлъ! и такъ признаюсь тебѣ, что я заповѣдь твою о Капитанѣ Раубшицѣ преступила; но тебѣ никакъ не можно на меня за то сердиться; ибо послушай, какъ происходило дѣло.

Съ самаго того времени, какъ онъ всталъ съ постели, жили мы съ матушкою безвыходно въ канторкѣ отца Улриха, гдѣ имѣетъ онъ обыкновеніе въ прочее время сидѣть и штудировать. Тутъ препровождали мы время свое отъ части въ читаніи книгъ, отъ части въ работахъ, а отъ части въ пріятныхъ разговорахъ о наилучшѣйшемъ изъ мужей, носившихъ нѣкогда на себѣ гусарскія шубки. Тутъ сидѣли мы вчера

послѣ

послѣ обѣда, какъ вошелъ къ намъ отецъ Улрихъ, и возвѣстилъ, что Капитанъ присылалъ къ нему своего слугу просить дозволенія, притти и пить шоколадъ вмѣстѣ съ ними. Я не могъ ему въ томъ отказать, продолжалъ говорить сей милой старикъ: и такъ теперь принуждено ужѐ вамъ будетъ показаться. Я не думаю, чтобъ онъ сталъ дѣлать тутъ какое безпутство и неблагопристойности: а естьли паче чаянія онъ, что нибудь предпринимать станетъ не по насъ, такъ мы его и поучимъ.

Матушки моей взоры повстрѣчались тогда съ моими. Мы взирали другъ на друга, пришли въ великое смущеніе и трепетали обѣ. Я не могу сего грубіяна никакъ терпѣть, сказала наконецъ моя матушка, а охотнѣе бы гораздо здѣсь осталась. —— Послушай батюшка! присовокупила я къ тому: оставте насъ пожалуйте здѣсь. Вы можете сказать, что матушка моя не очень здорова, а я не могу ее оставить. Вы одни съ госпожею Улрихою можете ужѐ съ нимъ часокъ

 мѣста

мѣста посидѣть и его разговорами позабавить.

Милой старичокъ усомнился при сихъ словахъ, устремилъ свой взоръ въ землю, и потиралъ свой лобъ рукою. Ты знаешь Карлъ: сколь много ненавидитъ онъ всякую ложъ и неправду, и что лжи онъ и въ самыхъ шуткахъ никогда не скажетъ. И такъ, чтобъ извлечь его изъ разстройки мыслей, принуждена была я изъ нужды здѣлать добродѣтель, и сама солгать. Вы можете сіе, сказала я, ни мало не погрѣшая противъ истинны сказать. Матушка моя въ самомъ дѣлѣ больна, и теперь только жаловалась, что у ней болитъ голова чрезвычайно. —— Ну хорошожъ, такъ я скажу ему это, отвѣтствовалъ онъ, и вышелъ отъ насъ тихими стопами.

Естественная боязнь, какую имѣла я къ сему дикому воину, пріумноженная еще твоимъ напоминаніемъ о осторожности, навела на меня превеликое безпокойство. Ну! теперь онъ озлится, сказала матушка моя, и милому нашему старичку ужѐ достанется отъ него за сіе. Желалабъ я, чтобъ мы сего

чело-

человѣка никогда не видали! —— Я старалась ее сколько могла утѣшать: но дѣлала сіе весьма неискусно, потому, что имѣла и сама въ томъ нужду, чтобъ меня кто вывелъ изъ смущенія и безпокойства.

Съ полчаса времени прошло въ сихъ нашихъ смущеніяхъ и гореваньѣ, какъ отецъ Улрихъ къ намъ опять вошелъ. —— Ничто не поможетъ! сказалъ онъ намъ шопотомъ. Онъ не отступно проситъ, и покоя мнѣ не даетъ, чтобъ я уговорилъ васъ вытти и удостоить его своею *компаніею*. —— Сіе привело обѣихъ насъ въ превеликую разстройку. Мы взирали всѣ трое другъ на друга, молчали и не знали, что дѣлать. Но молчанію сему скоро конецъ здѣлался: мы услышали, что нѣкто стучится у дверей, а въ самое почти то время они и растворилися, и Капитанъ вошелъ самъ въ канторку нашу. Смущеніе и замѣшательство, въ какомъ находились тогда матушка и я, безсумнѣнно было тогда всякому очевидно.

Хоть умереть, такъ не могу пересказать того, что сказалъ онъ намъ при входѣ, а видѣла только его здѣлав-

шаго низкой поклонъ, слышала голосъ его словъ, но оныхъ не разумѣла; видѣла, что взялъ онъ матушку мою за руку, и что она за нимъ пошла. А за нею принуждена была итти и я, и шла какъ деревянная.

За вѣрное можно сказать, что въ семъ первомъ явленiи появились мы не съ лишкомъ въ выгодномъ видѣ. Какъ двѣ глупыя и простодушныя овечки вошли мы въ комнату, сѣли, приняли отъ госпожи Улрихи чашки, пили и на силу на силу, и по немногу начали входить въ себя и собираться съ духомъ.

Какiя же мы по истиннѣ слабыя и бѣдныя твари, любезной Карлъ! я сама теперь себѣ смѣюсь, какъ подумаю о прошедшемъ. Ну! чего бы намъ такъ страшиться и бояться? Однако слушай далѣе.

Раубшицъ сего дни ни мало не походилъ на дикаго и грубаго воина. Не много только было въ немъ высокомѣрiя, но которое ему, какъ военному человѣку и извинительно; а впрочемъ велъ онъ себя, такъ хорошо и такъ благочинно и ласково, что мы позабыли совсѣмъ,

всѣмъ, что онъ самой тотъ человѣкъ былъ, которой съ такимъ буянствомъ вломился въ домъ нашъ, столь грубо и нагло обходился со всѣми, и милаго нашего старичка клятвами изъ дома было выгналъ, а насъ обѣихъ отъ страха въ дальнюю канторку загналъ.

И подлинно Карлъ! Раубшицъ человѣкъ весьма хорошаго вида. Онъ ростомъ еще выше моего родителя, а будетъ нѣсколько и подороднѣе онаго, весь его станъ изряднаго расположенія. Мундиръ, которой онъ носитъ весьма къ нему присталъ, и я думаю, что видъ его былъ бы и гораздо еще лучше, естьлибъ болѣзнь его не изнурила примѣтнымъ образомъ, и онъ отъ ней не былъ въ лицѣ блѣденъ... Разсуждая такъ, какъ о солдатѣ: то можетъ быть въ немъ и все то есть, что для добраго солдата требуется, но въ разсужденіи человѣка многаго инаго и недостаетъ въ немъ. Видъ и лице его каково нихорошо, но изъ взоровъ его все сіяетъ еще дикость, а и въ голосѣ и словахъ его нѣтъ той сладости, нѣжности и благопріятности, могущей всякаго плѣнить, каковая у родителя моего.

 Жаль

Жаль истинно челояѣка сего! въ такомъ прекрасномъ мужескомъ тѣлѣ, надлежало бы по справедливости обитать кротчайшей и благонравнѣйшей душѣ, дабы могъ онъ быть со всѣхъ сторонъ совершеннымъ. Отецъ Улрихъ говоритъ, что человѣкъ сей былъ бы изъящнымъ, естьлибъ не испорченъ былъ въ своей молодости. И что видимые въ немъ недостатки произходятъ отъ дурнаго воспитанія, и отъ того, что зараженъ онъ вздорными и нескладными мысльями.

Я не буду раскaзывать тебѣ всѣхъ разговоровъ, бывшихъ тогда между нами. А довольно, когда скажу, что Раубшицъ лучше и благочиннѣе былъ, нежели мы всѣ ожидать могли. Матушка моя судитъ объ немъ хорошо и дѣлаетъ изрядныя заключенія, и я не могу ей въ томъ противорѣчить. Отецъ Улрихъ не почитаетъ его злымъ съ стороны сердца, а старушка госпожа Улриха нынѣ къ нему совершенно здѣлалась доброю. Но первой примѣтилъ въ немъ нѣчто такое, чего я тебѣ пересказать не могу. О батюшкѣ моемъ отзывается онъ съ великимъ

кимъ почтеніемъ. Самолично хотя его и не знаю, говоритъ онъ, однако онъ извѣстенъ въ арміи, яко весьма достойной офицеръ, отличившій себя въ прежнюю войну, и почитаемый отъ самаго Короля, которой не упускаетъ никогда замѣчать людей имѣющихъ достоинства. Сіе здѣлало насъ обѣихъ ему друзьями. Бояться же теперь его ужѐ не для чего. А сверьхъ того, какъ онъ теперь ужѐ выздоровелъ, то вскорѣ и отбудетъ.

Вотъ все происхожденіе дѣлъ! Изъ сего можешь ты довольно ясно усмотрѣть: сколь мало въ состояніи была я исполнить твою заповѣдь. Между тѣмъ, будь любезной малой спокоенъ. Отъ Раубшица нѣтъ для тебя нималѣйшей опасности. При отходѣ своемъ хотя и просилъ онъ насъ, чтобъ мы удостоили его той чести, чтобъ могъ онъ паки пользоваться нашею компаніею, однако мы будемъ столько отъ того удаляться, сколько дозволять намъ будетъ благопристойность, и предполагать тому возможнѣйшія затрудненія.

О Боже! сколько я къ тебѣ написала, и сколько измарала бумаги! но

было много о чемъ и писать, а къ томужъ и писала я къ Карлу Вернеро, пригожему румянному малодому человѣку въ . . . . . Сегодни думаю, что тебѣ такъ, какъ желаетъ мое сердце, гораздо легче отъ болѣзни, но навестить тебя къ великой досадѣ моей, не могу я ни взавтрешней, ни послѣ завтрешней день: ибо завтре будетъ къ намъ въ гости вся Милерева фамилія, а послѣзавтрева будемъ мы на свадьбѣ въ . . . . На свадьбѣ. . . . Карлъ! слово сіе охотно ли ты слышишь? — О когдабъ могъ и ты съ нами тамъ быть вмѣстѣ. Прости и будь благополученъ! любезной малой.

11.

Капитанъ Раубшицъ къ Капитану Кронголду.

Совсѣмъ противнымъ и инако расположеннымъ тономъ, сталъ бы я отвѣтствовать на твое набожное нравоучительное письмо, естьлибъ не было мнѣ надобности поговорить съ тобою о другихъ вещахъ. Мнѣ нужна твоя помощь, и естьли ты мнѣ подлинно другъ,

другъ, каковымъ я тебя любезной Кронголдъ всегда почиталъ: то помоги мнѣ дѣломъ и совѣтомъ.

Я ихъ видѣлъ, тѣхъ обѣихъ преславныхъ тварей, о которыхъ писалъ я къ тебѣ прежде. Слуга мой Шруберъ, этотъ глупой и слѣпой скотъ! и десятой доли не расказалъ изъ того, что я нашелъ дѣйствительно самъ послѣ. Чертъ меня побери! естьли видалъ я когданибудь прекраснѣе женщину той, какова супруга Фолкмарова. Однако какая бы красавица она ни была, но мнѣ до ней мало нужды; всѣ ея прелести помрачаются Генріетою ея дочерью, такъ какъ сіяніе лунное помрачается сіяніемъ солнца. Слышь, Кронголдъ, все что есть на свѣтѣ прекраснаго, вмѣщается въ Генріеттѣ. Вообрази себѣ всѣхъ пригожихъ дѣвушекъ, какихъ ты только видалъ и знаешь, совокупно отними отъ каждой все то, что есть въ ней лучшаго и прелестнѣйшаго, и составъ изъ всѣхъ сихъ прелестей одну дѣвку, такъ тогда будешь имѣть предъ собою Генріетту.

При самомъ первомъ воззрѣніи былъ я прелестьми этой дѣвки, такъ очарованъ,

вянъ, что вышелъ почти самъ изъ себя. Я испросилъ у госпожѣ честь пить вмѣстѣ съ ними Шоколадъ. Старикъ мой попъ, принесъ мнѣ въ отвѣтъ отказъ. Но я прогналъ его опять, а не хотя вторичнаго дожиданія, пошелъ за нимъ самъ, и вошелъ противъ всякаго ожиданія въ ихъ комнату. Смущеніе и замѣшательство, въ которое приведены онѣ были нечаяннымъ моимъ приходомъ придало красы имъ еще болѣе, и вознесло преславную Генріетту до самыхъ Ангеловъ, какіябъ они творенія ни были.

Я убѣдилъ ихъ итти за мною и мы сѣли такъ, что небесная сія красотка сидѣла противъ меня. Слышь, Кронголдъ! во всю жизнь мою, не имѣлъ я ни съ кѣмъ еще толь пріятнаго свиданія и разговоровъ. Однако ты не думай, чтобъ былъ я притомъ дикимъ и бѣшенымъ. Кленусь честію, хоть бы хотѣлъ, такъ не могъ тогда быть таковымъ. Я чувствовалъ нѣчто такое, чего никогда не чувствовалъ. Какъ мнѣ то назвать? Назову хотя почтеніемъ къ прекрасной матери, а подобострастіемъ къ прекрасной дочери.

Прав-

Правда! сими словами не изображяется еще все, но дьяволЪ пусь изображаетЪ такія ощущанія, которыхЪ для изображенія не знаютЪ словЪ приличныхЪ: а отЪ меня, ни мало вЪ томЪ не искусившагося и подавно того требовать не можно.

Говорила, сія прелестная и обрабѣвшая тварь, хотя и очень мало. Но надобно вЪ высокомЪ градусѣ глупымЪ быть, естьли не умѣть и изЪ немногаго усмотрѣть ее божественнаго разума. ИзЪ двухЪ или трехЪ остроумныхЪ и затѣйливыхЪ словечекЪ, проговоренныхЪ ею, какЪ бы ненарочно, заключаю я, что надобно ей весьма веселаго нрава быть, и что воздерживала только отЪ того ее застѣнчивость. Однако о семЪ распровѣдаю я скоро: и эту робкость, свойственную всѣмЪ деревенскимЪ красоткамЪ, она у меня ужѐ покинетЪ. Знакомство ужѐ сведено: и не такЪ мало для меня пріятно, чтобЪ не сталЪ я стараться о продолженіи онаго далѣе.

Но что мнѣ теперь дѣлать любезной КронголдЪ? Я люблю несравненную сію дѣвку превыше всѣхЪ описаній.

И можно ли кому нибудь увидѣвъ, и не очароваться ею? Ты самъ и со всею Философiею своею отдалсябъ въ полонъ, естьлибъ Ангелу такому вздумалось, предъ тобою явиться. Я не одну ужè дѣвку на свѣтѣ любливалъ . . . Любливалъ? . . . . Нѣтъ сему почти быть не можно; ибо, того что я чувствую теперь, не чувствовалъ я любясь ни съ Шарлотою М . . . . Ни съ Люизою X . . . . Ни съ Фридерикою К . . . . Ни съ . . . . И прочими. Однако тѣ всѣ и не были Генрiеттою, а едва негоднѣйшими только копiями, напачкаными негоднымъ моляришкомъ. Проклятая бѣда! что мнѣ скоро отсюда ѣхать должно: о когдабъ черти побрали теперь всѣхъ Австрiйцовъ: такъ не было бы намъ нужды прогонять ихъ, и не дьявольское ли дѣло! принужденъ ста я теперь настоящее царство небесное, обитаемое такими Ангелами, промѣнять на безпокойной и трудной лагерь, и вмѣсто того, чтобъ время препровождать съ Ангелами, долженъ драться съ дьяволами и чертями.

Однако, что помогутъ роптанiя! еще разъ любезной Кронголдъ, что

мнѣ

мнѣ дѣлать? Я такъ дѣвкою этою объятъ, что не могу ни очемъ иномъ, какъ объ одной объ ней мыслить. Жениться? — Хорошо, но женидьба-та . . . . Можетъ ли кто изъ любящихъ вольность предпріять сіе? У Шруббера есть нѣчто на умѣ. Но . . . Естьлибъ ты не такой набожной и совѣстной дьяволъ былъ, такъ изъяснилсябъ тебѣ во всемъ: но ты до того ужѐ себя довелъ, и такую власть надо мною взялъ, что въ иныхъ случаяхъ я тебя ужѐ и побаиваюсь. Слышь! Кронголдъ: не будь же къ дьяволамъ глупецъ! и помоги мнѣ. Ты дѣтина острой и умной. Планъ искусному увезенію прожектированной тобою и расположенной такъ, чтобъ не было на меня никакова подозрѣнія, или по крайней мѣрѣ, чтобъ не было подозрѣнія вѣрнаго и безсумнѣннаго. — Вотъ чего хотѣлось бы мнѣ отъ тебя! Шрубберъ мой пронырливой и лукавой малой, Антонъ твой такой же почти плутъ. За производствомъ дѣла не станетъ, а и въ деньгахъ недостатка не будетъ. Ну! чегожъ не достаетъ братъ! — мать вѣрно не жена Фолкіарова, а ничто иное,

какъ Митреса: и такъ естьлибъ прекрасная ея дочка, здѣлалась моею, то не иное бы что вышло, какъ то, что и етабъ здѣлалась тѣмъ. чѣмъ есть мать ея Люизка. Сію Фолкмаръ такимъ же небось образомъ отъ отца спровадилъ. Какъ ты о семъ думаешь?

Не думай любезной Кронголдъ, чтобъ все это шутка была, нѣтъ мой другъ: я говорю безъ всякихъ шутокъ и прошу отвѣтствовать мнѣ, какъ можно скорѣе, нежели на почтѣ не можно поспѣшить, то хотя чрезъ нарочнаго.

Болѣзнь моя миновалась, но силы мои такъ истощились, что мнѣ нарочитое время, время потребно къ тому, чтобъ паки собраться съ оными. Поклонись моимъ друзьямъ и отвѣтствуй поскорѣе.

12.

Фрицъ Розенталъ къ Карлу Вернеру.

Я бы самъ къ тебѣ пріѣхалъ любезной Карлъ посмотрѣть, сколь много оправился ты отъ своей болѣзни, естьлибъ было мнѣ досужно, и я не принужденъ былъ ѣхать на поле осматри-

ривать хлѣбы и работы вмѣсто батюшки, которой отчасу становится хуже и слабѣе. Но послушай-ка Карлъ! у меня есть нѣчто на сердцѣ, о чемъ охотно бы я тебѣ хотѣлъ сказать, и тебя увѣдомить, естьлибъ я зналъ, что ты не слишкомъ тѣмъ обезпокоишся. Однако и умолчать и скрыть того отъ тебя не годится: ибо въ семъ случаѣ моглибъ съ другой и крайнѣ чувствительной для тебя стороны произойтить многія нещастія. Правда: ты не заслужилъ того, чтобъ я такъ много о тебѣ заботился; ибо, что ты въ сосѣдство ко мнѣ подъѣхалъ и пасторскую Генріетку, а нынѣшнюю госпожу дѣвицу Фолкмаръ отъ меня отбоярилъ, это было также неочень хорошо, и я могъ бы теперь самъ смѣяться, когдабъ другой у тебя то поотбралъ, чего лишился я чрезъ тебя. Однако это дѣло прошлое, и я не столь мстителенъ; а думаю, что въ свѣтѣ дѣвокъ, много; всѣжъ онѣ замужъ идутъ охотно, такъ найдется и для меня какая нибудь.

Ты, малой вспылчивой и горячей: такъ не встревожся слишкомъ отъ то-

го, что я къ тебѣ писать буду. Ты знаешь, что въ приходѣ нашемъ у Пастора стоитъ Драгунской Капитанъ, которой остался тутъ за болѣзнію, однако нынѣ выздоровѣлъ, а все еще тутъ, и прочь не ѣдетъ. Все это надѣюсь знаешь ты чрезъ свою дѣвку, но того надѣюсь еще не вѣдаешь, что Драгунъ этотъ въ Генріету даже до дурачества влюбленъ, а слышу я, что и она не неохотно на него смотритъ. Спросишь ты, чрезъ кого я ето знаю? а вотъ! —— Капитанской слуга спознакомился въ шинкѣ съ нашимъ садовникомъ, и приходилъ къ нему ужѐ нѣсколько разъ и въ садъ. Онъ довольно ясно о томъ намѣкалъ и съ превеликимъ любопытствомъ распрашивалъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до Генріетты и до ея родителей. — Тутъ ни чѣмъ будетъ, сказалъ садовникъ на то, да и трудно пожививиться. Дѣвушка эта сговорена ужъ за сына Амтмана Вернера изъ . . . и какъ скоро отецъ ея возвратится на зимнія квартеры, то будетъ здѣсь и свадьба.

Слуга услышавъ сіе, сказываютъ, примѣтно изумился, и распровѣдывалъ о многихъ другихъ вещахъ, о которыхъ бы

бы ему кажется и знать не было ни малѣйшей нужды. И такъ смотри Карлъ: и дѣлай самъ, что знаешь. Чтобъ Драгунъ этотъ не перебилъ тебѣ дороги. Съ дѣвками всегда сумнительное дѣло, естьли любовникъ за ними по пятамъ не смотритъ. Генріетта, правда одна изъ лучшенькихъ, однако дьяволъ, а не мы, вѣрь Офицерамъ! сіи господа ремесло свое очень разумѣютъ. И такъ вставай и оправляйся Карлъ скорѣй: и естьли надобенъ буду тебѣ я: то ты братъ довольно знаешь Фрица. — Не сказывай Генріеттѣ о письмѣ моемъ ни единаго слова.

13.

Карлъ Вернеръ къ Фрицу Розенталю.

Благодарю братъ Фрицъ за письмо, которое получено было мною весьма къ стати, ибо въ самое то же время получилъ я одно и отъ Генріетты, и оба они такова состоянія, что другъ друга объясняютъ. Самъ дьяволъ и сатана насылаетъ на нашу шею сихъ проклятыхъ солдатъ, отъ которыхъ только и слышишь что пакости. Какая не легкая давитъ тамъ у васъ въ деревни этова проклятаго Драгуна, и какая лихая

болѣсть держитъ его по сю пору въ Пасторскомъ домѣ. Изрядному право надобно быть ему Капитану! товарищи его всѣ сѣкутся теперь и рубятся въ полѣ, а онъ валандается здѣсь и вѣшается съ дѣвками. Фолкмаръ! не такъ поступилъ. Сей достойной мужъ оставилъ и жену и дочь, не смотря хоть только лишъ нашелъ оныхъ, и пошелъ въ поле противъ непріятеля. —— Ты говоришь, что и она не неохотно на него смотритъ. Прахъ побери! Фрицъ! либо ты дьяволъ, либо эта дѣвка сатана. —— Но вотъ здѣсь у меня письмо отъ ней! смотри, какъ она въ немъ его расхваляетъ. И хорошъ то онъ и пригожъ и ведетъ себя благочинно. Нѣтъ Фрицъ! ты малой доброй, а эта дѣвка сатана! Ну! скажи малой, что мнѣ начать? нелегкая бы меня побрала! почто я не околѣлъ отъ болѣзни! Но прежде нежели допущу, чтобъ этотъ проклятой Драгунъ у меня мою дѣвку подбрилъ: слышь! Фрицъ: прежде оба они умрутъ, а я за ними.

Сегодни въ вечеру украдусь я тайкомъ отъ моего отца, и на рыжемъ на своемъ прискачу къ тебѣ: и тутъ поговоримъ

ворим съ тобою обо всемъ словесно. Но не давай никому знать о томъ. Я не хочу видѣться съ дѣвкою, и она не должна знать, что я у тебя былъ. Садовнику своему прикажи слугѣ капитанскому обѣ ноги переломать, ежели онъ опять къ нему придетъ. За всякую изъ нихъ заплачу я ему по пяти талеровъ. Такъ золъ я на этова мошенника.

14.

Генрiетта Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Либо ты больнѣе здѣлался, либо находишь увеселенiе въ томъ, чтобъ меня мучить. Перваго я не уповаю, а послѣднее былобъ мнѣ очень досадно. Для чего не отвѣтствовалъ ты мнѣ на мое послѣднее письмо? И для чего не бывалъ самъ, ибо по всему вѣроятiю ты теперь выздоровѣлъ ужѐ совершенно.

Слушай малой! ты у меня уже и изшелился? или что того еще хуже, уже не нашелъ ли ты чего нибудь инова, и за тѣмъ позабылъ, что твоя Генрiетта здѣсь тоскуетъ по тебѣ? Однако въ этомъ я противъ тебя погрѣшаю. Ты бышъ боленъ былъ бѣдной

малой! такъ помышлять о томъ было тебѣ нѣкогда! со всѣмъ тѣмъ, причину, для которой ты ко мнѣ не писалъ и самъ къ намъ не бывалъ, знать мнѣ необходимо должножъ. И я подъ опасенiемъ крайней своей немилости приказываю тебѣ дать мнѣ въ томъ полной отчотъ.

Я посылаю къ тебѣ письмецо сiе денщикомъ моего батюшки, которой привезъ къ намъ вчера прямо радостное извѣстiе. Сему человѣку приказала я безъ тебя или по крайней мѣрѣ безъ отвѣтнаго отъ тебя письма отнюдъ домой не возвращаться. Батюшкины письма къ матушкѣ и ко мнѣ, въ которыхъ писано много кой чего до насъ обѣихъ въ особливости касающагося, надобно мнѣ самой тебѣ прочесть: ибо я ласкаюсь воспользоваться притомъ не однимъ поцѣлуемъ. Писанное же къ отцу Урлиху посылаетъ онъ къ тебѣ съ симъ же посланнымъ, дабы въ случаѣ, ежели ты къ намъ быть не можешь или *не похочешь*, было бы тебѣ читать что.

Господинъ Раубшицъ все еще продолжаетъ быть весьма вѣжливымъ и благонравнымъ Ковалеромъ. Но сей же Господинъ Раубшицъ начинаетъ прел-

при-

принимать нѣчто такое, что мнѣ не очень нравится. Онъ играетъ ролю влюбленнаго. Противъ кого? И! Карлъ противъ кого иного? какъ не противъ дѣвки твоей. Дѣло сіе для тебя теперь и не такъ то, чтобъ было слишкомъ противно: ибо какъ самъ ты ко мнѣ не пишешь и не пріѣзжаешь, и бѣдную свою дѣвку позабываешь: такъ длячегожъ и не быть тому пріятну для меня, что другой забавляетъ меня разговорами о томъ, о чемъ говорить люблю я столь охотно, и къ каковымъ разговорамъ *ты меня самъ столь сильно пріучилъ.* А господинъ *Раубшицъ* развѣ не прекрасной молодецъ? —— Конечно прекрасной! правду сказать хоть не такъ хорошъ и прекрасенъ, какъ господинъ Карлъ Вернеръ, однако все таки прекрасенъ. Къ томужъ онъ Капитанъ Карлъ, и . . . богатъ. Замѣть себѣ сіе малой! и не доводи меня до крайности, а то . . .

Матушка моя приказываетъ тебѣ, своему сыну, пріѣзжать къ намъ колико можно скорѣе: а я знаю чѣмъ и наказать тебя, естьли ты не послушаешся. Меня къ себѣ ты не дожидайся, дѣло

иное, развѣ ты опять слегъ, однако до сего не допусти Боже! Да и быть не можетъ: ибо батюшка вашъ конечнобы насъ о томъ увѣдомилъ.

Еще одно. Письмо батюшкино къ отцу Урлиху пожалуй ты у меня не потеряй. Онъ требуетъ онаго назадъ, и я его назадъ требуюжъ. Для меня каждое его слово такъ драгоцѣнно, какъ алмазъ.

15.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолкмаръ.

Хотя я и совершенно выздоровѣлъ, но родителю моему не угодно, чтобъ я подвергъ себя суровости погоды. Писать не имѣлъ я времени, но какая бы въ томъ ея благородію госпожѣ дѣвицѣ Фолмаръ и нужда была, пишетъ ли, или не пишетъ, пріѣжаетъ ли или не пріѣжаетъ Карлъ Вернеръ? Гораздо пріятнѣйшая бесѣда съ столь вѣжливымъ, благонравнымъ и прекраснымъ Кавалеромъ, каковъ господинъ Раубшйцъ, которой къ томужъ еще Капитанъ и богатъ: надѣюсь въ состояніи уже будетъ замѣнить отсутствіе мое.

Пись-

Письмо отъ господина Маіора Фолкмара, котораго Карлъ Вернеръ выше всего въ свѣтѣ почитаетъ, отдастъ онъ при случаѣ тому честному старику, къ кому оно писано. Писавшяго же сію цидулку, дьяволъ бы побралъ и со всѣми тѣми, которымъ хочется приводить его въ сіе бѣшенство.

16.

Маіоръ Фолкмаръ къ Пастору Улриху.

Наконецъ, послѣ столь многихъ безпокойныхъ и нерѣдко кровавыхъ дней и ночей, улучилъ я нѣсколько свободныхъ часовъ и удобнаго времени поговорить съ вами и съ любезными моими родными. Драгоцѣннѣйшій мужъ! коль великимъ долгомъ обязали вы меня, тѣми стараніями и попеченіями, какія имѣли вы 19 почти лѣтъ въ мою пользу съ толикимъ усердіемъ и любовію. Любви достойной старецъ, отецъ единородной и любезной моей дочери, чѣмъ заплатить мнѣ за благодѣянія ваши, которыя превосходятъ всякое воздаяніе!

Что могу я иное теперь здѣлать, кромѣ увѣренія, что благодарность моя будетъ вѣчная, и признательность никогда не окончится. Въ самое еще и теперешнее время продолжаете вы благодѣтелемъ моей фамиліи и для любезной моей супруги и дочери всѣмъ тѣмъ, быть, чѣмъ быть мнѣ бы долженствовало, но никакъ не можно. Я все сіе признаю, и признаю съ благодарностію, изъ глубины моего сердца происходящею, и ни о чемъ такъ не безпокоюсь, какъ о томъ, что я не въ состояніи сію благодарность вамъ самимъ дѣломъ доказать. Правда! я богатъ, но воздаянія сего рода суть не для такихъ великодушныхъ и безкорыстныхъ душъ, каковая у того любови и почтенія достойнаго старца, къ которому я пишу сіе. Однако почтенный старче! есть нѣкто иной, котораго мы оба знаемъ, и которой можетъ и хочетъ наградить за всякое доброе и похвальное дѣло, которое здѣсь производится, а тамъ славою сіять будетъ. ——

Таковуюжъ благодарность чувствую и изъявляю я милой и почтенной вашей хозяюшкѣ, оказавшей толь многія ма-

матерьскія благодѣянія мнѣ и всѣмъ мнѣ принадлежащимъ. И ее мою милую и почтенную мать принужденъ я къ томужъ отослать, кто одинъ только въ состояніи наградить всякаго по достоинству. Продолжайте любезной отецъ и вы любезная мать оказывать женѣ и Генріеттѣ моей родительскія ваши благодѣянія и дружбы. Я уповаю, что обстоятельствы дозволятъ мнѣ взять Винтеръ квартиру мою у васъ. И тогда Карлъ Вернеръ сей любезной малой получитъ свою Генріетту, и я отправлю жену мою и дѣтей въ свои деревни, для принятія которыхъ поручилъ уже я пріятелю своему Визенау здѣлать всѣ нужныя распоряженія. А до того времени не оставте уже вы ихъ отеческими своими попеченіями. Теперь что нибуть о войнѣ

Походъ и Компанію нашу для гусарскихъ войскъ можно почесть беспокойнѣйшею и труднѣйшею. Ниединаго дня не проходитъ безъ кровопролитія. Между тѣмъ какъ пѣхота и тяжелая кавалерія стоитъ спокойно въ своемъ лагерѣ, разъѣзжаемъ и рубимся мы безпрерывно. Мои бравые гусары суть все,

чѣмъ они быть должны. При каждомъ случаѣ видно мужество и отвага ихъ при атакахъ, и всякой разъ побѣда увѣнчеваетъ ихъ. По сіе время наша сабля еще непобѣдима, и каждое предпріятіе удавалось намъ, не смотря ни напревосходную силу ни на другія выгоды и непріятелей. Но многихъ изъ шквадрона своего я уже потерялъ. О каждомъ изъ нихъ сожалѣю я сердечно! старой честной Губертъ! вашъ любимецъ простреѣленъ сквозь лѣвую руку, а молодой Блицеръ, къ которому Генріетта была столь благосклонна, порубленъ саблею въ самое лицо и получилъ превеликую рану. Сей малой столько храбръ, сколько быть только можно, и мужества его самая рана ни на волосъ не уменьшила.

Король нашъ такъ бодръ, такъ свѣжъ и такъ здоровъ, какъ юноша. Онъ часто бываетъ посредѣ насъ, рекогисируетъ съ нами непріятеля: и нерѣдко бываемъ мы столь щастливы, что при самомъ присудствіи его производимъ дѣла Ироическія, и получаемъ отъ него милостивѣйшіе знаки высочайшаго его благоволенія. За то Господь да сохра-

сохранитъ намъ его; его, которой для насъ все и все, а непріятелямъ нашимъ устрашеніемъ есть.

Къ воспослѣдованію генеральной баталіи въ скоромъ времени нѣтъ ни малой надежды. Непріятель стоитъ непоколебимо и безъ малѣйшаго движенія въ своемъ крѣпкомъ и неприступномъ лагерѣ. Все это нехорошо для арміи, какова наша, которая охотно атакуется и дѣло скоро рѣшить любитъ. Вообще наше дѣло есть наступательная война, а здѣсь производить ее не можно.

Какъ вы думаете, любезной Улрихъ! непереслать ли мнѣ къ вамъ старика Губерта? Мнѣ онъ теперь ни къ чему ненадобенъ, а у васъ могъ бы онъ изцѣлиться. Есть ли вы желаете къ себѣ сего стараго усача: то увѣдомте меня. Лекарь изъ . . . . можетъ лечить онаго на моемъ коштѣ, а какъ вылѣчится, то пришлите мнѣ его назадъ.

Изъ письма моего къ женѣ моей усмотрите распоряженіе, зделанное мною въ разсужденіи ея, и Генріетты и сына моего молодаго Вернера. Первыя обѣ не будутъ ничего предпринимать

безъ вашего родительскаго совѣта, а послѣднiй нетакъ глупъ и нестоль непослушливъ, чтобъ сталъ что нибудь дѣлать вамъ противное.

Цѣлую васъ любви достойной и благодѣтельной старецъ, васъ и вашу милую и дорогую хозяюшку, и пребываю навсегда.

Вашъ и протч.

17.

Пасторъ Улрихъ къ Карлу Вернеру.

Для самаго неба! умилосердитесь! господинъ Вернеръ! что намъ дѣлать съ письмомъ вашимъ, которое вы прислали къ Генрiеттѣ? Какую чуху, и сколько бѣдъ надѣлали вы! бѣдная дѣвка въ отчаянiи теперь, а мать ее въ крайнемъ огорченiи и печали! что такое могло преклонить васъ поступить столь худо и неблагородно съ любви достойною тварью? —— Ревность! а ни что иное! — сiе видимъ мы наияснѣйшимъ ѡбразомъ изъ окаяннаго письма, писаннаго вами въ часъ злѣйшей. Но охъ! охъ! мой сынъ любезной! годится ли этой проклятой страсти этой

злѣй.

злѣйшей рушительницы покоя нашего, давать въ душѣ своей мѣсто? Бѣдная невинная дѣвка! издѣвочное сіе письмо, которое послала она къ вамъ съ денщикомъ, я самъ читалъ. Кто могъ думать, чтобъ произвело оно столь худыя слѣдствія!

Весьма — весьма вы здѣлали худо, любезной сынъ, что послѣдовали первымъ внушеніямъ вашего сердца. Въ Генріеттиныхъ жилахъ течетъ благородная Фолкмарова кровь. А Раубшицъ ктобы таковъ и каковымъ бы онъ нибылъ: но далеко удаленъ отъ того, чтобъ любила его сія любви достойная дѣвка. Карлъ Вернеръ есть одинъ, котораго она любитъ, и которой изъ всѣхъ на свѣтѣ людей, наименѣе достоинъ будетъ любимъ быть симъ ангеломъ, естьли онъ съ самой сей минуты не раскается въ томъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, что не основательною ревностію своею, толь много и не справедливо обидилъ и оскорбилъ сію невинную.

18.

Карлъ Вернеръ къ Фрицу Розенталю.

Что ты это надѣлалъ? Проклятой малой, ну! вотъ смотри и прочти

сіи

сіи оба письма, отЪ моей Генріетты и отЪ стараго Улриха, и трепещи. ЧтобЪ всѣ дьяволы и сатаны побрали тебя и сЪ проклятымЪ твоимЪ письмомЪ, а сЪ тобою и меня за то, что тебѣ повѣрилЪ! ну можетЪ ли дѣвка, любящая кого инова, такЪ писать, какЪ писала ко мнѣ Генріетта? Не ослѣпЪ ли я тогда и не сумашедшимЪ ли я былЪ. Или самЪ дьяволЪ осѣдлавЪ меня, верхомЪ на мнѣ ѣздилЪ? —— Старова Улриха письмо сЪ ногЪ меня сразило. Каждая строка какЪ стрѣла пронзаетЪ мое сердце. Ну! ФрицЪ! что теперь мнѣ дѣлать? —— О Боже! ну, естьли узнаетЪ о томЪ батюшка! —— есть ли провѣдаетЪ добродушной ФолкмарЪ! — естьли дѣвку-то я потеряю! ты ФрицЪ! причиною тому будешь. И естьли сіе здѣлается: то будь удостовѣренЪ, что я и вЪ вѣчности буду твоимЪ еще врагомЪ и злодѣемЪ. Оправдаться мнѣ необходимо надобно, и такЪ хорошо, какЪ умѣю. Письму твоему, сему проклятому письму, должно мнѣ теперь помогать. Я пошлю его старому Улриху для моего оправданія, однако имя твое отрѣжу, и руку твою никто неузнаетЪ.

узнаетЪ. ПоможетЪ; —— хорошо, а буде нѣтЪ, то смотри, что будетЪ. Бѣдная, бѣдная дѣвка!

19.

ФрицЪ Розенталь кЪ Карлу Вернеру.

Не самой ли ты дьяволЪ, малой! ну! что худова здѣлалЪ я? Не сЪ наилучшимЪ ли намѣреніемЪ предпринимано было дѣло? Не изЪ дружества ли одного проистекло письмо мое? —— Ну: что иное писалЪ я кЪ тебѣ, какЪ не то одно, что примѣтилЪ садовникЪ нашЪ изЪ рѣчей слуги Капитанскаго. А старой нашЪ ФранцЪ не столь мало честенЪ и справедливЪ, чтобЪ могЪ самЪ чтонибудь взять сЪ вѣтра. Да ты и самЪ пишешь, что Генріеттино письмо подтверждаетЪ писанное мною. Ты не достоинЪ КарлЪ того, чтобЪ тебѣ добра хотѣть, ты неблагодаренЪ, а вЪ самомЪ дѣлѣ, буде не прогнѣваешся, когда скажу: самой дуракЪ! ИзЪ дѣла сего чтобЪ ни вышло, но я то знаю, что у меня худова на умѣ не было, и я не боюсь тебя, ни угрозЪ твоихЪ; по мнѣ посылай себѣ письмо

мое къ старому Улриху, и не отрѣзывая и моего имени, ибо въ немъ нѣтъ ничево такова, чтобъ могло служить къ стыду мнѣ, а впрочемъ дѣлай себѣ, что хочешь. Съ сего времяни какая мнѣ нужда до тебя и до дѣвки твоей, всего меньше буду помышлять и заботиться объ васъ.

20.

Карлъ Вернеръ къ Пастору Улриху.

Письмо Ваше, Господинъ Пасторъ, вывело меня наконецъ изъ окаяннѣйшаго моего заблужденія. Сколь много обязанъ я вамъ, любезной Господинъ Улрихъ, за сіе благодѣяніе ваше ко мнѣ. Какъ можно было впасть въ оное, говорите вы! Весьма было можно, Отецъ драгоцѣнной. Въ Генріеттиномъ письмѣ говорено было столь много выгоднаго о окаяномъ Раубшицѣ, что любовь моя къ сей дѣвкѣ была тѣмъ встревожена, а приложенное при семъ письмо, которое получилъ я въ одно почти время съ ея письмомъ, не моглоль раздражить и самова холоднѣйшаго любовника.

И такъ признаюсь, что я виноватъ, и очень виноватъ, и бѣсился безъ причины. Благодарить Бога! что привсемъ нещастіи моемъ, могу почесть сіе величайшимъ щастіемъ для себя: но бѣдная то невинная дѣвка! сколь чувствительно обижена она! сколь непростительна поступка моя противъ ее! что мнѣ дѣлать теперь, что начинать, для примиренія съ нею. Я не отважусь прежде пріѣхать къ вамъ покуда она не проститъ меня. Отдайте ей вложенное здѣсь письмо, Отецъ любезной, и подкрѣпите своею прозьбою, мою о томъ, чтобъ она простила меня.

21.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолкмаръ.

Бѣдная и невинно оскорбленная дѣвка! можешь ли ты мнѣ простить? А естьли можешь, то похочешь ли это здѣлать? Не достоинъ я того, это я знаю, но сколько добра дѣлала уже ты мнѣ нимало не разбирая, достоинъ ли я того, или не достоинъ? Проклятая окаянная ревность! къ чему довела она меня! Но не уже ли меня ни-

мало извинить не можно любезная Генріетта? Твои письма, наполненныя ненавистнымъ Раубшицомъ, и говорящія объ немъ столь выгодно, не въ состояніи ли были меня озаботить и встревожить! Естьлибъ не здѣлали они того, то доказалобъ сіе, что я не люблю тебя, а проклятое письмо, которое покажетъ тебѣ отецъ Улрихъ, не долженствовалоли наконецъ взбѣсить меня.

Я ошибся, любезная дѣвка, и, о сколь щастливъ я, что ето была ошибка. Однако отпусти ты мнѣ сіе. Дозволь любви нашей быть заступницею за меня и оправдать меня въ моей ревности и въ проступкахъ передъ тобою. Несказанно я тебя обидилъ, но несказанно и люблю я тебя. Всякому наказанію подвергаю я себя охотно, какое на меня ни наложишь, когдабъ только то примирило меня съ тобою. И такъ есть ли ты меня простила, то прикажи къ себѣ летѣть, буде нѣтъ: то удалюся далече, и навсегда отъ тебя.

22.

Генріетта Фолкмаръ къ Карлу Зернеру.

Пріѣзжай! пріѣзжаи неугомонной малой: лети въ объятія вѣрной Генріетты

ты. Она накажетъ тебя доказатальствами своей нѣжности и ненарушимой вѣрности. Когда ето будетъ, что ты узнаешь ету дѣвку, которая для одного тебя живетъ, и имѣетъ одно только сердце; и имѣетъ оное для одного тебя? Однако слушай, любезной Карлъ! безъ всякихъ шутокъ говоря: отъ дурачества ревности изцѣляй свое сердце, какъ можно скорѣе. Вотъ уже два раза ты меня тѣмъ обидилъ! При первомъ разѣ ты пристыженъ: а теперь ты опять за тожъ и гораздо еще примѣтнѣе за тожъ! какихъ послѣдствій не можетъ произойтить, естьли ты и впредь доведенъ ею будешь къ тому, чтобъ меня таковыми подозрѣніями обезчестить Не здѣлаешь ли ты обоихъ насъ нещастными? Я не спорю, что произошло сіе отъ любви, однако все бы хотѣлось мнѣ, чтобъ ты любилъ меня нѣсколько поразумнѣе, и имѣлъ бы болѣе довѣренности ко мнѣ. Присланное письмо писано Амтманскимъ сыномъ Фрицомъ. Я узнала его руку, но ему хотя бы сего и не дѣлать, такъ нехужебъ было, какая намъ нужда заботиться о Шруберовомъ болтаньѣ съ его

садовникомъ. Но полно и ни одного слова болѣе о семъ вздорѣ.

Со всѣмъ тѣмъ надобно тебѣ, хотъ бы не хотѣлъ, но готовиться выслушать строгое казанье отъ отца Улриха. Содержаніе проповѣди его будетъ о вредныхъ слѣдствіяхъ ревнивости, яко источникѣ безчисленныхъ дурачествъ и производящемъ отчасти смѣшныя, отчасти крайне печальныя явленіи. Выслушай со вниманіемъ это казанье и исправся. Милой старикъ не дурнова, а добра тебѣ хочетъ.

И такъ пріѣзжай же бурливой малой! и скажи мнѣ, что я твоя вѣрная Генріетта, и тогда я съ тобою помирюся. Ежели въ бытность твою у насъ придетъ нахальствомъ и Капитанъ къ намъ въ комнату, какъ не можно почти и сомнѣваться, то не смотри на всѣ его влюбленныя глупости, которыми онъ ко мнѣ подлещаться станетъ. Онъ подлинно влюбленъ: а влюбленна и я, но только не въ нево, а въ тебя одного дорогой малой.

Письмы моего родителя тебя очень обрадуютъ. О коль много печется объ насъ, и какія хорошія намѣреніи имѣ-

етъ

отъ съ нами, сей добродушной отецъ. Онъ . . . но нѣтъ: тебѣ надобно самому его слова слышать.

23.

Капитанъ Кронголтъ изъ Арміи къ Капитану Раубшицу.

Ты ужè привыкъ любезной Раубшицъ слышать отъ меня всегда себѣ противорѣчія: но часто и признавался ты при концѣ, что я говорилъ правду, и послушавшись дружескихъ совѣтовъ моихъ, нерѣдко благодарилъ за то своего друга. А надѣюсь, что ты и теперь тоже учинишь: но приступимъ къ дѣлу.

Какъ єто могло тебѣ вздуматься, принявъ проклятое предложеніе и замыслъ негоднова Шрубера противъ такой дѣвки, какова по собственному твоему описанію Генріетта Фолкмаръ. Подлости и Ковалеръ, или что того еще вяще Ковалеръ такова чина, какъ ты! какое противорѣчіе! что такія негодные замыслы могутъ раждаться въ мозгу негоднаго лакея, котораго лучшее ремесло чтобъ сапоги чистить; тому не удивляюсь, а что другъ мой Раубшицъ та-

 ковыя

ковыя одобрять и принимать можетъ, тому ужасаюсь.

Мой другъ! ты худо меня знаешь когда думаешь, чтобъ я въ состоянiи былъ такой злой и безчестной умыслъ противъ благородной дѣвицы одобрять или паче подкрѣплять еще оной. Естьлибъ къ таковымъ гнусностямъ я былъ способенъ: то сталъ бы стыдиться самъ себя, принадлежалъ бы къ обществу дьяволовъ первой степени: и былъ бы униженъ гораздо ниже полковаго профоса.

Ни какъ не можно, чтобъ ты все то думалъ въ правду, что ты ко мнѣ писалъ, или по крайней мѣрѣ не сомнѣваюсь я, что ты оставилъ ужѐ такiя вздорныя мысли, какъ скоро бесчестной умыслъ сей принялъ въ зрѣлое разсужденiе. Любовь. . . нѣтъ не любовь, а любострастiе тебя ослѣпило, а негодной бездѣльникъ тебя съ пути сбилъ. Безсомнѣнно находишся ты теперь въ лучшихъ мысляхъ, и я освобожденъ отъ труда, тазать тебя за подлыя предпрiятiя, вселившiяся въ твою голову въ злой часъ, и тебя развратившiя совсѣмъ. И я надѣюсь

дѣюсь, что ты самъ ихъ давно ужѐ проклинаешь.

Я прилагалъ все возможныя старанія отъискать Маіора Фолкмара дабы свесть съ нимъ самоличное знакомство, но никакъ было не можно. Полкъ. . . въ которомъ онъ служитъ, находится въ безпрерывныхъ схваткахъ съ непріятелемъ: а и со всѣми Гусарами происходитъ теперь тоже, и по сіе время ни что еще иное у насъ, какъ единая только Гусарская война. Между тѣмъ узналъ однако я объ немъ столько, сколько надобно къ ближайшему извѣстію. Одинъ раненой унтеръ офицеръ его шкадрона, попавшейся мнѣ ненарокомъ и обо всѣхъ обстоятелствахъ его довольно свѣдущей, сказалъ мнѣ, что у Фолкмара есть законная супруга и законная дочь, и что находится она теперь въ Шлезіи въ домѣ одного Пастора, котораго имя я позабылъ, но которой никто иной, какъ твой хозяинъ, исторія обѣихъ сихъ госпожъ, которую называешь ты романтическою тебѣ извѣстна, и потому нѣтъ нужды ее тебѣ пересказывать.

Всѣ знающія Фолкмара называютъ его человѣкомъ благороднаго духа и Офицеромъ служащимъ съ честію и славою, говорятъ, что онъ весьма кроткаго нрава, однако не одинъ разъ уже доказалъ, что умѣетъ и жестоко и очень чувствительно отмщать и обиды ему причиненныя. Сіе послѣднее сказываю я тебѣ не для угроженія и что Раубшицъ имѣетъ мужественной духъ и презираетъ страхи, о томъ Кронгольцъ знаетъ изъ практики. Однако любезной Раубшицъ, замѣтить сіе хоть мимоходомъ почелъ я не совсѣмъ за безполезное.

Между тѣмъ есть ли хочешь принять отъ меня совѣтъ: такъ вотъ слушай. Дѣвица Фолкмаръ прекрасна; ты ее любишь, отецъ ея человѣкъ богатой, ты богатъ также, имѣешь хорошей чинъ, а война преподаетъ тебѣ случай произойтить далѣе и пріобрѣсть щастія еще болѣе. Я не сомнѣваюсь, чтобъ Фолкмаръ тебѣ отказалъ, естлибъ ты у него за нее посватался. И такъ старайся ты пріобрѣсть благосклонность отъ дѣвушки, а о преклоненіи отца къ соизволенію на то, я уже найду средствы, и чего не могу я,

то

што помогутъ здѣлать твои и мои прія-
тели.

Я знаю, что ты ненавидишь женидь-
бы и бракъ, однако ненависть твоя
происходитъ отъ предразсулковъ: брось
ихъ Раубшицъ, а вкупѣ съ ними и всю ди-
кую безпутную жизнь, которая и без-
того Офицеру твоего ранга нимало не
прилична. Отпиши ко мнѣ о своемъ на-
мѣреніи, и ожидай вспоможенія твоего
друга

Съ Ротмистромъ Преллеромъ имѣлъ
я за тебя хлопотливое дѣло. Я сожалѣю
о семъ нещастномъ, но онъ самъ не хо-
тѣлъ инако. Я прочелъ ему твое первое
письмо и по обыкновенію моему пріоб-
щилъ къ тому нѣсколько нравоучитель-
ныхъ примѣчаній, но которыя нещастіе
имѣли раздражить его. Мы размолвили,
и онъ такъ разгорячился, что разругая
меня впрахъ, вызывалъ на поединокъ.
Весь нашъ полкъ знаетъ, что во мнѣ нѣтъ
недостатка ни въ мужествѣ ни въ искуствѣ.
Къ сожалѣнію во время безпутства своего,
которымъ теперь стыжусь, оказалъ я
тому довольно опытовъ, но всемуже полку
знакомо и нынѣшнее расположеніе мо-
ихъ мыслей. Я отказалъ ему въ пое-

дин-

дипкѣ а напротивъ того предлагалъ руку свою для примиренія. Но Ротмистръ почтя можетъ быть за трусость, возгордился еще болѣе и зделался наглѣе: онъ выхватилъ свою саблю, бросился на меня и принудилъ къ оборонѣ. Сраженіе наше было жестоко, но продолжалось не долго. Сабля Ротмистрова упала къ его ногамъ, и рукою тою, которою онъ ее держалъ, врядь ли ему можно будетъ впредь владѣть.

Пожалѣй обо мнѣ любезной Раубшицъ по причинѣ сего нещастнаго произшествія! Я противъ воли принужденъ былъ лишить Короля одного храбраго Офицера, а отечества добраго защитника. Но всѣ зрители могутъ засвидѣтельствовать, что я неинако, какъ для обороны себя принужденъ былъ къ тому приступить.

Новостей не могу я тебѣ сообщить, по крайней мѣрѣ никакихъ важныхъ. Непріятель стоитъ въ окопанномъ шанцами своемъ лагерѣ, гдѣ атаковать намъ его не можно. Въ малыхъ стычкахъ и схваткахъ недостатка нѣтъ. Мы видимъ ежедневно плѣнныхъ приводимыхъ нашими Гусарами, которые

всѣ

всѣ въ превеликомъ упражненіи. Нашъ полкъ не былъ еще ни однажды въ дѣлѣ.

Когдажъ пріѣдешь ты опять къ полку? —— пріѣзжай, какъ скоро дозволятъ тебѣ твои силы, которыхъ совершеннаго возстановленія я усердно желаю.

Послушай моихъ совѣтовъ! Любезной Раубшицъ, и будь какъ должно Кавалеру, благороденъ противъ обѣихъ госпожъ, изъ коихъ одна есть супруга достойнаго Штабъ офицера, а другая его любви достойная дочь. Я есмь и пр.

24.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолкмаръ.

Какъ я думалъ любезная Генріетта! и каковымъ его себѣ по письму твоему воображалъ, таковъ онъ и есть. Какъ это можешь ты такова человѣка называть изряднымъ и хорошаго поведенія, которой, такъ говоритъ, какъ Раубшицъ, и такъ поступаетъ, какъ онъ. Ни десяти словъ не слыхалъ я отъ него связныхъ, которыя бы и на тѣ походили, которыя твой почтенной родитель во снѣ говоритъ. — Влюбленные вздохы! О

какъ досаждали они мнѣ! — Ну, приличны ли они человѣку его лѣтъ? и человѣку военному.

Но что такое вздумалось сему господину надо мною величаться? и почему такому заблагоразсудилось его милости здѣлать меня предметомъ своего шпыняньья? Мнѣ кажется, какъ онъ у меня, такъ и я унего ни мало не подъ властью. Естьлибъ только не для тебя любезная Генріетта, и естьлибъ не отецъ Улрихъ мнѣ далъ глазами знакъ: то бы я ужè отвѣтствовалъ ему какъ зналъ, и такъ какъ онъ заслуживалъ.

Но клянусь честію, любезная дѣвка, я къ вамъ до тѣхъ поръ опять не пріѣду, доколѣ пробудетъ у васъ сей невѣжа. Чтобъ лихая его болѣсть унесла отсюда! совсѣмъ здоровъ, а живетъ тутъ безъ всякаго дѣла; а только, чтобъ на дѣвокъ глазѣть и надъ честными и лутчими людьми шпынять, между тѣмъ какъ товарищи его тамъ съ непріятелемъ рубятся и всякую нужду и военныя трудности переносятъ. Изрядной право, ей! ей! изрядной и храброй Капитанъ! изъ Фолкмарова шквадрона

и самый послѣднѣйшей гусарЪ почелЪ бы то себѣ за стыдЪ и безчестіе.

Я радуюсь сердечно, что ГубертЪ кЪ намЪ будетЪ и желалЪ бы, чтобЪ честныя сіи усы уже здѣсь были. ОнЪ хоть унтерЪ офицерЪ еще, но вѣрно бы ужЪ отбоярилЪ отЪ насЪ этова подлипалу. Но жаль мнѣ сего добраго старика, что онЪ раненЪ, а твоего родителя, что лишился онЪ вЪ немЪ одного изЪ лучшихЪ и храбрѣйшихЪ своихЪ защитниковЪ. Ходить и стараться о семЪ добромЪ гусарѣ станемЪ мы сколько можно лучше, а когда нелегкая унесетЪ несноснаго грубіана: то я всякой день у васЪ буду.

Матушка ваша была ко мнѣ очень милостива, и о грубой моей проступкѣ не упомянула ниединымЪ словомЪ. Сіе приписываю я добротѣ и изящности ея нрава; но отЪ отца Улриха досталось уже мнѣ на лапу, онЪ задалЪ мнѣ изрядное потовое, но я охотно и принимаю сіе отЪ сего честнаго отца и сЪ сего времени любезная Генріетта, я дѣйствительно исправлюсь. Никогда и ни вЪ которое время не буду уже болѣе ревновать и оскорблять тебя: но Капита-

питана-та, дѣвка! отводи его прочь отъ себя и отбояривай такъ часто какъ онъ того будетъ достоинъ. Не могу его совсѣмъ терпѣть, и каковъ противенъ онъ мнѣ, таковъ и тебѣ онъ быть долженъ. Я не слыхалъ бы и самаго имени его, и въ прозвищѣ своемъ имѣетъ онъ нѣчто противное Прости любезная и дорогая Генріетта! пребудь мнѣ вѣрна и благосклонна и посѣти меня. Ибо я, такъ какъ уже сказывалъ, къ вамъ не буду.

25.

Капитанъ Раубшицъ къ капитану къ Кронгольцу.

Ты подлинно не погрѣшилъ, любезной Кронгольцъ и угадалъ совершенно. Письмо, которое я къ тебѣ писалъ, надѣюсь не дошло еще до тебя, какъ сумозбродство, въ которомъ я оное писалъ уже исчезло и я опамятовался. — Шрубберъ, этотъ скотъ былъ всему тому причиною: но я обѣщалъ ему 500 ударовъ въ спину, есть ли каналія упомянетъ впредь о томъ хоть единымъ мнѣ словомъ. Ты право дѣтина весь-

весьма благородныхъ и честныхъ мыслей. Я сдѣлаюсь самъ таковымъ же, и возьму тебя въ образецъ себѣ. И такъ ни одного слова болѣе о гнусномъ умыслѣ, и тѣмъ паче, что Фолкмаръ, какъ я провѣдалъ, съ дочерью своею имѣетъ ужѐ другія намѣренія, и ее кому-то въ жены ужѐ назначилъ.

Но тебя, любезной братъ, расцѣлую я въ прахъ за то, что ты толь чувствительно усмирилъ бранчиваго и хвастливаго Гусара. — Къ чему объ немъ тужить. Онъ достоинъ того былъ, этотъ забіяка, и я желалъ бы чтобъ онъ на вѣкъ остался калекою и не владѣлъ своею рукою, дабы у другихъ честныхъ людей остались члены отъ него невредимы.

Съ силами своими я не совсѣмъ еще собрался, любезной Кронголдъ, а то бы я давно ужѐ при полку былъ: лежанье на одномъ мѣстѣ, какъ ты самъ знаешь, нимало не согласно съ моимъ нравомъ. И такъ, какъ скоро только можно будетъ, то отсюда къ полку отправлюсь, и я надѣюсь, что вы увидите меня скоро, а до того времени прости, и поклонись друзьямъ моимъ.

26.
Капитанъ Раубшицъ къ Ротмистру Долману.

Какъ? ты въ Н. . . . прелюбезный Долманъ! и только за двѣ мили отъ меня? — О какъ я етому радъ! — Слуга мой, возвратившійся только что теперь изъ города, не могъ привесть мнѣ лучшаго и пріятнѣйшаго извѣстія.

Что я здѣсь дѣлаю? — Слуга мой надѣюсь разсказалъ тебѣ. Одна Гунсфотская болѣзнь принудила меня остаться здѣсь, и я съ ума бы сошолъ отъ скуки, и взбѣсился, естьлибъ щастливой рокъ не постарался обо мнѣ и не снискалъ мнѣ пріятнаго препровожденія времени. Случись на ту пору здѣсь премилая дѣвочка, которая мнѣ такъ полюбилась, какъ больше быть не льзя: сперьва овечка сія была очень дика и робка, но нынѣ мы съ нею пообыркались, и другъ друга совершенно ужѐ разумѣемъ: она дочь одного Гусарскаго Офицера, и живетъ здѣсь съ своею матерью ево метресою.

Слушай, Долманъ! ты могъ бы мнѣ превеликую услугу оказать, за кото-

рую

рую заплатилъ бы я тебѣ столь дорого, сколькобъ ты самъ похотѣлъ, а такому острому и проворному человѣку, каковъ ты, ничего нѣтъ на свѣтѣ легче того сдѣлать, чего я требую. Дѣвка сія хочетъ, чтобъ она увезена была. Я намѣренъ сіе предпріять; помоги любезной Долманъ произвесть мнѣ предпріятіе сіе въ дѣйство. Отецъ хочетъ отдать ее здѣсь за одного негодяя Амтманскаго сына, которой хотя богатъ, но дѣвка его терпѣть не можетъ, и отнюдь не хочетъ быть за нимъ замужемъ

Такъ ли Долманъ: ты не откажешь мнѣ въ томъ? Опасности тутъ никакой для тебя не будетъ: мы дѣло такъ распорядимъ, чтобъ не могло ни на меня, ни на тебя упасть подозрѣніе; въ семъ намѣреніи посылаю я къ тебѣ моего Шруббера, которой, какъ ты самъ, Долманъ, знаешь, весьма проворная и на такія дѣла способная каналія, онъ предложитъ тебѣ планъ всему предпріятію, которой въ дѣйство произвесть тебѣ намъ помочь надобно.

Слуга сказывалъ мнѣ что ты находишься въ Н. . . . для полковыхъ на-

добностей. И такъ думаю я, что тебѣ досуга будетъ довольно къ поданію помощи въ такомъ предпріятіи, которое самому тебѣ послужитъ къ удовольствію. Шруббер привезетъ мнѣ извѣстіе о твоемъ намѣреніи, а между тѣмъ я здѣсь не буду празднымъ.

27.

Генріетта Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Какъ же раздраженъ ты, любезной Карлъ, нашимъ Капитаномъ! Но правду сказать ты и не погрѣшаешь въ томъ. Я и сама теперь желалабъ, чтобъ унесло его туда, гдѣ ростетъ перецъ, за то, что причиняетъ онъ сердцу моему тоску, лишая меня свиданія съ тобою. Но потерпи ужѐ Карлъ! какъ быть: не ужѐ ли онъ не уѣдетъ отсюда.

Вотъ нелегкая несетъ его опять сюда: я желалабъ чтобъ. . .

Нѣтъ Карлъ! онъ сдѣлался мнѣ ужѐ несносенъ, и совсѣмъ ненавистенъ: отчасу смѣлѣе. Ужѐ до того дошолъ, что сдѣлалъ мнѣ формальное объявленіе своей любви самыми романическими выраженіями. По нещастію такъ случилось, что дуракъ етотъ засталъ меня одну

въ

въ комнатѣ. Я не знаю откуду взялась во мнѣ смѣлость и отвага: но какъ бы то ни было, но я отбоярила его такъ, что онъ вѣрно того не ожидалъ отъ меня. Съ начала казалось, что было то ему очень чувствительно, и онъ было разсердился, но скоро опять утихъ и сталъ просить меня о прощенiи.

Но впредь не отваживайся онъ начинать что нибудь опять тому подобное! я сочту, Карлъ, за чувствительную себѣ обиду, и прямо докажу ему, что я ево презираю. Но только ты у меня тѣмъ ни мало не безпокойся, а будь надеженъ на непоколебимую вѣрность къ себѣ любезной твоей Генрiетты.

28.

Карлъ Вернеръ къ Генрiеттѣ Фолкмаръ.

Мнѣ чтобъ тѣмъ не беспокоиться Генрiетта? Да развѣ соломою кожа моя былабъ набита, чтобъ быть мнѣ спокойну? прахъ побери! въ кускибъ я этова скота разорвалъ и зубами бы изгрызъ. О когдабъ былъ здѣсь Губертъ! — Не можноль бы батюшкѣ твоему прислать ево сюда не описываясь о томъ напередъ. Вѣдь онъ вѣдаетъ сколь много мы

всѣ сего старика любимъ. Но эхъ! онъ вѣдь раненъ бѣднякъ, что могъ бы и онъ сдѣлать?

Эхъ! какъ худо слабому быть! — слабому? —— нѣтъ, слабостію назвать того еще совсѣмъ не можно! я двумъ таковымъ посломалъ бы головы, естьлибъ дошло дѣло до передѣлки на кулакахъ, но проклятымъ-то длиннымъ желѣзомъ не умѣю я владѣть, а онъ столь же навыкъ рубить, какъ жнецы наши хлѣбъ жать.

Формальное объявленіе любви! — проклятой! — а ты не сказала ему, чтобъ онъ на томъ же мѣстѣ сгибъ и къ самому дьяволу провалился? А! — естьлибъ я при томъ случился! —— я бы . . . чтобы я? . . . я надѣлалъ бы ужасную чуху. Я. . . . разорвалъ бы его.

Что теперь дѣлать? —— дьяволъ знаетъ! —— сиди запершись любезная Генріетта! убѣгай какъ можно всѣхъ случаевъ, чтобъ ему тебя не видѣть, а того паче берегись, чтобъ тебѣ опять съ нимъ одной не оставаться. Естьлижъ по нещастію удастся ему найтить къ тому случай, то, прахъ побери, тресни его

его въ харю, и такъ чтобъ слеза изъ глазъ покатилась, этова треклятаго рубача.

Будь же пожалуйста мнѣ вѣрна Генріетта! и не давай себя никакъ обольстить. Я бѣшенымъ сдѣлаюсь и все перегублю, естьли ты отдашся въ обманъ.

29.

Ротмистръ Долманъ къ Капитану Раубшицу.

Я бы самъ къ тебѣ пріѣхалъ, и навѣстилъ тебя, естьлибъ слуга твой не удержалъ меня отъ того. Лукавая собака! — говоритъ, что легко можетъ открыться все дѣло, естьли меня увидятъ тамъ. Совсѣмъ тѣмъ я со смѣху надсѣдаюсь, Раубшицъ. Теперь у васъ одинъ чортъ, да попъ, да Ангелъ въ одномъ домѣ. Ха! ха! ха! но тѣмъ лучше! чортъ унесетъ Ангела, а попъ закреститъ крестомъ ихъ путь и дорогу.

Что касается до твоего требованія, то я готовъ къ твоимъ услугамъ: и дѣвка твоя! поелику то отъ меня зависитъ. О планѣ я съ слугою твоимъ со-

согласился. Ну! ужъ слуга! — Мнѣ кажется, что въ головѣ у него цѣлое гнѣздо бѣсовъ и чертей сидитъ. Ежели удастся дѣло сдѣлать, то я радъ буду, что услужу тебѣ. Теперь старайся ты о прочемъ, что нужно, къ тому и назначивай мѣсто, куда и въ какое мѣсто отвесть намъ Принцессу твою, гдѣбъ могла она въ безопасности быть: но смотри только Раубшицъ, чтобъ было не слишкомъ удаленное: ибо мнѣ не можно отсюда болѣе какъ дни на два отъ тѣхъ дѣлъ оторваться, которыя я исправить долженъ, и упустить не могу.

Но еще объ одномъ любезной братъ! недавно попались я въ шайку игроковъ пѣхотныхъ Офицеровъ, и господа сіи кошелекъ мой совсѣмъ опорожнили, не можешь ли одолжить меня заимообразно до 40, или до 50 червонцовъ, чрезъ два мѣсяца заплачу я ихъ тебѣ. Есть ли тебѣ сіе можно, и ты меня одолжить похочешь: то перешли мнѣ ихъ съ своимъ денщикомъ, и чрезъ его дай знать, что дѣлать мнѣ къ твоимъ услугамъ.

30.
Генріетта Фолкмарь кь Карлу Вернеру.

Естьлибъ ты не былъ такой неугомонной и бурливой малой, то описалабъ я тебѣ одно произшествіе, которое имѣла я съ господиномъ Раубшицомъ, твоимъ лучшимъ пріятелемъ и доброхотомъ. Но тебѣ не льзя ничего говорить, не успѣешь слова сказать, то какъ искра въ цѣлую пороховую бочку попадетъ. Чудной право человѣкъ! Ну что, сударь, поможетъ? —— сердись, ругай, брани и шуми сколько хочешь въ четырехъ своихъ стѣнахъ: но изъ того ничего не выдетъ, и все равно, хотябъ того и не дѣлать. Я твердо предпріяла не писать болѣе къ тебѣ ни единаго слова о Капитанѣ, а то боюсь чтобъ желчь не разлилась въ тебѣ, вспыльчивомъ человѣкѣ, по всѣмъ жиламъ, и ты не нажилъ бы желтухи, и не лишился своего прекраснаго въ щекахъ румянца.

Однако нѣчто надобно же тебѣ сказать и для того, что сіе нѣчто есть доброе, и такое, о чемъ я знаю, что ты охотно слышать будешь. Онъ начи-

наетъ собираться въ путь, и говоритъ объ отъѣздѣ. Правду сказать ужѐ и пора, и мнѣ кажется что онъ начинаетъ стоянія своего у насъ ужѐ и стыдиться. Совсѣмъ тѣмъ дня къ отъѣзду еще не назначено. Слуга его и денщикъ то и дѣло одинъ за другимъ и почти каждой день ѣздятъ въ Н. . . . а зачемъ, и что они тамъ дѣлаютъ, о томъ никто изъ насъ не заботится.

И такъ, коль скоро твой любезной другъ, милой и прекрасной господинъ Капитанъ Раубшицъ отсюда отбудетъ, или коль скоро (между нами будь сказано) треклятова рубача возметъ отсюда нелегкая и задавятъ черти, то я тебя того часа о томъ увѣдомлю, дабы ты могъ въ тотъ же моментъ летѣть въ объятія любезной своей, и тебя ожидающей, Генріетты.

Кстатѣ! слушай Карлъ, не упоминай ты мнѣ такъ часто дьяволовъ и оставь клятвы и злословія, я не могу терпѣть сего. Это перенялъ ты у солдатъ, но они пускай себѣ дѣлаютъ что хотятъ, какая мнѣ до нихъ нужда, но ты только того не дѣлай, естьли

отецЪ УлрихЪ хоть однажды услышитЪ, то берегись. Прощай пороховая бочка!

31.

КапитанЪ Раубшицъ кЪ Ротмистру Долману.

Несказанно радуюсь тому, что готовЪ ты мнѣ помогать вЪ предпріятіи, которое мнѣ очень нужно. Я полагаюсь на твое остроуміе и предпріимчивость, и на хитрость и проворство слуги моего; дѣло пойдетЪ ужЪ хорошо. А дѣвка достойна того чтобЪ для ней предпріять отвагу.

О томЪ, что должно дѣлать, повторю я тебѣ все письменно; наиглавная важность состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ все дѣло такЪ распорядить, чтобЪ никто не могЪ подозрѣвать меня, и подумать, что я ее увезЪ, а сіе сдѣлаемЪ мы слѣдующимЪ образомЪ:

СЪ сего времени для матери ея, и для другихЪ здѣшнихЪ людей, приму я на себя видЪ будто мнѣ до дѣвки нѣтЪ ни малѣйшей нужды, завтра пришлю я кЪ тебѣ моего Шруббера, и ты удержи его у себя до тѣхЪ порЪ, покуда вы оба мнѣ понадобитесь. ОнЪ при-

приведетъ съ собою заводную мою лошадь, которая довольно надежна и выдержитъ много, а здѣсь распущу я слухъ, что отправилъ его напередъ къ полку для приведенія багажа моего и дѣлъ въ порядокъ.

Генріетта ѣздитъ часто съ своею матерью въ препровожденіи либо старика попа, либо ево старухи, въ К.... гдѣ живетъ деревенской телепень, ея женихъ. Ей хотя очень то непріятно, но она принуждена ѣздить туда по неволѣ. Растояніемъ сіе мѣсто отсюда на малую только милю, и дорога на самой почти половинѣ проходитъ сквозь небольшой, но довольно густенькой кругленькой лѣсокъ, и въ семъ-то мѣстѣ должно сдѣлано быть нападеніе.

Тебѣ надобно съ самаго утра быть во всякой готовности, дабы ты того момента могъ въ помянутое мѣсто отправиться, какъ скоро дано будетъ отъ меня извѣстіе.

Когда они туда поѣдутъ, о томъ узнаю я вѣрно напередъ, и какъ скоро провѣдаю, то увѣдомлю тебя о томъ чрезъ моего денщика, котораго пришли тотчасъ ко мнѣ обратно. И тогда

Шруб-

Шруббер препроводит тебя съ твоим слугою, котораго онъ преклонилъ совершенно на свою сторону, въ помянутое и ему довольно знакомое мѣсто, и тут должны вы стоять и дожидаться покуда поѣдет коляска возвратно: сіе бывает обыкновенно ужѐ поздно вечером.

Как скоро она къ тому мѣсту, гдѣ вы стоять станете, приближится, то выхвати ты саблю, схвати как на сраженіи пистолет, напади на нее и прикажи остановиться. Измаранный и обезображенный Шруббер выхватит тогда из коляски дѣвку, вскочит на лошадь, слуга твой подаст ее къ нему, а он, посадя ее пред собою, во всюпрыть поскачет прочь.

Между тѣм как Шруббер будет сіе дѣлать, должен ты колико можно болѣе кругом шурмовать и нагонять на всѣх страх и трепет. Естьли станет дѣвка вопить и барахтаться, ты на то ни мало не смотри: она должна сіе дѣлать для матери и других съ нею будущих.

Окончив дѣло скачите вы как можно скорѣе до Н. . . Тут найдешь ты перед воротами въ одном назначен-

ченномъ мѣстѣ коляску пріуготовленную Шруббером. Сядьте въ нее и скачите, что ни есть мочи до . . . . Тутъ остановитесь въ шинкѣ. Хозяину онаго дано ужѐ отъ Шруббера наставленіе что ему дѣлать. Обо всемъ употреблено ужѐ надлежащее стараніе и тому будете ужѐ вы виноваты, естьли дѣло будетъ неудачно и толь многіе убытки пропадутъ тщетно.

Я съ моей стороны буду здѣсь казаться столь невиннымъ, сколько мнѣ будетъ можно. Хозяевамъ дано ужѐ знать, что я намѣренъ къ полку отправиться: и они ужѐ привыкли видѣть слугу и денщика моего всякой день въ Н. . . . ѣздящихъ. Не давно Шруббера цѣлыхъ двое сутокъ дома не было: и сказано яко бы ѣздилъ онъ для исправленія нѣкоторыхъ нуждъ и дѣлъ касающихся до моей роты.

Какъ дѣло благополучно окончится, и напужанныя похищеніемъ домой возвратятся; то притворюсь я крайнѣ удивившимся, приду въ превеликое сердце и ярость, осыплю клятвами похитителей, призову всѣхъ дьяволовъ изъ ада на пагубу онымъ, велю осѣдлать

ско-

скорѣе лошадей, и съ денщикомъ своимъ опрометью поскачу въ погоню.

Въ послѣдующей день отправлюсь я къ полку, или по крайней мѣрѣ такъ скажу, а въ самомъ дѣлѣ къ моей Генріеттѣ для смѣны тебя, и тогда можешь ты ѣхать въ свое мѣсто, а о прочемъ обо всемъ я ужè одинъ буду стараться.

Требуемые 50 червонцовъ получишь ты завтра чрезъ Шруббера, но впредь не давай себя такъ обалтывать пѣхотнымъ Офицерамъ.

Еще разъ любезной Долманъ. Будь на всякой часъ готовъ и дожидайся. И естьли все предпріятіе такъ удастся, какъ я желаю, то не сумнѣвайся о моей благодарности.

22.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолкмаръ.

То такъ, Генріетта! не ложно такъ! что я неугомонной и бурливой малой, а и то я самъ ужè вижу, что всемъ тѣмъ ничего не сдѣлаю. Но я ли тому виноватъ, что я таковъ, каковъ есть? —— А сверьхъ того обстоятельства не самыя ли проклятыя,

въ

въ которыхъ нахожусь я нынѣ? Не нелегкая ли сама принесла этова треклятаго Капитана, чтобъ лазукать здѣсь кругомъ моего огорода, и искать случая ворваться въ оной? Я хотя въ вѣрности твоей и ни мало не сомнѣваюсь, любезная и драгоцѣнная Генріетта, но солдаты! —— Ихъ самъ дьяволъ . . . Но эхъ ты вѣдь не велѣла мнѣ болѣе клясть и дьявола терпѣть не можешь! это и дѣльно. Онъ ужасной и мерской песъ, и говорятъ, что можетъ принимать на себя всякіе виды, какіе похочетъ, но не проклятая ли бы была эта шутка, естьлибъ теперь онъ въ солдатскомъ мундирѣ вокругъ васъ дьяволилъ и сатанилъ: я хотя и несуевѣренъ, но мнѣ мнится, что я нѣчто похожее на то примѣтилъ Генріетта.

Ну, чтожъ? Все еще остается при однихъ зборахъ къ отъѣзду! но воспослѣдуетъ когдажъ и скороль онъ? Въ этотъ день, въ которой онъ отъѣдетъ, подарю я первому бѣдному человѣку, которой мнѣ на встрѣчу попадется, цѣлой талеръ, и буду такъ радъ, какъ освободившейся отъ опасности потерянія наилучшей части своего имѣнія.

О

О когдабъ скорѣе наступила зима и возвратился къ намъ твой родитель, и тыбъ сдѣлалась ужѐ моею женою! тогдабъ всѣхъ чертей навѣсилъ бы я ужѐ на шею тѣмъ, которымъ бы вздумалось лазукать за тобою по Капитански. Но вотъ я опять разгорячился, любезная Генріетта! извини меня бѣднаго и о тебѣ заботящагося любовника. Ревности я ужѐ болѣе не имѣю, и не хочу быть ревнивымъ: однако естьли кто залезетъ ко мнѣ въ садъ и захочетъ оборвать съ любимаго моего дерева вишни, тому безъ всякаго милосердія переломаю руки и ноги кто бы онъ таковъ ни былъ.

Не пріѣхалъ ли къ вамъ ужѐ Губертъ? —— Не побываешь ли ты у насъ на сихъ дняхъ? —— Прости моя милая, любезная и дорогая Генріетта, и старайся о томъ, чтобъ не попала искра въ пороховую бочку.

33.

Генріетта Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Не чудной ли и не смѣшной ли ты человѣкъ съ выдумкою своею о дьяволѣ въ солдатскомъ мундирѣ? О какъ смѣ-

лась и хохотала я сей комической затѣѣ! она достойна тебя, и я ее довольно разумѣю. Тебѣ хочется чтобъ я воображала себѣ, что дьяволъ надѣлъ на себя солдатской мундиръ и называется теперь, и покуда ему угодно, Господиномъ Раубшицомъ. Изрядно, изрядно Карлъ! выдумка не такъ чтобы глупа, естьлибъ только я была таковою, какъ ты думаешь. Однако таковые пустые вздоры, Карлъ, не сохранятъ твою Генріетту, но въ ея сердцѣ есть нѣчто такое, что сохранитъ ея тебѣ вѣрною и непорочною: *и сіе нѣчто* называется любовь къ Карлу Вернеру и любовь къ добродѣтели. Замѣть себѣ сіе Карлъ, и помни!

Ревности ты теперь ужѐ ничего не имѣешь, и ни единая строка послѣдняго твоего письма оной не изъявляетъ, но въ разсужденіи пороховой бочки должнажъ таки я имѣть осторожность? Хорошо Карлъ! я осторожность имѣть буду, но надобножъ и тебѣ пороховую свою бочку спрятать въ надежное и такое крѣпкое и безспасное мѣсто, куда бы не могла забраться искра; а то она и тебя и меня взорветъ на воздухъ. Гу-

Губерта еще здѣсь нѣтъ, но мы ожидаемъ его ежедневно. Нарядившейся дьяволъ твой говоритъ всякой день объ отъѣздѣ, но точнаго дня къ тому не назначиваетъ. Вообще сдѣлался онъ воздержнѣе, и не говоритъ болѣе ни единаго слова о любви. Въ послѣзавтрешней день послѣ обѣда пріѣду я къ тебѣ съ обѣими моими матушками, а до того времени прости и будь спокоенъ, сумазбродъ.

34.

Іоганъ Шрубберъ къ Капитану Раубшицу.

Все готово, Милостивой Государь, все въ наилучшемъ порядкѣ. Осталось только производить въ дѣйство, и я ни мало не сомнѣваюсь чтобъ не получили мы во всемъ успѣха. Господинъ Ротмистръ будетъ готовъ на всякой часъ, слугѣ его, малому весьма проворному и надежному, далъ я четыре червонца въ задатокъ, а достальные шесть получитъ онъ по окончаніи дѣла. Почтиліону, которой повезетъ коляску, принужденъ я былъ обѣщать два червонца, а одинъ и дать. Глупая

скотина сталъ было, какъ оселъ, совѣститься, и мнѣ не малаго труда стоило преклонить дуралея сего на нашу сторону. Мы ожидаемъ вашихъ повелѣній, и употребимъ всѣ силы къ произведенію желаемаго въ дѣйство.

P. S. Не давайте, Милостивой Государь, ничего знать денщику вашему, это такой же набожной и совѣстной дуракъ, и чтобъ не испортилъ онъ намъ всего дѣла.

35.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолкмаръ.

Такъ, такъ Генріетта, я неугомонной, бурливой человѣкъ, пороховая бочка, сумазбродъ, и дьяволъ знаетъ какія иныя лихія болѣсти: но не имѣю ли я причины всѣмъ тѣмъ быть, о томъ не для чего спрашивать.

Прочти только приложенное при семъ письмо, или паче разбери хоть по словечку ету дурную и нечоткую руку, и прочитавъ скажи мнѣ что ты о томъ думаешь, безпечная? Ну! можно ли при такихъ обстоятельствахъ пребывать въ спокойномъ состояніи духа? Ахъ когдабъ можно было мнѣ все то сдѣ-

сдѣлать, что я охотнобъ хотѣлъ! — Никакъ не могу понять и догадаться, кѣмъ бы такимъ писана была сія цидулка? Одинъ изъ нашихъ людей, взявшей оную отъ мальчишки, такъ глупъ былъ, что во все не спросилъ отъ кого она или откуда: однако ктобъ ее ни писалъ, но дѣло идетъ до содержанія оной. Есть умыслъ противъ тебя! противъ тебя Генріетта! почто дуракъ етотъ не упомянулъ ничего болѣе, почто не сказалъ въ чемъ состоитъ оной.

При такихъ обстоятельствахъ никакъ не можно ужѐ мнѣ долѣе спокойнымъ быть. Но чтожъ такое дѣлать мнѣ? велитъ онъ мнѣ пронюхивать. Уповательно разумѣетъ онъ сими словами, чтобъ я короче обо всемъ разпровѣдалъ, но у когожъ разпровѣдывать мнѣ, у дьявола што ли, или у его бабушки: но тутъ-то бы попалъ я очень кстатѣ! Раубшицъ вѣрно одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ дьяволовъ. . .

Ну, вотъ теперь сидѣлъ я нѣсколько времени, думалъ, ломалъ себѣ голову, и ничего не знаю, такъ глупъ, какъ теленокъ. — Слушай Генріетта, милая и любезная моя Генріетта, берегись и

имѣй о себѣ заботу и осторожность. Завтра пріѣдешь ты ко мнѣ, сдѣлай же мнѣ одолженіе и останься у насъ. —— Ну, чтожъ исполнишь ли ты сіе любезная Генріетта, и сдѣлаешь ли мнѣ сіе единое удовольствіе? Я не нахожу инова и лучшаго средства. —— Какъ скоро врага проклятаго унесетъ нелегкая, то отвезу тебя обратно къ твоей матери. Послушай же меня, любезная Генріетта, и не откажи мнѣ въ моей прозьбѣ, безъ того не могу я спокоенъ быть, пріѣжжай завтра и останься у твоего Карла. Сердце не предвѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго.

36.

Господинъ Вернеръ.

Одна рука моетъ другую, вы мнѣ однова сдѣлали добро, сдѣлаю вамъ и я —— Извѣстно мнѣ, что дѣвушка-та пригожая на погостѣ ваша невѣста, и что вы ладите межъ собою; но есть тамъ драгунской Офицеръ, какъ вамъ самимъ извѣстно, дѣло съ нимъ не оченно ладно; говорятъ имѣетъ онъ какой-та умыслъ противъ дѣвушки та милой а какимъ маниромъ и что онъ хотя, невѣстимо, а што

што неоченно ладно, то правда: надя бы вамъ поразнюхать доскональнѣе. Болѣ не могу теперича писать: имени своево не подпишу, но когда нибудь скажу ужъ.

37.

Капитанъ Раубшицъ къ Ротмистру Долману.

На лошадей! — однако непротивъ непріятеля, господинъ Ротмистръ! добыча будетъ, однако безъ кровопролитія. Атакуемой непріятель состоитъ изъ невооруженныхъ тварей, и отъ побѣды надъ нимъ чести хотя не много, но за то болѣе удовольствія, любезной Долманъ!

Но безъ шутокъ говоря: время ожидаемое наступило, завтра поѣдетъ моя любезная Генріетта съ своею матерью и еще одною старушкою, которую она также матерью называетъ въ . . . гдѣ живетъ назначенной ей въ женихи откупщиковъ сынъ. Поѣдутъ они послѣ обѣда, а я для своего отъѣзда къ полку назначилъ послѣзавтрешнее утро и объявилъ о томъ въ домѣ. И такъ завтра въ надлежащее время спѣши любезной Дол-

манъ въ назначенное мѣсто, Шрубберъ знаетъ оное совершенно, и увѣдомляетъ меня, что находится все въ готовности; небо благослови васъ, дабы шло все ладно и хорошо. Буде же не удастся, то побери васъ дьяволъ.

Денщика моего, котораго послалъ я къ тебѣ съ симъ письмецомъ, не задержи, но присылай скорѣй обратно: а при томъ не давай ему ничего знать о томъ, о чемъ теперь только намъ знать надобно. Но Шрубберу дай сіе письмецо прочесть.

38.

Капитанъ Кронгольдъ изъ арміи къ капитану Раубшицу.

Вотъ такъ и надобно! любезной Раубшицъ, теперь изъ послѣдняго письма твоего познаю я, что въ тебѣ есть честь и духъ благородной. Время еще не ушло, и ты благовременно возвращаешься еще съ пути роскошной и негодной жизни, которая доводитъ только до безчестія, на путь правый и славной жизни. Правда, путь сей не очень протоптанъ, и дорога еще негладка, но за то доводитъ вѣрно и безсомнѣнно до

цѣ-

цѣли, которая называется истиннымъ благополучіемъ.

О! съ какимъ удовольствіемъ поздравляетъ тебя твой истинной другъ съ сею перемѣною мыслей. Часто взиралъ я, любезной Раубшицъ, съ печалію на тебя, бродящаго по пути погибельному, посредѣ развратителей негодныхъ; не увеселеніе твое, но твои деньги и богатство было у нихъ предметомъ. Сердце твое казалось мнѣ всегда хорошимъ, но будучи слишкомъ отверсто развратителямъ, предалось совершенно въ ихъ руки; но ахъ! это нещастной жребій всѣхъ молодыхъ людей. Я самъ по нещастію имѣлъ оной! и мы щастливы, любезной другъ, когда можемъ еще благовременно проснуться отъ сна, въ которой погрузили насъ пороки, и проснуться въ такое время, когда можемъ возвратить еще упущенное.

Дозволь поздравить себя съ щастіемъ, любезной другъ, поздравить тебя, поздравить вселюбезнѣйшаго Короля, отечество, полкъ и самого меня! тебя со вступленіемъ на путь истинной славы; его съ полученіемъ вѣрнаго слуги; отечество съ усерднымъ и полезнымъ граж-

 да-

даниномъ и защитникомъ; полкъ съ новымъ украшеніемъ, а самого меня съ пріобрѣтеніемъ праводушнаго, вѣрнаго и любезнаго друга. Всѣмъ тѣмъ, любезной Раубшицъ, можетъ быть одинъ только истинной любитель добродѣтели, и человѣкъ ищущей истинной чести.

Я нахожусь теперь, любезной Раубшицъ, въ безпрерывной печали. Третьяго дня нещастной Ротмистръ Преллеръ отъ раны своей умеръ. По небреженію лекарскому приключился антоновъ огонь и лишилъ его жизни; пятьдесятъ червонныхъ обѣщалъ было я сему негодному, естьли онъ спасетъ ему жизнь, но онъ не умѣлъ и не могъ того сдѣлать. Преллеръ умеръ на моихъ рукахъ, и естьлибъ можно было половиною крови моей искупить его жизнь, то пролилъ бы я ее съ удовольствіемъ; окаянное любочестіе и ложное понятіе о чести, колико жертвъ получило ужè ты, и коль многимъ убивствамъ было ты причиною! блаженны тѣ времена будутъ, когда выдетъ сіе варварство изъ употребленія!

О новостяхъ ничего, все находится еще при прежнемъ. Намъ становится

ужѐ скучно, и мы желалибъ на сей разъ чтобъ непрїятели наши имѣли болѣе мужества и охоты къ баталїи.

Но когдажъ увидимъ мы тебя здѣсь любезной Раубшицъ? Еще ли не собрался ты съ силами? Каждой день, препровожденной въ безполѐзной праздности, можно почесть потеряннымъ! Правда, хотя мы и не могли по сїе время здѣсь многова сдѣлать, однако не для того что имѣемъ дѣло съ непрїятелемъ, не имѣющимъ довольно отваги вступить съ нами въ бой; между тѣмъ упражняли мы войска свои безпрестанными ученїями и строями, и учили ихъ въ виду непрїятеля; и сїе можно назвать что мы прїуготовляли ихъ къ побѣдѣ. Рота твоя желаетъ тебя имѣть при себѣ, не допускай ее ожидать тебя долѣе. Силы умножатся, когда будутъ въ дѣлѣ и упражненїи.

Я ожидаю съ удовольствїемъ того часа, въ которой обойму я тебя здравымъ, и есмь.

39.

Генрїетта Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Отъ кого бы такова-то маранье было, которое ты ко мнѣ прислалъ, того я

не знаю; но то знаю я довольно, что для меня не столь много въ немъ такова, чтобъ могло меня безпокоить. Что Раубшицъ глупую любовію ко мнѣ заразился, ето извѣстно, и конечно узнали о томъ въ деревнѣ. Но слухи всегда бываютъ несправедливы и обыкновенно въ нихъ либо прибавляется что нибудь, либо убавляется, а потому можетъ быть и при семъ случаѣ и прибавлено и убавлено многое; а кто нибудь изъ мужиковъ нашихъ есть во особливости тебѣ преданной, и изъ любви своей похотѣлъ дать тебѣ для осторожности сіе извѣстіе. Болѣе писать онъ не могъ для того, что ничего не зналъ болѣе.

Будь спокоенъ любезной Карлъ! и не давай себя пустымъ мечтамъ мучить и тревожить. За вѣрное можно сказать, что отъ Раубшица не можешь ты ни малѣйшаго опасаться. Въ послѣзавтрашней день воспослѣдуетъ его отъѣздъ, все ужѐ укладено, а Шрубберъ давно ужѐ напередъ къ полку отправленъ для приведенія екипажа его въ порядокъ. И такъ будь спокоенъ, и не помышляй ни о какомъ умыслѣ. Богъ его знаетъ,

тво-

твоего безымяннаго друга, что собственно разумѣетъ онъ подъ словомъ умысла, онъ самъ можетъ быть того не знаетъ.

Раубшицъ не совсѣмъ неблагороднаго духа. По крайней мѣрѣ можетъ онъ благодарнымъ быть. Сегодни поутру пришолъ онъ къ намъ имѣя въ рукахъ нѣчто закатанное въ бумажкѣ. Думать надобно, что были то червонцы. Онъ сталъ отдавать оные отцу Улриху, прося принять сіе яко малой знакъ благодарности его за оказанное имъ ему учтивство и ласку. Любезной нашъ старикъ не принялъ и отказался отъ того наиучтивѣйшимъ образомъ. Онъ поднесъ потомъ ихъ госпожѣ Улрихъ, но и тутъ отказано было ему учтиво. Таковые отказы, какъ ясно примѣтить было можно, были ему очень чувствительны; между тѣмъ сказалъ онъ, что онъ не преминетъ найтить случай доказать имъ свою благодарность. Отецъ Улрихъ поговорилъ съ нимъ еще нѣсколько о войнѣ и о укрѣпленномъ лагерѣ Цесарцовъ, а потомъ пошелъ онъ въ свою комнату: со мною же и десяти словъ онъ не промолвилъ.

Къ

Къ тебѣ я завтра буду вѣрно, но изъ предложенія твоего, чтобъ у тебя остаться, не будетъ ничего любезной Карлъ! Я не могу ни на одинъ часъ отстать отъ моей матушки, но къ чему жъ и потребнобъ было то при теперешнемъ состояніи дѣлъ? Я здѣсь столько же безопасна, сколько и у тебя; о умыслѣ и говорить нечего! какому быть умыслу? Все ето пустое и вздоръ затѣянной ни мало не кстатѣ! Другъ твой можетъ быть сдѣлалъ сіе и не имѣя на умѣ худова, но столь же хорошо можно бы ему сего и не дѣлать.

Въ послѣзавтрешней день около полудня Раубшицъ отбудетъ, а ты здѣсь: прости.

40.

Іоганнъ Шруфферъ къ Капитану Раубшицу.

Приказаніе ваше, Милостивой Государь, я въ письмѣ къ господину Ротмистру читалъ, мы совсѣмъ готовы, и завтра въ назначенномъ мѣстѣ дѣйствительно будемъ, узнать насъ никто не узнаетъ. Господинъ Ротмистръ будетъ хотя въ гусарскомъ платьѣ, но въ мундирѣ другова полку, и говорить станетъ

нетЪ ломая языкЪ и какЪ иностранной. Я, и слуга его, также перерядимся и замараемЪ себя такЪ, что узнать насЪ будетЪ не можно; и такЪ естьли вы ролю свою тамЪ хорошо сыграть изволите, то не можно упасть на васЪ никакому подозрѣнію, а по крайней мѣрѣ достовѣрному.

ЧтобЪ господинЪ РотмистрЪ могЪ что нибудь предпріять противЪ дѣвицы, того не извольте опасаться, я не буду отлучаться отЪ него ни на единЪ шагЪ, но не знаю вЪ состояніи ли будетЪ нѣжная сія дѣвушка перенести скаканье на лошади; цѣлыхЪ двѣ мили почти будетЪ; я постараюсь запасти себя спиртами и прочими вещами, нужными для подкрѣпленія силЪ ея, когда посажу ее ужѐ вЪ коляску.

41.

КапитанЪ БрапгерцЪ изЪ арміи кЪ Капитану Раубшицу.

Кой чортЪ, РаубшицЪ, какая нелегкая тебя по сю пору тамЪ давитЪ, и кстатѣ ли ты тамЪ лынѣешь, а мы между тѣмЪ рубимся и сѣчемся. Ужѐ за нѣсколько дней до сего сказывалЪ

мнѣ

мнѣ Кронголдъ что ты совершенно выздоровѣлъ, чтожъ ты не ѣдешь? Забился какъ волкъ въ овечье стадо, а здѣсь, гдѣ надлежитъ честь пріобрѣтать, тебя нѣтъ.

Кронголдъ, о которомъ послѣ скажу болѣе, побудилъ меня писать къ тебѣ сіе письмо. Этотъ бравой дѣтина тѣбѣ прямо искренней другъ. Онъ велѣлъ тебя просить, чтобъ ты какъ можно скорѣе къ полку пріѣзжалъ, ибо онъ опасается, да и по справедливости, любезной Раубшицъ, что дальнѣйшее отсутствіе не причлось бы тебѣ въ вину. И такъ ежели ты подлинно совсѣмъ выздоровѣлъ, то послѣдуй его и моему дружескому совѣту, и пріѣзжай ни мало не медля къ полку.

Съ непріятелемъ имѣли мы вчера изрядную схватку, мы прикрывали фуражировъ и были непріятелемъ весьма жестоко атакованы. Превосходство непріятеля принудило насъ, не смотря на всю нашу храбрость, ретироваться назадъ, но какъ мы довольно еще благовремянно получили сикурсъ, то атаковали мы снова, и по жестокомъ сраженіи непріятелей разбили и прогнали.

У непріятелей было много убитыхъ и раненыхъ, но и у насъ не меньше. Бѣдной Кронголдъ, которой при семъ случаѣ съ ротою своею весьма храбро сражался, прострѣленъ сквозь правое плечо, а о своей ротѣ ты по пріѣздѣ своемъ прямо возрадуешься: изрублена въ прахъ, Раубшицъ, и отдѣлана какъ лучше требовать не можно. Ибо такъ случилось, что была она въ жесточайшемъ огнѣ и дралась прехрабро.

Сіе можетъ уже тебя довольно побудить поспѣшить сюда своимъ пріѣздомъ, дабы можно было тебѣ о наполненіи оной постараться. Полкъ нашъ пріобрѣлъ славу, и говорятъ много объ немъ. Рота Раубшицова дралась чрезвычайно храбро, твердятъ всѣ, но Капитанъ-то ее гдѣ? Пріѣзжай Раубшицъ и давай отвѣтъ на вопросъ сей.

Бѣдной раненой Кронголдъ посылаетъ къ тебѣ усердной поклонъ, и какъ онъ, такъ и всѣ мы, ожидаемъ тебя вскорѣ. Прости до того времени и будь благополученъ.

42.

Амтманъ Вернеръ къ Пастору Улриху.

О Боже! господинъ Пасторъ, какое сдѣлалось здѣсь нещастіе! у меня трепещутъ всѣ члены, и я насилу могу перо въ рукахъ держать. Но не испужайтесь, ради Бога, слишкомъ. Милая, ахъ милая и любезная Генріетта пропала! ее увезли! Мой Карлъ ухватилъ первую наилучшую лошадь изъ конюшни и поскакалъ въ погоню. Бѣдной сумашедшей малой! не сдѣлалось бы и съ нимъ нещастія какова.

Сколько могъ я изъ безпорядочнаго расказыванія обѣихъ плачущихъ женщинъ и ихъ повозника разумѣть, то въ кругленькой рощицѣ, что на дорогѣ, напали на нихъ трое съ саблями и пистолетами въ рукахъ, и одинъ былъ изъ нихъ въ гусарскомъ платьѣ. Никто не смѣлъ тронуться изъ опасенія, чтобъ не быть застрѣлену, чѣмъ они ихъ угрожали. Бѣдную Генріетту выхватили изъ коляски; госпожа Фолкмаръ упала въ обморокъ; ваша любезная сожительница хотѣла было вопіющему бѣдному робенку сколько нибудь

по-

помочь, но ей дали такой толчокъ въ грудь, что она безъ памяти повалилась и едва отдохнуть могла: Прострѣли старой хрычовкѣ голову, завопилъ гусаръ! слуга ихъ хотѣлъ было говорить, но его хватили саблею плашмя по рылу. Одинъ изъ нихъ вскочилъ на лошадь, другой подхватилъ дѣвицу, и не взирая на все ее упорство посадилъ къ нему, и всѣ поскакали сломя голову съ нею прочь, а женщины возвратились обратно.

Бѣдная, бѣдная! Генріетта! куда-то уволокутъ ея сіи хищники, и кто-то они таковы? Самъ Христосъ знаетъ, куда заскачетъ теперь мой малой. Я послалъ въ слѣдъ за нимъ конюха, но Богъ знаетъ, найдетъ ли онъ его!

Какъ скоро придутъ въ себя и немного отдохнутъ напуганныя и плачущія госпожи, то отправлю ихъ къ вамъ. Госпожа Маіорша безутѣшна. Боже? помози намъ бѣднымъ!

43.

Пасторъ Улрихъ къ Амтману Вернеру.

О бѣдной и нещастной я старикъ! о Генріетта! о дочь моя! какъ могли адскіе сатаны коснуться сего Ангела?

я не понимаю, не могу сообразиться съ мыслями, кому бы такимъ быть симъ хищникамъ? Одинъ гусаръ находился при томъ! о Боже пощади и помилуй бѣдную мать! умилосердися надъ отцомъ и надо мною нещастнымъ!

Капитанъ Раубшицъ былъ въ то время у меня, какъ получилъ я ваше ужасное письмо. Я вострепеталъ и уронилъ оное изъ рукъ, онъ поднялъ его и прочелъ, его ужасъ былъ моему подобенъ: но онъ пришелъ скорѣе въ себя, разъярился какъ левъ и осыпалъ наистрашнѣйшими клятвами наглыхъ хищниковъ. Вдругъ потомъ выбѣжалъ изъ комнаты, велѣлъ денщику сѣдлать скорѣе лошадей, и поскакалъ какъ сумашедшей со двора и изъ деревни.

Хорошо, что Карлъ и вашъ конюхъ также въ погонѣ: какъ поѣдутъ они по разнымъ дорогамъ, такъ можетъ быть догонятъ ихъ. О Боже! когдабъ имъ удалось! о бѣдное, бѣдное дитя! единая и любезная моя дочь, что будетъ, естьли я лишусь тебя? Съ печалію и сокрушеніемъ сердечнымъ сниду я во гробъ.

При-

Присылайте ко мнѣ какъ можно скорѣе нещастную мать и мою бѣдную и горюющую старуху. О Боже милосердый! что будетъ съ нами нещастными!

44.

Тотъ же къ томужъ.

Не провѣдалиль чего? —— Нѣтъ ли извѣстія отъ вашего сына? —— А у насъ, о Боже! какое зрѣлище, одно только вытье, одни только вздохи, одно оханье и туженье; мнѣ должно утѣшать, но мнѣ ли? мнѣ ли пораженному отцу, имѣвшему единое только милое и любезное дитя, и лишившемуся онаго толь гнусно, можно утѣшать кого? Естьлибъ умерла она, то почелъ бы я, что это ты великій Боже ее взялъ! я сталъ бы хотя плакать, но плачучи лобызалъ бы Твою Десницу! — О какъ мятется мое сердце, сердце престарѣлаго отца, какъ трепещетъ оно въ груди моей пустой и престарѣлой! совсѣмъ разорваться оно хочетъ. О Генріетта! о дочь моя! гдѣ ты? Бѣдное, невинное дитя! добычею пороковъ въ рукахъ необузданныхъ сластолюбцовъ! О Боже!

до чего дожилЪ я нещастный старецЪ! до нещастія такова!

Капитан Раубшиц возвратился сЪ часЪ спустя послѣ пріѣзда плачущихЪ женщинЪ. Никогда бы я не ожидалЪ отЪ сего скаросаго человѣка, чтобЪ имѣлЪ онЪ столь чувствительное человѣческое сердце, какое примѣтно было вЪ немЪ, по участію принимаемому имЪ вЪ семЪ дѣлѣ. — Ничего онЪ не нашелЪ. Денщика своего послалЪ онЪ по другой дорогѣ, но онЪ еще не возвратился.

Между тѣмЪ вся у насЪ деревня теперь вЪ тревогѣ и всѣ люди какЪ вЪ возмущеніи. СынЪ нашего Амтмана сЪ тремя слугами поскакали по разнымЪ дорогамЪ также вЪ погоню. АхЪ! когда бы всеблагій БогЪ сниспослалЪ милость свою и они возвратилибЪ мнѣ бѣдному опечаленному отцу дитя мое. Почто я теперь не юноша? Почто не могу самЪ вЪ погоню гнаться, яко львица при похищеніи дѣтей ее? Но ахЪ! я теперь немощной, трясущейся старецЪ! брожу о костылѣ, и добреду теперь скоро до гроба; таковое несча-

стіе

стіе не могу я перенесть и долго притомъ живъ остаться.

Любезной господинъ Амтманъ, какъ скоро получите вы извѣстіе: пожалуйте дайте намъ скорѣе знать, я сдѣлаю тоже.

45.

Тотъ же къ томужъ.

Всѣ наши бывшіе въ погонѣ возвратились, ничего не видали, ничего не слыхали и ничего не могли провѣдать. О какъ нещастливы мы всѣ! я не знаю ужѐ, что начинать мнѣ съ бѣдною и совсѣмъ печалію сокрушенною матерью? Она хочетъ ѣхать въ слѣдъ за дочерью, а никто не знаетъ куда? приступаетъ ко мнѣ, чтобъ писалъ я неотмѣнно къ ее супругу, а мнѣ того еще не хотѣлось бы. Можетъ быть снисполлетъ еще Господь намъ милость свою и мы похищеннаго у насъ нещастнаго агнца еще назадъ получимъ. О Боже! когдабъ была ужѐ у насъ сія бѣдная невинная! что-то происходитъ теперь съ сею нещастною и милою Генріетою? Въ рукахъ негодныхъ рабичищей пороковъ, и посредѣ дьяволовъ, теперь

 сей

сей АнгелЪ. О Боже! о Ты безконечный защитникЪ невинности! пріими ее вЪ свое всемогущее покровительство, и сохрани невинную чисту и непорочну.

Я не могу болѣе плакать, любезнѣйшей другЪ, престарѣлые мои глаза совсѣмЪ потемнѣли и источники слезЪ изсякли. КогдабЪ, и о когдабЪ! Всемогущему было еще угодно, чтобЪ могЪ я престарѣлыми, дряхлыми и трясущимися своими дланьми обнять мою Генріетту, омочить слезами радости непорочную ее выю, и тогда уже умереть. Великій Творче! услыши моленіе сіе раба твоего стараго и печальнаго!

КапитанЪ РаубшицЪ уѣхалЪ: сегодня вЪ десять часовЪ поутру отправился онЪ вЪ путь. ОнЪ обѣщалЪ мнѣ, во время путешествія своего кЪ арміи, употребить наивозможнѣйшія старанія о узнаніи чего нибудь о бѣдной похищенной, о когдабЪ хоть ему удалось!

46.

АмтманЪ ВернерЪ кЪ Пастору Улриху.

Самому Господу Богу извѣстно, гдѣ мой КарлЪ теперь; бѣдной малой! не

на-

находится ли онъ и самъ въ нещастіи какомъ! легко ли, что и сѣдла-то нѣтъ на лошади, измучится и самъ и лошадь-то онъ въ ничто отдѣлаетъ. Конюхъ мой возвратился, но ни о Карлѣ, ни о хищникахъ, не могъ ни синя пороха провѣдать; не нещастныя ли мы люди?

Какъ скоро получу я извѣстіе, или мой Карлъ домой возвратится, такъ тотчасъ васъ увѣдомлю, старайтесь между тѣмъ сколько можно успокоить нещастную и горестную мать. Еще не надобно ей ничего сказывать, ни къ Маіору писать, а дни два обождать еще можно.

47.

Пасторъ Улрихъ къ аттману Вернеру.

Теперь только вышелъ отъ меня сынъ нашего Аттмана. — Милосердый Боже! какъ это можно человѣку, таковымъ мерзкимъ злодѣемъ быть и умѣть такъ притворяться. Но что говорить, не претворяется ли и дьяволъ въ подобіе Ангела Божія? Молодой сей человѣкъ сказалъ мнѣ теперь нѣчто, чего я никакъ не могу сообразить

зить съ тѣмъ, что здѣсь происходило.
Раубшицъ, думаетъ онъ, а не иной кто, тому причиною, и увезена бѣдная Генріетта по его велѣнію. Онъ влюбленъ былъ въ нее, говоритъ онъ, и я-де сказывалъ давно уже о томъ ея Карлу, а потомъ велѣлъ садовнику и письмо къ нему отписать, въ которомъ онъ совѣтовалъ ему имѣть осторожность: но онъ того не учинилъ, а теперь вотъ видны, какія произошли отъ того послѣдствія.

Ну, подумайте теперь Господинъ Амтманъ, какъ можно все это сообразить. Раубшицъ не выходилъ ни на шагъ изъ моего дома. Не ярился ли онъ ужаснымъ образомъ на похитителей? Не ѣздилъ ли онъ самъ въ погоню? —— Все это пускай онъ дѣлалъ, говоритъ сей молодой человѣкъ, но все это было одно притворство. Слуга его, говоритъ онъ далѣе, былъ весьма хитрой и проворной бездѣльникъ. Онъ отправился напередъ, и приготовилъ все нужное къ похищенію, дабы не было вида, что господинъ его о томъ что нибудь вѣдаетъ, и естьли это не такъ, то дамъ себя повѣсить Самой его деньщикъ садовнику нашему изъявилъ свое

о томъ подозрѣніе: но человѣкъ етотъ такъ настращенъ былъ господиномъ, что никакъ не хотѣлъ изъясниться далѣе.

Ну, какъ вы думаете, Господинъ Вернеръ? моглоль бы сіе статься? Ежели я хорошенько о семъ подумаю: то за лучшее нахожу, чтобъ теперьже писать къ Маіору и сообщить ему все наше ужасное произшествіе, а вкупѣ и то, что сей молодой человѣкъ говоритъ. Согласны ли вы съ симъ мнѣніемъ? Дайте мнѣ о томъ знать.

Въ разсужденіи горестной матери не помогаетъ никакое утѣшеніе. Она плачетъ денно и ночно, стѣнаетъ и груститъ ужасно, и ломаетъ руки свои отъ горести и печали. Боже милостивъ буди съ нею бѣдною и нещастною похищенною, и со всѣми нами!

48.

Амтманнъ Вернеръ къ Пастору Углиху.

Наконецъ вотъ письмо, господинъ Пасторъ, отъ моего Карла, бѣднаго малова! но утѣшительнаго ничего. О какъ сердится и сумазбродствуетъ онъ! о горе мнѣ бѣдному нещастному отцу, бѣ-

бѣшенство доведетъ его до погибели и я лишусь моего сына.

Вы усмотрите изъ письма дальнѣйшее. Онъ почитаетъ также, какъ и Амтманской сынъ, похитителемъ вѣроломнаго Раубшица И я думаю, что оба они и не погрѣшаютъ. И такъ пишите поскорѣе къ господину Маіору обо всемъ, что здѣсь произошло, и увѣдомьте его, на кого имѣемъ мы подозрѣніе. Ежели оное справедливо: то онъ ужѐ найдетъ, чѣмъ дѣлу помочь, намъ же и безъ того помочь себѣ здѣсь не чѣмъ.

49.

Карлъ Вернеръ къ своему отцу.

Вотъ, гдѣ я теперь, батюшка! за двенатцать миль отъ дома, а объскакавъ за вѣрное болѣе еще пятнатцати вокругъ и около. Теперь я сталъ безъ ума, и не знаю самъ, что дѣлать; ничего, во все ничего немогъ я узнать и провѣдать. Увы! дорогая Генріетта! милая и любезная моя Генріетта пропала, и я лишился ее нещастный! О небо! къ чему надлежало совершиться такому нещастію со мною? Ежели надлежало ужѐ дьяволу, ибо сдѣлалъ это вѣрно

дьяволъ

дѣяволъ; ежели надлежало ужè, говорю, побрать одного изъ насъ, то для чего не побралъ онъ меня. Бѣдная невинная Генріетта! что-то происходитъ съ нею? Когда помышлю обо всемъ, что съ нею случиться можетъ, воображу ее во власти нечестивѣйшаго сластолюбца, и воображу обезчещенную и лишенную ея непорочности. То удивляюсь самъ себѣ, что дѣйствуетъ еще во мнѣ разумъ, что не сошелъ я съ ума, по сю пору не взбѣсился, но долголь, коротколь, ае то будетъ: ибо къ пренесенію такого великаго нещастія силъ моихъ будетъ недостаточно.

Я дамъ себя повѣсить и готовъ прозакладывать жизнь свою, естьли всѣму тому причиною не Раубшицъ, и естьли не онъ проклятой ее увезъ! Я имѣю къ тому столько признаковъ, что не могу въ томъ сомнѣваться. Теперь надѣюсь сей извергъ ужè уѣхалъ? Но я ево повсюду искать буду, и естьли отъищу, то какъ кровожаждущей тигръ разтерзаю его.

Лошадь свою, батюшка, отдѣлалъ я ни вочто, и такъ что выбилась изъ силъ и охрамѣвшая стоитъ она, и нейдетъ,

детъ съ мѣста. Я оставилъ ее здѣсь и купивъ другую съ сѣдломъ и со всѣмъ приборомъ, ѣду завтра далѣе? Туда, куда поведетъ меня судьбина! и когдабъ угодно было Небу къ похитителямъ Генріетты! Естьли я ево не найду, сего мерзскаго вѣроломнаго злодѣя, естьли не буду въ состояніи исторгнуть изъ челюстей сего хищнаго волка бѣдную невинную и похищенную овечку, то поѣду въ армію къ господину Маіору.

Я буду писать къ вамъ, батюшка, такъ часто, какъ мнѣ только можно будетъ, вы же ко мнѣ прежде не пишите, покуда не увѣдомлю васъ, гдѣ я буду находиться, утѣшайте бѣдную печальную мать, и скажите ей, что я не оставлю дочери ея искать вездѣ и вездѣ, и буде найду, то пролитіемъ крови отомщу за ее похищеніе, и ее либо живую свобожу, либо самъ съ нею умру вмѣстѣ.

50.

Капитанъ Раубшицъ къ Ротмистру Долману.

Лучше бы меня всѣ черти на семъ мѣстѣ задавили, Долманъ! Такъ я теперь

перь бѣшусь, все шло такъ удачно, такъ хорошо, все произведено по желанію, а теперь, какъ надобно достигать до конца своего намѣренія, то вижу себя толь далеко отъ того удаленнымъ, сколь близкимъ себя быть къ тому думалъ; не досадно ли?

Но какъ же ето такъ? а вотъ какимъ образомъ, теперь долженъ я тебѣ признатся, Долманъ, что дѣвку-то увезли мы противъ ея хотѣнія. Я писалъ къ тебѣ, что будто она сама на то была согласна, но я сдѣлалъ сіе для того, чтобъ ты не сталъ мнѣ отговаривать и тѣмъ охотнѣе приступилъ къ моему намѣренію, въ самомъ же дѣлѣ она имѣетъ ко мнѣ омерзѣніе и такъ много меня ненавидитъ, сколь много любитъ своего деревенскаго дурачину, но ево ей не видать ни во вѣки вѣковъ: хотябъ и до того дошло, чтобъ мнѣ ее на всю жизнь закласть и замуравить.

Теперь не знаю уже я, что мнѣ съ симъ вселюбезнѣйшимъ чертенкомъ и дѣлать и начинать. Какъ молодой тигръ, рубитъ, бьетъ и царапаетъ она всѣхъ вокругъ себя. Сперьва употребилъ я ласку и истощилъ всѣ наивозможнѣйшія

ла-

ласкательства, но все было тщетно, потомъ употребилъ я усиліе, но принужденъ былъ ужаснуться ея силы; какъ молодой левъ, была она совсѣмъ непреодолимою. Я принужденъ былъ взять на вспоможеніе себѣ Шруббера, но и оба мы ничего не сдѣлали. Сперьва просила и молила она насъ наижалостнѣйшимъ образомъ, и каналія Шрубберъ едва было ужѐ не сжалился на нее, но какъ она увидѣла, что всѣ ея прозьбы и моленія не помогаютъ, то должны были зубы, руки, ногти и ноги служить ей вмѣсто оружія.

Оба мы съ Шрубберомъ весьма изрядно и оба равно изпятнаны. У меня лицо такъ изцарапано, какъ бы имѣлъ я сраженіе съ кошками. У Шруббера она два пальца совсѣмъ почти откусила, а наконецъ въ брюхо ему такой дала толчокъ ногою, что онъ полетѣлъ чрезъ голову и насилу отдохнулъ. И теперь не хочетъ онъ болѣе ужѐ никакъ до нее дотрогиваться.

И такъ, что мнѣ теперь дѣлать съ симъ неукротимымъ тигромъ? не можно ее преклонить ни пить, ни ѣсть, и я боюсь, чтобъ не умерла она съ голоду,

лоду, или не уморилабЪ себя отЪ тоски и грусти. Она совсѣмЪ похудѣла, и блѣдна какЪ мертвая, и мелетЪ вздорЪ какЪ сумасшедшая. —— Здѣсь оставить я ее не могу. —— И близко и ненадежно мѣсто, а кЪ полку ѣхать мнѣ необходимо надобно. Теперь желалЪ бы я, чтобЪ черти не внушали мнѣ никогда сего проклятаго предпріятія вЪ голову. КронголдЪ хорошо мнѣ совѣтовалЪ: однако кто бы могЪ думать и ожидать, чтобЪ дѣвка была столь неукротима. Я ласкался надеждою, что нужно ей увидѣть, что инако быть не можетЪ, какЪ наконецЪ она ужѐ сдастся: но теперь вижу, что ни прозьбы, ни угрозы не помогаютЪ ни мало.

Я принужденЪ слѣдовать Шрубберову совѣту, и завтра какЪ свѣтЪ отправлюсь сЪ нею вЪ верхнюю Шлезію; тамЪ сыщу для нее безопасное мѣсто, и покину сЪ нею Шруббера, а самЪ отправлюсь какЪ наискорѣе кЪ арміи.

На письмо сіе ты мнѣ не отвѣтствуй: ибо оно меня здѣсь ужѐ не застанетЪ, а какЪ пріѣду кЪ арміи, то о дальнѣйшихЪ послѣдствіяхЪ тебя увѣдомлю.

Приложенную при семъ ассигнацію прійми, любезной Дольманъ, въ малой знакъ моей къ тебѣ благодарности, но для самаго Неба постарайся, чтобъ слуга твой не проболтался, и никому бы и никогда о увезеніи не сказывалъ. Оба мы сдѣлаемся нещастны, естьли дѣло сіе выдетъ наружу, прости, любезной Дольманъ: въ передъ отпишу болѣе.

51.

Пасторъ Улрихъ къ Амтману Вернеру.

Я исполнилъ по вашему совѣту, любезной господинъ Амтманъ, и вчера ввечеру писалъ къ отцу, сожалѣнія достойному. Я увѣдомилъ его обо всемъ произшествіи сего печальнаго приключенія, а вкупѣ упомянулъ въ какихъ мысляхъ мы о Капитанѣ Раубшицѣ.

О, какъ соболѣзную я о семъ честномъ и праводушномъ человѣкѣ! Что Генріетту оскорбить, и его душу поразить, это все равно. Великій Боже! ктобъ могъ думать, чтобъ возвращенное спокойствіе сей толико нещастной и толь долгое время разлученной фамиліи, изъ которой каждая особа въ человѣческомъ родѣ составляетъ то, что бри-

бриллiантъ въ золотомъ перстнѣ, могло толь печально и толь ужасно нарушиться? Предъ самымъ короткимъ временемъ были они всѣ другъ другомъ крайне ощасшливлены, а теперь каждой сожалѣнiя достойнымъ нещасшливцомъ, а всѣхъ болѣе невинной агнецъ, увлеченной недостойными жрецами на жертву наигнуснѣйшему изъ всѣхъ идолу сластолюбiя.

Непонятно и непостижимо для меня, когда подумаю о всѣхъ сихъ произшествiяхъ. Но можно ли и проникнуть, когда все ето неисповѣдимыя пути Всевышняго. Единое только сiе для меня и теперь и всегда было утѣшенiемъ. И я увѣренъ, что наконецъ все приведетъ Онъ къ благополучному окончанiю.

Съ отеческимъ сердцемъ соболѣзную я о вашемъ сожалѣнiя достойномъ сынѣ, и оплакиваю сего бѣднаго, яко нещастнѣйшаго изъ нещастныхъ. Ахъ, какъ любила другъ друга сiя щасшливая и непорочная чета! они любили другъ друга какъ Ангели Господни на небесахъ. Я видѣлъ ихъ любовь въ самое то время, когда она еще начиналась и раз-

вертывалась, так как молодая роза в прекраснейшее вешнее утро: я радовался тому, видел ее возрастающую, я поспешествовал ей, с удовольствием видел ее созревающую, и видел наконец . . . разрушенную. О Боже! чету, толь Божественную чету непорочных любовников. Но что однако говорить . . . Ты премудр . .

Да, конечно премудр! Однако Он отпустит, когда отцы толь благонравных детей проливают слезы о потеряніи всех радостей своих при старости.

Как скоро получу я ответ от нещастнаго добродушнаго отца, то сообщу вам оной не умедля: а естьли получите вы письма от вашего сына, то пришлите тотчас ко мне его письмо, но посланному подтвердите, чтоб он не отдавал никому, кроме меня, в руки, дабы в случае какова нибудь нещастія не могло оно попасть в руки непріуготовленной матери, и довершить тем ея нещастія. Правда, сразит и меня оно с ног, но моя хижина и без того к паденію уже готова.

52.

Амтманъ Вернеръ къ Пастору Улриху.

Ну! вотъ извольте господинъ Пасторъ то, чего вы требовали: но прочитавъ оное, скажите мнѣ, не нещастной ли я подлинно отецъ! О сколько зла можетъ единый человѣкъ надѣлать! Бѣдной, бѣдной малой! какъ рыскаетъ и мечется онъ повсюду: но не подверженъ ли и самъ онъ на всякомъ шагу нещастію? Кто поручится мнѣ въ томъ, чтобъ по вспыльчивому и горячему своему нраву не сдѣлалъ онъ чего нибудь такова, отъ чего да сохранитъ и его и меня Всевышній! Вы разумѣете меня, господинъ Пасторъ, я дрожу и трясусь, и не могу сказать вамъ яснѣе.

Хоть бы мнѣ ужè знать, гдѣбъ его найтить было можно! Наконецъ и деньги-то онъ всѣ истратитъ, бѣдной! правда у него всегда бывало нарочитое количество денегъ; ибо онъ давно ужè имѣетъ собственные свои доходы, въ которыхъ я никогда его не щитывалъ, бывъ увѣренъ, что онъ ихъ не раз-

мотаетъ. Однако я разломалъ его коммодъ и нашолъ въ немъ денегъ много, и потому думаю, что съ нимъ у него ихъ очень мало.

Всевышній! руководствуй сему бѣдному странствующему въ его пути, и покажи и ему и намъ всѣмъ свою милость, ибо Ты единъ только можешь намъ помочь.

53.

Карлъ Вернеръ къ своему отцу.

Наконецъ, любезной родитель, послѣ многотруднаго рысканія по всѣмъ мѣстамъ, послѣ тысячу разъ повторенныхъ распрашиваній, не безъ всякой же надежды я нещастливъ. Однако и щастливымъ назвать себя еще не могу; а все мое щастіе состоитъ только въ томъ, что я попалъ на слѣдъ. Одинъ Цесарской дезертеръ взвелъ меня на оной; онъ повстрѣчался со мною на границахъ верхней Шлезіи: куда, какимъ образомъ я попалъ, ни знаю, ни вѣдаю. Отъ него случайнымъ образомъ провѣдалъ я, что повстрѣчалась съ нимъ коляска съ молодою женщиною и однимъ драгунскимъ Офицеромъ и его слу-

слугою. И какъ Офицеръ съ нимъ разговаривалъ, то могъ онъ мнѣ его описать, и я изъ описанія сего какъ наяву узналъ Раубшица: а изъ описанія о третьемъ человѣкѣ я не сомнѣвался, что былъ то Шрубберъ: чтожъ касается до женщины, то объ ней могъ онъ мнѣ сказать мало, потому, что какъ она была окутана, то ему разсмотрѣть ее было не можно.

Я не сомнѣвался ни единой минуты о справедливости сего открытія, велѣлъ показать себѣ дорогу и пустился по оной. Но передъ взяли у меня великъ сіи проклятые хищники: а я отъ трудностей путешествія такъ ослабѣлъ, что не могу безостановочно продолжать оное далѣе. Я принужденъ здѣсь остановиться потому, что ни я, ни моя лошадь, которая теперь ужъ третья, не можемъ долѣе выдержать.

Въ самомъ томъ постояломъ дворѣ, гдѣ я теперь нахожусь, ночевалъ третьяго дни окаянной Раубшицъ съ своею добычею. И на самой той постелѣ, гдѣ спала моя вѣчно драгоцѣнная, моя бѣдная нещастная Генріетта, и я

лежалъ, бѣсился, клялъ, молился, плакалъ, но не спалъ только.

Никакъ не могу я пересказать вамъ того, крайне печальнаго и меня то въ горесть, то въ бѣшенство приводившаго описанія, какое дѣлали мнѣ здѣсь о бѣдной и сожалѣнія достойной Генріеттѣ. Больною сюда пріѣхала, а гораздо больнѣйшею поѣхала далѣе: —— Увы, можно ли ей теперь живою быть?

Раубшицъ есть дьяволъ, говорилъ я милой обманутой дѣвушкѣ, но она не хотѣла мнѣ вѣрить. Но ежели тотъ не дьяволъ, кто съ такою прелестною, кроткою и невинною тварью, какова Генріетта Фолкмаръ, столь немилосердо и безчеловѣчно поступать можетъ, то не знаю ужѐ я, что такое разумѣть должно подъ именемъ дьявола.

И такъ найдетъ ли, не найдетъ ли ее бѣдной Карлъ, но все онъ нещастнѣйшей человѣкъ на свѣтѣ. Ежели найдетъ, такъ что найдетъ онъ? нещастную обезчещенную Генріетту! О Боже! какъ можно тебѣ было допустить сіе? —— А! — батюшка, есть ли кто не потеряетъ при семъ весь умъ и разумъ, у того знать не бывало

ихъ. Всеблагій и Великій Боже! помоги и подкрѣпи меня бѣднаго во дни толикой горести и нещастія, какія постигли меня нынѣ.

Что дѣлаетъ бѣдная печальная мать? —— Богъ и праводушной старецъ да подкрѣпятъ ее нещастную! Губертъ, не пріѣхалъ ли онъ ужѐ къ вамъ? О какъ хотѣлось бы мнѣ имѣть его при себѣ, сего браваго стараго гусара, и тогдабъ Раубшицъ и съ шайкою своею гдѣ вы? мошенники! —— Но ахъ онъ раненъ, сердечной старина! и не можетъ мнѣ ни въ чемъ пособить.

Я не ожидаю отъ васъ отвѣта: ибо не останавливаюсь нигдѣ, а печатаю письмо и спѣшу далѣе.

54.

Пасторъ Улрихъ къ Амтману Вернеру.

Не ложно, не ложно господинъ Амтманъ, вы нещастливой отецъ! однако не принадлежимъ ли и всѣ мы къ единому нещастному семейству? Не всѣ ли мы и не каждой ли изъ насъ нещастенъ? А естьли кто нещастнѣе бѣдной! бѣдной жертвы? —— Однако не лишайтесь еще всей надежды.

Господь есть сильной покровитель стражущей добродѣтели; на него возлагаю я свое упованіе, и не сомнѣваюсь, что онъ защититъ и спасетъ утѣсненную невинность. Онъ сохранитъ и сына вашего отъ всѣхъ опасныхъ предпріятій, и отведетъ отъ всякаго зла. Юноша сей имѣетъ здравыя и просвѣщенныя мысли, почтеніе къ закону. Онъ велъ всегда жизнь непорочную и не умретъ какъ нечестивый.

Наконецъ пріѣхалъ къ намъ и толь давно и усердно ожидаемой старой и честной Унтеръ - Офицеръ Губертъ, любимецъ всего нашего дома, а въ особливости вашего сына. *Великій Боже!* какою печалію пораженъ былъ сей милой престарѣлой гусаръ, какъ узналъ онъ обо всемъ нещастномъ произшествіи. Какъ не много отдохнулъ отъ перваго изумленія, то пришелъ въ такую ярость и свирѣпство на вѣроломныхъ похитителей, что съ великою нуждою насилу мы его укротили. Вскорѣ потомъ вышелъ онъ изъ горницы, а какъ опять вошелъ, то примѣтно было сколь изобильно текли его слезы.

По-

Помочь онъ намъ не можетъ. Онъ прострѣленъ сквозь лѣвое плечо, и долженъ здѣсь врачуемъ быть. Когдабъ не былъ онъ добрымъ и честнымъ, человѣкомъ: то Фолкмаръ не сталъ бы объ немъ какъ о другѣ своемъ имѣть попеченіе: но воистинну сей мужъ и достоинъ онаго.

По увѣдомленію его, равно какъ и по письмамъ привезеннымъ съ собою, находится нещастный родитель въ совершенномъ здоровьѣ. О Боже! что будетъ съ нимъ когда прочтетъ онъ мое письмо. Я не сомнѣваюсь, что онъ получилъ уже оное, и что онъ распорядитъ, то и будетъ столь умныхъ людей, каковъ онъ, на свѣтѣ мало.

Не унывайте господинъ Амтманъ: Богъ можетъ намъ помочь и поможетъ.

55.

Іоганъ Шрубберъ къ Ротмистру Дольману.

По приказанію господина моего, которой сегодни поутру къ полку своему отправился, пишу я къ вамъ сіе письмо. Обстоятельства, въ которыхъ онъ

онъ меня здѣсь покинулъ, чрезвычайно худы и печальны, и естьлибъ я зналъ, что послѣдствія увезенія таковы будутъ, каковы они теперь, то цѣлой бы легіонъ дьяволовъ не преклонилъ меня къ тому.

Съ Генріеттою, съ которою мы вчера ввечеру сюда пріѣхали, по всему видимому не продлится дѣло долго; привезли мы ее чрезвычайно больною, а теперь лежитъ она при послѣднемъ издыханіи, и вотъ я сижу теперь съ одною старухою, нанятою для хожденія за нею у ея постели, и думалъ бы, что она ужѐ умерла, естьлибъ не примѣтно было еще нѣсколько дыханія. А что нещастіе наше еще величайшимъ дѣлаетъ, то не смѣю призвать и лекаря, ибо она открылабъ ему все, и сдѣлалабъ всѣхъ насъ нещастными.

Весьма хуждшимъ и злѣйшимъ дьяволомъ надобно тому быть, нежели каковъ я, кто бы могъ остаться здѣсь безъ сожалѣнія. А я на часу тысячу разъ желаю, чтобъ лучше находился я теперь на вершинѣ горы Блоксберга, посредѣ сборища старыхъ чертовокъ ведьмъ, нежели у кравати сея умирающія

щія. Естьли она умретъ, то не долго буду я размышлять что дѣлать.

Господинъ мой, чтобъ такое къ вамъ о сей Генріеттѣ ни писалъ, да и я сколь много вамъ ни клялся, однако то истинная правда, что она дочь, и прямая законная дочь, Маіора Фолкмара; и ея мать не метреса его, а законная супруга. По сему, подумайте, какое нещастіе насъ ожидаетъ, естьли дѣло наше откроется, и для того старайтеся какъ можно, чтобъ слуга вашъ не проболтался.

Мѣсто, гдѣ мы находимся, кажется довольно надежно. Ибо хотя въ окресностяхъ здѣшнихъ и разъѣзжаютъ Цесарскіе гусары, но намъ до нихъ нужды мало. Когдабъ только Генріетта была здорова и не умерла! —— Не надлежало бы дурочкѣ сей быть столь неукротимою: и ежели прямо разобрать, то сама она тому причиною что находится въ такомъ состояніи, ибо мы ни безчисленными уговариваніями, ни всевозможнѣйшими ласками, ни жесточайшими угрозами не могли преклонить ее къ тому, чтобъ она хоть не много поѣла, а какъ присовокупи-

лась къ тому и досада и грусть, то и пришла она отъ того въ изнеможенiе. Я видалъ многихъ неукротимыхъ дѣвокъ, а будучи еще студентомъ бывалъ и прежде сего при таковыхъ похищенiяхъ, но подобной ей нигдѣ еще не находилъ.

Мой господинъ приказалъ васъ просить, чтобъ вы ему и мнѣ дали совѣтъ, что намъ дѣлать, и вы окажите мнѣ милость скорымъ вашимъ отвѣтомъ.

Пасторъ Улрихъ къ Амтману Вернеру.

Вотъ отвѣтъ отъ господина Маiора: вчера ввечеру получили мы оной съ его каммердинеромъ и гусарскимъ Унтеръ-Офицеромъ его эскадрона. Вчера они прiѣхали, а сегодни уѣхали опять далѣе.

Нещастной, сожалѣнiя достойной отецъ! какъ злобствуетъ и свирѣпствуетъ онъ тамъ! Но и можно ли кому спокойнымъ духомъ перенесть толь чувствительную обиду и безчестiе, какое причинено теперь ему и его дочерѣ. Какъ прочтете письмо, то пришлите его ко мнѣ обратно.

56.

Маїоръ Фолкмаръ къ Пастору Улриху.

Ваше письмо, наиужаснѣйшее изъ всѣхъ, какія получалъ я въ жизнь мою, меня опечалило, сразило съ ногъ, наполнило духъ мой бѣшенствомъ и безуміемъ, а потомъ ввергло меня въ печаль наиглубочайшую.

Кто таковъ тотъ дерзской, который отважился обезчестить меня толь непростительно, и поразить сердце мое толикимъ оскорбленіемъ?

Ахъ, Генріетта! бѣдной непорочной агнецъ! Ахъ, дочь моя! гдѣ ты? Гдѣ найду я оскорбленную и оскверненную невинность? Гдѣ проклятаго и мерзскаго хищника? Его какъ тигръ растерзать, исторгнуть проклятое сердце изъ дьявольской груди, принудить самаго сожрать его, навѣки истребить его? — Какая бы сладость была для души моей!

Но прочь съ безуміемъ! что поможетъ бѣшенство? надобны средства, средства къ спасенію — Сперва спасеніе! сперьва избавить! а тамъ уже наказывать.

Какъ

Какъ скоро пораженное мое и между яростію и печалію раздѣленное сердце нѣсколько успокоилось, то поскакалъ я въ армію, отъ которой стоялъ тогда за двѣ мили. Я нашелъ полкъ. . . но не нашелъ въ немъ никакова Капитана Раубшица. Подполковникъ, къ которому я пошелъ, сказалъ мнѣ, что онъ во время похода за болѣзнію остался назади, и къ полку еще не бывалъ. Видимое безпокойство моего потрясеннаго сердца, гнѣвъ блистающій изъ моихъ взоровъ, и злоба примѣтная на всемъ лицѣ моемъ, привели браваго Подполковника сего въ удивленіе. Онъ спросилъ меня учтиво о причинѣ сихъ видимыхъ душевныхъ движеній: вотъ она возопилъ я съ яростію. Прочтите сіе письмо, и естьли вы отецъ, или хотя человѣкъ, такъ пожалѣете обо мнѣ, и въ отмщеніи моемъ помогать мнѣ будете.

Онъ взиралъ на меня съ удивленіемъ, взялъ отъ меня письмо, и читалъ. Нестаточное дѣло! возопилъ онъ, его прочитавши. Капитанъ Раубшицъ каковъ ни безпутенъ, но такова гнуснаго дѣла предпріять не въ состояніи, къ то-

тому жъ и въ письмѣ однѣ только догадки, а достовѣрнаго ничего нѣтъ. Что хотите вы дѣлать? Обида, дѣлаемая такому кавалеру, каковъ Капитанъ, недоказаннымъ обвиненіемъ, которое можетъ происходить и отъ оклеветанія, навлечетъ на васъ хлопотливое и кровопролитное съ нимъ дѣло. Между тѣмъ сожалѣю я объ васъ съ искреннимъ сердцемъ и прошу дозволить мнѣ подать вамъ совѣтъ. Я сохраню сказанное вами въ тайнѣ. Капитанъ долженъ въ скоромъ времени прибыть къ полку, и какъ скоро онъ прибудетъ: то постараюсь я открыть, имѣетъ ли сказанное вами свое основаніе, и что узнаю, о томъ увѣдомлю васъ чистосердечно; а до того времени будьте спокойны.

Я не могъ возразить противъ сего ничего важнаго, и принужденъ былъ возратиться къ своему мѣсту: однако оставилъ однаго изъ своихъ людей при Подполковникѣ, которой бы тотчасъ меня увѣдомилъ, какъ скоро прибудетъ Раубшицъ.

Почто не могу я самъ, нещастной отецъ, теперь по всѣмъ мѣстамъ рыскать, всѣ углы перешаривать, мою бѣдную дочь освободить, а проклятыхъ хищниковъ истребить изъ свѣта? Но ахъ! сего никакъ не можно! Служба, какова теперь наша, оставляетъ мнѣ рѣдко и одинъ часъ, которой бы я могъ своимъ назвать.

Я посылаю къ вамъ моего каммердинера, котораго вы знаете и одного лучшаго и преданнѣйшаго мнѣ Унтеръ-Офицера, которой неглупъ и отваженъ довольно. Опишите имъ Капитана Раубшица и слугу его, какъ можно лучше, дабы они ихъ узнать могли; а что имъ дѣлать, о томъ дано имъ отъ меня наставленіе.

Бѣдную и опечаленную мою жену, а ея мать, препоручаю вашему попеченію: постарайтесь подкрѣпить ее въ горести. Вы знаете, сколь великъ для нее уронъ сей; помогите отечески переносить ей оной, дабы бѣдная не осталась безутѣшна и не свалилась съ ногъ отъ горести.

57.

Ротмистръ Дольманъ къ Іогану Шрубберу.

Благодари всѣмъ чертямъ плутъ, и съ господиномъ твоимъ, что вамъ удалось меня обмануть и вплесть въ сіе проклятое дѣло, въ которое никогда бы я не вмѣшался, естьлибъ мнѣ подлинныя обстоятельства были свѣдомы. Тогда говорили, что дѣвка сама хочетъ увезена быть, что принуждаютъ ее будто насильно вытти замужъ за ненавистнаго ей мужицкаго сына, что она дочь гусарскаго Порутчика, рожденная отъ подлой метресы: а теперь оказалось все то солгано, и она законная дочь знатнаго Офицера.

Но всему злу причиною ты, собака проклятая! Почто черти не сломили тебѣ головы, покуда я тебя увидѣлъ! Клянусь всемъ, что дѣвка мнѣ жалка, и я желалъ бы, чтобъ ты и господинъ твой за сіе злодѣйство наказанъ былъ по достоинству, естьлибъ не былъ я самъ въ томъ же замѣшанъ.

Однако слушай, Шруббер, естьли проклятое ето дѣло навлечетъ на меня нещастіе, то тебѣ разнесу я голову до самаго твоего проклятаго сердца; а господина твоего убью, какъ бѣшеную собаку, и прострѣлю голову насквозь ему; А тамъ отправлюсь и самъ за вами въ слѣдъ, чтобъ васъ и въ адѣ еще мучить.

Увѣдомляй меня обо всемъ, что происходить будетъ, и пиши съ каждою почтою. Совѣтовать я тебѣ не могу и не стану, и не хочу болѣе нималѣйшаго участія имѣть въ семъ дѣлѣ.

58.

Маіоръ Фолкмаръ къ Пастору Улриху.

Все еще въ темнотѣ и неизвѣстности! Доколѣ будетъ пораженное сердце мое страдать жесточайшею печалію? Съ Капитаномъ Раубшицомъ не могу и не отваживаюсь я ничего еще предпріять. Не могу для того, что стою за шесть миль отъ арміи, и не могу отлучиться отъ своего мѣста; не отваживаюсь для того, что не имѣю достовѣрныхъ доказательствъ, на которыхъ бы я могъ основать обвиненіе толикой важности.

Между

Между тѣмъ къ полку онъ прибылъ, а изъ приложеннаго при семъ письма усмотрите вы, что пишетъ ко мнѣ и Подполковникъ Ребензафтъ объ ономъ.

Естьли отъищутся и явятся какія нибудь новыя и яснѣйшія доказательства и признаки: то увѣдомьте меня объ нихъ скорѣе. Я какъ скоро что нибудь имѣть буду, на чемъ бы можно было мнѣ утвердиться: то отъищу самъ Капитана, и принужу его признаться въ учиненномъ злодѣйствѣ. Между тѣмъ отправилъ я одного гусара наряженнаго лакѣемъ, чтобъ свесть знакомство съ людьми Капитанскими, не можно ли будетъ чего отъ нихъ разпровѣдать.

Дѣла по должности моей къ Королю привлекаютъ теперь все мое вниманіе къ себѣ, а ужасное сіе дѣло въ такую разстройку всѣ мои мысли привело, что часто я самъ не знаю, что дѣлаю и начинаю. Но можно ли и не быть мнѣ въ таковой? Не человѣкъ ли я? Не отецъ ли? Не отецъ ли столь любви достойной и потерянной дочери?

Я престаю писать, дабы не впасть опять въ жалобы, которыя безполезны, и ни мало помочь не могутъ. Простите.

59.

Подполковникъ Ребензафтъ къ Маіору Фолкмару.

Я исполняю теперь данное вамъ обѣщаніе. Вчера ввечеру прибылъ къ полку Капитанъ Раубшицъ, а севодни поутру я съ нимъ ужѐ и говорилъ. Я употреблялъ наивозможнѣйшія старанія вывѣдать изъ него что нибудь чрезъ предложеніе ему разныхъ вопросовъ, но не могъ ничего открыть относящагося къ тому, чѣмъ обвиняетъ его письмо, мнѣ вами показываемое.

Какъ я вамъ ужѐ однажды сказалъ, господинъ Маіоръ: я не могу никакъ думать, чтобъ злодѣйство сіе учинено было симъ Капитаномъ. Онъ любитъ честь, хотя и препровождалъ до сего нѣсколько безпорядочную жизнь, къ чему подавало поводъ его богатство: однако никогда не дѣлывалъ онъ ничего такова, чтобъ несогласно было съ честностію.

Ежели

Ежели смѣю подать вамъ дружеской совѣтъ, то не предпринимайте ничего противъ онаго, естьли не получили вы яснѣйшихъ доказательствъ: а естьли паче чаянія вы какія достовѣрности получите, то будьте увѣрены о моемъ дѣйствительномъ вспоможеніи вамъ; а между тѣмъ не узнаетъ никто отъ меня о семъ дѣлѣ.

60.

Капитанъ Раувшицъ къ Іоганну Шрубберу.

Вчера ввечеру прибылъ я къ полку. Что дѣлается тамъ у тебя? Жива ли дѣвка, или умерла? Я желаю, чтобъ было сіе послѣднее. Ежелижъ она еще въ живыхъ, Шрубберъ, то голова твоя на плахѣ, и ты потеряешь ее вѣрно, и сдѣлаешь насъ всѣхъ нещастными, естьли не употребишь наивозможнѣйшаго старанія о томъ, чтобъ проклятое сіе дѣло осталось сокровенно. Не выпускай маленькой чертовки ни на одну минуту изъ глазъ; и естьли она опять столько силы получитъ, что можетъ быть въ дорогѣ, то я тебѣ ужѐ назначу, куда ее отвезть.

Здѣсь дьяволъ побери, что-то не очень ужѐ ладно. Подполковникъ предлагалъ мнѣ нѣкоторые вопросы, которые нагнали на меня немалой страхъ. Узнать онъ отъ меня ничего не узнаетъ: но естьли опасеніе мое справедливо, то ожидаю я посѣщенія отъ Маіора Фолкмара, о которомъ слышу, что онъ теперь въ отсутствіи, и разъѣзжаетъ въ партіяхъ, и тогда не дошло бы дѣло до шпагъ.

Писалъ ли ты къ Ротмистру Дольману, и что онъ тебѣ отвѣтствовалъ и какой совѣтъ далъ? Пришли ко мнѣ письмо его.

Еще разъ напоминаю, Шрубберъ, будь остороженъ, хоть ввелъ ты меня и въ проклятыя хлопоты, но естьли ты и выведешь меня изъ нихъ удачно, то за труды тебѣ дамъ пятьдесятъ червонныхъ.

Съ первою почтою ожидаю я отъ тебя отвѣта, и не могу довольно тебѣ подтвердить, чтобъ ты имѣлъ и о моемъ и о собственномъ своемъ благѣ возможнѣйшее попеченіе.

61.

Амтманъ Вернеръ къ Пастору Улриху.

Радость моя не дозволяетъ мнѣ пространно говорить съ вами о содержаніи приложеннаго при семъ письма. Прочтите его сами, и разсѣйте радость всюду и всюду. Однако легко можете сами усмотрѣть, что госпожѣ Маіоршѣ не надобно вдругъ сказывать всего содержанія, но поступить въ томъ осторожно.

62.

Карлъ Вернеръ къ своему отцу.

На скорую руку и на первой случай только вкратцѣ! Сынъ вашъ щастливъ и нещастливъ вмѣстѣ неизреченно. Любезную свою Генріетту онъ нашелъ, но нашелъ ее въ объятіяхъ смерти. Боже сохрани мнѣ ее, или погуби меня вмѣстѣ съ нею!

Мысли мои въ такой разстройкѣ, а сердце такъ занято заботами и попеченіями о бѣдной и сожалѣнія достойной болящей, что не могу я писать болѣе. О дальнѣйшемъ впредь!

Маіорской каммердинеръ, котораго я здѣсь нашелъ, поскакалъ съ симъ радостнымъ и вкупѣ печальнымъ извѣстіемъ къ своему господину, а гусара удержалъ я при себѣ.

Одинъ изъ злѣйшихъ злодѣевъ, Шрубберъ, етотъ хищной сатана, въ моихъ теперь рукахъ, но находится въ весьма худомъ состояніи. Врата адовы для него ужѐ отворены, и главной сатана скоро ужѐ получитъ его въ свои объятія.

Боже помози мнѣ и бѣдной моей Генріеттѣ!

63.

Пасторъ Углихъ къ Амтману Вернеру.

Всеблагій и Всещедрый и Безконечный Богъ, буди вѣчно препрославленъ, и буди милостивъ къ намъ далѣе! —— Бѣдная и жалкая мать! слезы текутъ изъ глазъ ея рѣками снова. Ничто не помогло. Я долженъ былъ отдать ей Карлово письмо. —— Въ тужъ минуту хотѣла она скакать ужѐ къ своей дочерѣ! Но куда? —— Въ разстройкѣ своихъ мыслей и въ поспѣшности, сынъ вашъ позабылъ означить въ письмѣ своемъ

емъ и то мѣсто, гдѣ находится. —— О когдабъ скорѣе отписалъ онъ къ намъ вторично и сообщилъ наиприятнѣйшее извѣстіе, какова ожидаемъ! О Генріетта! О дочь моя! Всемогущій и Всеблагій да сохранитъ тебя мнѣ и всѣмъ намъ!

64.

Амтманъ Вернеръ къ Пастору Углиху.

Вчера поздно ввечеру получилъ я всерадостнѣйшее письмо при семъ посылаемое. Богу буди благодареніе за всѣ милости, оказанныя намъ недостойнымъ! Поспѣшите, какъ можно, Господинъ Пасторъ, и постарайтесь, чтобъ милая и любезная мать могла скорѣе отправиться къ своей, ей толь много вожделѣнной дочерѣ.

Изъ арміи дожидаюсь я съ трепетомъ страшнаго извѣстія. Горе теперь Раубшицу, сему хищнику и извергу! Всевышній возпріими во всемощное покровительство свое нашего дражайшаго Маіора. Какое будетъ нещастіе, естьли злодѣй лишитъ онаго насъ, и исполнитъ тѣмъ мѣру своихъ злодѣяній! Не допусти до того Всевышній, и буди къ намъ милостивъ!

65.

Карлъ Вернеръ къ своему отцу.

Сынъ вашъ щастливъ, и гораздо болѣе щастливъ, нежели могъ думать и ожидать. Милая и обожаемая моя Генріетта жива и ей легче. —— Чисту и непорочну получилъ я ее паки. Богу, защитнику невинности, буди вѣчное благодареніе!

Теперь нахожусь я въ состояніи сообщить вамъ, любезной родитель, обстоятельное извѣстіе о всѣхъ щастливыхъ послѣдствіяхъ моихъ поисковъ. Вотъ оно:

Выѣхавъ изъ постоялаго двора, изъ котораго писалъ я къ вамъ послѣднее письмо, отправился я далѣе по тому слѣду, которой мнѣ былъ показанъ. Но какъ хищники ѣхали не всегда прямою дорогою, то принужденъ былъ и я то въ ту, то въ другую сторону сворачивать и вездѣ разпрашивать. Симъ образомъ доѣхалъ я до - - - - и тутъ пропалъ разомъ весь слухъ, и никто не могъ мнѣ сказать ничего.

Безпре-

Безпрерывное скаканье, крайнее сокрушенiе и горесть сердечная, и совершенное небреженiе о самомъ себѣ, привели меня въ такое изнеможенiе, что я не могъ никакъ продолжать путь свой далѣе, но принужденъ былъ тутъ остановиться для отдохновенiя.

Будучи таковъ же почти боленъ, сколько прискорбенъ духомъ, сидѣлъ я тутъ въ избѣ пакостнаго постоялаго дворишка, какъ противъ всякаго чаянiя прiѣхалъ тудажъ каммердинеръ Маiорской съ гусарскимъ Унтеръ-Офицеромъ Трейманомъ. Сiя была первая радость, которую ощущалъ я съ отъѣзда изъ дома. Удовольствiе, которое имѣлъ я, ихъ увидѣвъ, описать не можно. Съ той минуты не былъ я ужѐ болѣе боленъ. Они сказали мнѣ, за чѣмъ они прiѣхали, и мы стали тотчасъ совѣтовать, что предпринимать далѣе.

Тогда наиусерднѣйшимъ образомъ желалъ ужѐ я, чтобъ мы нашли негодныхъ хищниковъ, дабы можно было мнѣ поразить ихъ праведнымъ своимъ и кровопролитнымъ мщенiемъ. Мы желали того всѣ, но потерянной совершенно слѣдъ подавалъ намъ къ тому

мало надежды: совсѣмъ тѣмъ положили мы съ утра въ послѣдующей день пуститься далѣе.

Но какъ радость о прибытіи сихъ друзей нѣсколько утолилась, то слабость и болѣзнь моя возвратилась паки. Хозяинъ совѣтовалъ мнѣ пойти въ маленькую аптеку того мѣстечка и велѣть дать себѣ что нибудь для подкрѣпленія силъ. Я послушался его, и велѣлъ себя проводить туда хозяйскому мальчишкѣ.

Какой ужасъ, сопровождаемой внезапною и чрезвычайною лютостію, поразилъ меня! При входѣ въ сію аптеку, мерзской Шрубберъ стоялъ тамъ предо мною во всемъ своемъ образѣ и подобіи. Какъ свирѣпой тигръ на свою добычу бросился я на него и въ одну минуту лежалъ ужè онъ у меня распростертымъ на полу. Случившіеся тутъ люди почли было меня безумнымъ и хотѣли подать ему помощь, но я заклиналъ ихъ наиужаснѣйшими клятвами, чтобъ они сего злодѣя хватали, и что онъ разбойникъ и убійца.

Я послалъ тотчасъ на постоялой дворъ за обоими своими друзьями. Они при-

прилетѣли ко мнѣ въ мигъ, и тогда повели мы сего злодѣя и принудили показать намъ свою злодѣйскую нору и убѣжище.

Онъ привелъ насъ въ одинъ отдаленной и пакостной шинчишко, и мы вскарабкались кое какъ по ни къ чему годной и крутѣйшей лѣстницѣ вверьхъ. Душа моя волновалася тогда вся, а сердце хотѣло вонъ выскочить. Вечеръ былъ и ужѐ было темно.

О Боже! великій Боже! что было со мною, какъ отворили тутъ горницу, или паче конуру; на столѣ горѣла свѣча, въ углу стояла кровать, подлѣ нее сидѣла старуха, а на постелѣ лежала больная женщина. Я взглянулъ —— О Боже! моя Генріетта! — Съ сими словами бросился я на нее. Карлъ! любезной Карлъ! —— и тотчасъ упала въ обморокъ.

Я кричалъ тогда, чтобъ подали спирту или чего нибудь! по щастію любопытство побудило аптекарскаго мальчишку пойти за нами. Онъ бросился въ тотъ мигъ и принесъ все нужное. Генріетта моя пришла въ себя, но бѣдная, бѣдная! Она была такъ слаба и безсильна, что съ великою нуж-

нуждою могла и столь слабымЪ голосомЪ говорить, что едва разслушать было можно. Я былЪ внѣ себя.

Между тѣмЪ какЪ сіе происходило, улучилЪ мерзской ШрубберЪ удобное время для своего спасенія. ОнЪ оттолкнулЪ окно и выскочилЪ вЪ оное. Но скочокЪ сей былЪ ему крайне неудаченЪ. ОнЪ переломилЪ обѣ ноги и повредилЪ голову весьма опасно. Теперь лежитЪ онЪ и претерпѣваетЪ преужасную боль. О вЪ какихЪ злодѣяніяхЪ признался намЪ сей злодѣй безчеловѣчной! ОнЪ находится теперь вЪ отчаяніи, и едва ли избавится отЪ смерти.

Пришедъ нѣсколько вЪ себя сталЪ я требовать лекаря. Малчишко аптекарской сказалЪ мнѣ, что лекаря вЪ етомЪ городкѣ нѣтЪ, а ко всѣмЪ больнымЪ призываютЪ его господина: — Подавай же его тотчасЪ сюда, закричалЪ я, и онЪ бросился за нимЪ.

Бѣдная больная принимала отЪ него, самЪ ХристосЪ знаетЪ, что. Между тѣмЪ признавался сей человѣкЪ чистосердечно, что какЪ теперь узналЪ онЪ, кто она такова, то не отваживается взять леченія на себя одного, но что

вЪ

въ . . . . за одну милю отсюда живетъ одинъ искусной лекарь. Трейманъ попроворилъ, и подхвативъ почтовыхъ лошадей чрезъ нѣсколько часовъ примчалъ онаго къ намъ. Лекарства его произвели вожделѣнное дѣйствіе, и любезная Генріетта начала оправляться. Теперь, слава Богу, находится она внѣ опасности, и желаетъ съ великимъ вожделѣніемъ видѣть мать свою. И такъ отошлите вы письмо сіе къ ней, какъ скоро прочитаете, и помогите, чтобъ она скорѣе пріѣхала. Я ожидаю ежечасно отвѣта отъ господина Маіора. Не сомнѣваюсь, что проклятой хищникъ получитъ отъ него кровавое наказаніе. —— Но почто не попалъ онъ въ мои руки! Почто не могу его я въ клочки разорвать. Бѣдная, бѣдная невинная Генріетта! чего не перенесла она отъ нихъ! Коль безчеловѣчно поступали злодѣи сіи съ нею. Но Всемогущій Богъ взялъ невинность ея въ свое покровительство, и сохранилъ ее мнѣ чисту и непорочну. Шруббеpъ во всемъ долженъ мнѣ былъ признаться.

Я прошу васъ, любезной родитель, отвѣтствовать мнѣ скорѣе. Въ моемъ ко-

модѣ найдете вы сто фридрихсдоровъ, пожалуйте мнѣ оныя перешлите.

Что произойдетъ далѣе, о томъ увѣдомлю впредь.

66.

Пасторъ Улрихъ къ Амтману Вернеру.

Ее уже нѣтъ, крайне обрадованной матери! Севодни поутру отправилъ я ее на своихъ лошадяхъ до . . . . а отъ туда поѣдетъ она на почтовыхъ далѣе.

Невозможное было дѣло, чтобъ удержать старика добросердечнаго Губерта невзирая на свои раны не хотѣлъ онъ никакъ отъ нее отстать и отправился съ нею. Небо покровительствуй имъ въ пути, и доведи ихъ здраво и благополучно къ любезной Генріеттѣ, и обрадуй насъ всѣхъ отсутствующихъ скорымъ возвращеніемъ ихъ всѣхъ въ наши объятіи!

Я страшусь также извѣстія изъ арміи; по гнѣву, оказуемому Фолкмаромъ, надобно ожидать весьма жестокаго наказанія. Когдабъ только не былъ онъ нещастливъ, сей добродушной! Однако, Богъ устроявшей по сіе время все столь славно, не оставитъ и при семъ случаѣ

учи-

учинить тоже. Ему его мы препоручимъ и будемъ ожидать всего доброва.

67.

Маіоръ Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Коль щастливымъ, но вкупѣ и коль нещастнымъ, сдѣлало меня письмо ваше. Вы ее нашли, мою вселюбезнѣйшую Генріету, но увы! въ объятіяхъ смерти. О злобные человѣки, какъ могли вы столь варварски поступить съ такою кроткою и любви достойною тварью!

Коль велика и чрезвычайна благодарность, которою я вамъ, любезной сынъ, обязанъ, и которую чувствуя, вамъ чрезъ сіе приношу. Естьли дочь моя спасется, естьли останется она въ живыхъ: то обязанъ я буду вамъ ею и ея драгоцѣнною жизнію, и она будетъ вѣчно ваша.

Мнѣ не надобно просить васъ употреблять всевозможное стараніе и не жалѣть никакихъ убытковъ для возстановленія ея здоровья; собственная ваша любовь побуждать васъ къ тому будетъ. Моя жена, ея бѣдная горестная мать, прибудетъ къ ней надѣюсь вскорѣ.

Каммердинеръ мой отправился для отвезенія ее туда съ часъ спустя послѣ полученія мною письма вашего.

Судьба изторгла изъ рукъ моихъ наказаніе хищнаго Раубшица. Его ужѐ нѣтъ, нещастнаго! Въ самой тотъ день, въ которой получилъ я письмо ваше, сошолся полкъ ихъ при рекогносцированіи съ немалымъ непріятельскимъ корпусомъ кавалеріи. Схватка была жестокая, непріятель былъ разбитъ, но уронъ и съ нашей стороны не малъ былъ. Капитанъ Раубшицъ находился въ числѣ раненыхъ; онъ привезенъ въ лагерь; но раны его были столь жестоки, что онъ не могъ долгое время отъ нихъ въ живыхъ остаться. Онъ умеръ до наступленія еще ночи, и умеръ будучи по злодѣйствамъ своимъ недостоинъ умереть столь славною смертію за отечество, и вытти изъ свѣта сего однимъ путемъ съ героями.

Охотно бы пріѣхалъ я къ вамъ и къ любезной моей Генріеттѣ, но обстоятельства мнѣ не дозволяютъ. Естьли Небо услышитъ мои теплыя моленія, и моя дочь выздоровѣетъ совершенно: то о намѣреніяхъ моихъ съ

нею

нею и прочими моими я васъ увѣдомлю.

Жена моя, надѣюсь, вскорѣ къ вамъ пріѣдетъ, и я уповаю, что присутствіе и стараніе ея много поможетъ къ выздоровленію нашей немоществующей. Не оставьте увѣдомлять меня о ея состояніи, и не упускайте писать ко мнѣ ни единаго случая.

68.

Капитанъ Кронголдъ къ Маіору Фолкмару.

Почто обязанъ я крайне печальной коммисіи за преподаніе мнѣ случая ко вступленію въ ближайшее знакомство съ человѣкомъ, коего характеръ столь благороденъ, и коего слава толь громка повсюду. Коль противенъ онъ характеру того нещастнаго, о которомъ долженъ я теперь имѣть честь говорить съ вами!

Вы можетъ быть никогда самолично ево не знавали, Капитана Раубшица, коему я другъ былъ, но коего мерзкими дѣлами я гнушаюсь. Онъ былъ злодѣй, васъ чувствительно обидѣвшій, причи-

 нившій

нившій вамъ безчестіе, сдѣлавшій предъ вами злодѣйское преступленіе, и похитившій у васъ дочь вашу.

Но сколько ни велико преступленіе, сдѣланное имъ предъ вами, и сколь ужасно и чувствительно онъ васъ ни обидѣлъ, но естьли то правда, что объ васъ говорятъ, и что въ васъ похваляютъ, то духъ вашъ вѣрно будетъ имѣть столько благородства, что вы пожалѣете о семъ сожалѣнія достойномъ нещастливцѣ, когда узнаете въ какомъ жалкомъ и бѣдномъ состояніи отошолъ онъ туда, откуда не бываетъ возврату.

Во вчерашній столь для полку нашего кровопролитной день былъ Капитанъ Раубшицъ смертельно раненъ. Его не можно было прежде поднять и отнесть въ лагерь, какъ по окончаніи ужѐ сраженія. Онъ принесенъ былъ въ самое то мѣсто, гдѣ случилось тогда быть мнѣ для другова и прежде его раненаго. Услышавъ объ немъ пошелъ я къ нему, и былъ пораженъ ужаснѣйшимъ зрѣлищемъ при входѣ. Лице у Капитана было въ двухъ мѣстахъ ужасно разрублено саблею, а животъ его

про-

прострѣленъ насквозь пулею, и онъ такъ былъ изуродованъ, что я никакъ его не узналъ, естьлибъ не сказали что ето онъ былъ.

Онъ изшолъ почти весь кровію и говорилъ съ великою ужѐ нуждою: но немногія слова, которыя возмогъ онъ еще проговорить мнѣ, потрясли всею душею моею. — Кронголдъ, — сказалъ онъ мнѣ запинаясь, — я умираю, и проклятая душа моя отходитъ на вѣкъ къ дьяволу. — Какой ужасъ проникъ тогда всѣ члены мои! Слабость и совершенное изнеможеніе возпрепятствовало ему говорить болѣе: онъ повалился закрывъ глаза, и я почелъ его умершимъ.

Между тѣмъ осмотрѣны и перевязаны были его раны. Ему не долго ликовать, сказалъ лекарь: пуля вошла ниже желудка и прошла насквозь. — Я остался при немъ.

Совсѣмъ тѣмъ небольшое отдохновеніе и дѣйствіе спиртовъ возвратили въ немъ чувства и память. Онъ раскрылъ глаза и могъ говорить тихимъ голосомъ. — Кронголдъ —, сказалъ онъ, — я ужасной и наказанія достой-

нѣйшій злодѣй! изъ всѣхъ моихъ злодѣяній послѣднее всѣхъ болѣе. Я не послушалъ твоего совѣта, и не сдержалъ своего обѣщанія, но Генріетту Фолкмаръ увезъ. Правда, хотя я и не получилъ того, чего желало проклятое мое сердце въ разсужденіи оной; но я покинулъ ее столь больною и столь близкою къ смерти, что я за достовѣрное почти полагаю что она ужѐ умерла.

Я умираю Кронголдъ, —— продолжалъ онъ, отдохнувъ не много! —— я умираю негоднѣйшимъ преступникомъ! дьяволъ разпростеръ ужѐ длани свои для изловленія исходящей души моей, для вверженія ее, яко жертвы своей, во адъ на вѣки. Генріетта умерла! я ея убіица! я ея убіица! на брегу ужасной бездны!

Послѣ сихъ словъ впалъ онъ въ ужасное бѣшенство: голосъ его, которой до сего едва могъ слышимъ быть, возсвирѣпѣлъ и заревѣлъ какъ отъ звѣря. Отъ ужасныхъ клятвъ и страшнаго злословія пѣна начала бить изъ устъ его. Какъ сумасшедшей злился и бѣсился онъ на самаго себя. Всѣ перевязки ранъ своихъ оторвалъ онъ; не смотря

на

на всѣ дѣлаемыя препятствія ему, кровь полилась ручьями и начала течь съ кровати. Ужасное зрѣлище! человѣчество содрогаетъ отъ онаго, и я опущу занавѣсъ, и скрою отъ очей сіе страшное явленіе.

Сіе ужасное бѣшенство лишило его послѣднихъ силъ, и онъ впалъ въ смертоносной обморокъ. Съ пораженнымъ сердцемъ сидѣлъ я при одрѣ, обагренномъ кровію сего умирающаго, и ожидалъ изшествія терзающейся души изъ его тѣла.

Раубшицъ писалъ ко мнѣ о подломъ умыслѣ своемъ противъ вашей дочери. Но какимъ образомъ и чѣмъ старался я его отъ того отвесть, докажетъ вамъ приложенная при семъ копія съ письма, писаннаго къ нему мною. Горе нещастному, и горе теперь при важныхъ минутахъ разставанія съ жизнію, что не послушалъ онъ моего дружескаго совѣта!

По продолжавшемся около трехъ часовъ забытіи, или паче обморокѣ, опамятовался онъ, и силы его возвратились въ послѣдній разъ. Онъ ухватилъ мою руку и притянулъ меня къ себѣ.

Голосъ его былъ такъ тихъ и изнеможенiемъ толь часто прерываемъ, что я съ великимъ трудомъ могъ его понимать. Вообразите себѣ, что между каждымъ словомъ, которое вы теперь читать станете, была остановка! о множайшихъ изъ нихъ принужденъ я былъ догадываться, что они значили, потому, что послѣднiе слоги замирали въ устахъ его.

Генрiетту — я — покинулъ — въ . . . . . умирающую; — каммердинеръ мой — остался — съ нею. Можетъ быть — она — еще — жива: — сыщи ея отца. — увѣдомь — его о моемъ — злодѣянiи. — Какова чиста — и непорочна — она — была, — когда — ее — увезъ — я, — таковую — ее — и оставилъ. Естьли — можно — ему, то отпуст . . .

Въ сiю минуту не въ состоянiи былъ языкъ его имѣть болѣе движенiя. Онъ пожалъ слабо мою руку, и испустилъ духъ.

Какой конецъ! какой страшной и ужасомъ преисполненой конецъ! коль ужасно при послѣднемъ издыханiи злодѣемъ

деемъ быть! О когдабъ внушили сiе себѣ всѣ живущiе еще Раубшицы.

Я увѣдомилъ васъ здѣсь о печальномъ отшествiи сего сожалѣнiя достойнаго нещастливца обстоятельно. А для чего? о томъ не для чего мнѣ столь благородно мыслящему человѣку сказывать. Я сожалѣю объ васъ и о нещастной вашей дочерѣ, съ сердцемъ берущимъ въ печали вашей искренное участiе. Можетъ быть она еще жива. Можетъ быть она еще оправится. Какое бы для меня было тогда удовольствiе!

Естьли вы сочтете, что я стою того, чтобъ носить на себѣ имя вашего друга, то удостойте меня онымъ, и увѣдомьте исполнится ли мое послѣднее желанiе, которое для меня теперь всего важнѣе. Я есмь съ искреннимъ высокопочитанiемъ: и проч.

69.

Карлъ Вернеръ къ своему отцу.

Къ неописанному удовольствiю моей любезной Генрiетты и моему собственному, прибыла къ намъ ее дражайшая родительница въ совершенномъ здравiи и благополучно. О какъ неизреченно велика

лика была радость ея, когда нашла она любезную свою дочь гораздо въ лучшемъ состоянiи, нежели ожидала! онѣ обнялись обѣ и были въ восхищенiи.

И такъ сообщите теперь, любезной родитель, нашимъ престарѣлымъ и достойнымъ друзьямъ, добродушному Пастору Улриху и его почтенной сожительницѣ сiе прiятное извѣстiе, что моя и ихъ любезная Генрiетта хотя несовершенно еще выздоровѣла, однако вскорѣ совсѣмъ оправится.

За благодѣянiе сiе обязаны мы, по Богѣ и крѣпкой и здоровой ея натурѣ, благодарностiю умному и достойному врачу, коего снисполало намъ Провидѣнiе. Его помощiю освободилась она совершенно отъ болѣзни, и теперь несобралась она только еще съ силами своими, которыя почти всѣ истощены были.

Не можно и дивиться тому, что сiи силы такъ много истощены въ ней были. Претерпѣнiе такихъ злодѣйскихъ поступокъ съ нею, безпрестанной страхъ, боязнь и опасенiе, которое она имѣть долженствовала, неупотребленiе никакой почти пищи, кромѣ небольшихъ

шихъ только кусковъ хлѣба самою ею отрѣзываемыхъ, и малаго количества вина самою себѣ наливаемаго, долженствовали естественно произвесть сіе изнеможеніе. Что она не хотѣла ничего пить и ѣсть, тому имѣла справедливую причину: она примѣтила, что злочестивой Шрубберъ всыпалъ нѣчто въ вино прежде подаванія ей онаго. Она не стала пить, и ея боязнь преодолѣвала нѣсколько времени голодъ и жажду. Но какъ лишилась она всей надежды освобожденною быть, и увидѣла себя безпрестанно въ продолжающемся утѣсненіи: то отъ горести свалилась съ ногъ и впала въ ту болѣзнь, въ которой я ее нашолъ. Еще бы одинъ день только, какъ не былобъ ужѐ ее на свѣтѣ; и такъ Богу буди благодареніе, что довелъ онъ меня къ ней еще благовременно, и далъ мнѣ найти опять ту, безъ которой на свѣтѣ нѣтъ для меня ничего пріятнаго.

Я прилагаю къ вамъ при семъ оба письма, присланныя ко мнѣ отъ господина Маіора. Какой страшной конецъ имѣлъ злочестивой Раубшицъ! праведное мщеніе постигло его, онъ наказанъ

и

и мы отмщены. Боже, буди милосердъ къ нему!

А нѣтъ ужѐ также и нечестиваго злодѣя Шруббера: изшествіе его изъ сего свѣта немного отлично было отъ его господина. Можетъ быть и можн бъ было ему помочь, естьлибъ употреблено было множайшее стараніе и лекарь былъ искуснѣе. Я занятъ былъ такъ много моею любезною Генріеттою, что я мало помышлялъ о семъ негодномъ. Сперьва былъ онъ какъ въ безуміи, и павъ въ отчаяніе ужасно, сумазбродствовалъ и бѣсился, а потомъ отъ раны головной впалъ въ совершенной обморокъ и не очнулся ужѐ болѣе.

О Боже! какую жизнь вели и какъ окончили ее оба сіи человѣки! Я отпустилъ имъ причиненное мнѣ оскорбленіе, и желаю чтобъ отпустилъ имъ то и Всевышній.

О пріѣздѣ стараго и добросердечнаго Губерта я и Генріетта чрезвычайно обрадовались; но милой сей старикъ отъ скорой ѣзды претерпѣлъ очень много. Лекарь, за которымъ я для него посылалъ въ . . . . нашолъ

рану

рану его весьма воспалившуюся, однако подаетЪ надежду кЪ скорому изцѣленію.

Я пишу сЪ севоднишнею почтою кЪ господину Маіору, и испрашиваю отЪ него повелѣнія что намЪ тогда дѣлать, когда любезная моя больная оправится совершенно и вЪ пути быть можетЪ: какЪ скоро получу отвѣтЪ, то не преминну васЪ увѣдомить.

70.

МаіорЪ ФолкмарЪ кЪ Капитану Кронгольду.

ИзЪ письма, которое имѣлЪ я честь получить отЪ васЪ вчерашняго дня, сіяетЪ харастерЪ праводушнаго человѣка, писавшаго оное столь ясно, что я очень радЪ той чести, которую приноситЪ мнѣ его знакомство.

Коль велика благодарность, которою обязанЪ я вамЪ, достойный мужЪ, за принимаемое вами участіе вЪ моей обидѣ. СЪ особливою радостію приношу вамЪ теперь оную, и пребуду навсегда вамЪ обязаннымЪ.

О кончинѣ Раубшицовой не могЪ я читать безЪ ужаса и искренняго сожалѣнія. Жаль, что человѣкЪ сей помрачилЪ

чилъ память о себѣ толикими злодѣяніями! Совсѣмъ тѣмъ я ему отпускаю отъ всего моего искренняго сердца, и усердно желаю, чтобъ отпустилъ ему и Тотъ, котораго отпущеніе всего нужнѣе, и безъ коего мое ему ни мало пользовать не будетъ.

Нечестивецъ, слуга его, послѣдовалъ вскорѣ за нимъ. Смертельная рана, которую получилъ онъ выпрыгнувъ изъ окна, сдѣлала окаянной его жизни мучительное окончаніе.

Но оставимъ сіи печальныя вещи, а есть гораздо пріятнѣйшее для сообщенія вамъ: моя дочь жива, и начинаетъ оправляться, и для обстоятельнаго увѣдоменія о ея найденіи и освобожденіи посылаю къ вамъ при семъ полученныя мною отъ туда письма.

Коль щастливъ буду я, естьли вы сочтете меня впредь вашего дружества достойнымъ; вы сдѣлаете мнѣ благодѣяніе, когда подадите случай доказать вамъ сколь искренно желаю я вамъ другомъ быть.]

71.

Маіоръ Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Письмо ваше, которымъ увѣдомляете меня о выздоровленіи моей любезной Генріетты, читалъ я со всѣми чувствованіями радости такова отца, которой имѣя столь любви достойную дочь, ее неизреченно любитъ. Благополучіе дней моихъ, нарушенное толь много симъ печальнымъ произшествіемъ и почти совсѣмъ разрушенное, теперь паки возобновилось, и я начинаю вновь, поелику могутъ дозволять мнѣ здѣшнія безпокойства, радостями моей жизни наслаждаться, которая безъ любезной моей Генріетты была бы мнѣ единымъ отягощеніемъ. Приложенныя при семъ письма означутъ далѣе чувствуемую мною радость.

Неожидаемое бѣдствіе и опасность, въ которую столь нещастнымъ образомъ моя дочь попала, принудили меня перемѣнить намѣренія мои въ разсужденіи ея бракосочетанія. Я ласкалъ себя наисладчайшею надеждою, что по наступленіи зимы буду имѣть удовольствіе соединить васъ самъ любезныя мои дѣти,

и въ радостяхъ вашихъ могу взять соучастіе. Но обстоятельства принуждаютъ меня опасаться, чтобъ кампанія не продлилась съ лишкомъ долго, и я уповаю, что и зимою покоя мы имѣть будемъ мало, или во все никакова, въ особливости же мы гусары.

И такъ, чтобъ васъ, любезной сынъ, избавить впредь навсегда отъ подобнаго сему потерянія вашей любезной Генріетты, объявляю мое отеческое соизволеніе, чтобъ вы отправились съ оною, какъ скоро можно будетъ ей ѣхать, и съ ее матерью, къ престарѣлому и почтенному отцу Улриху, и велѣли ему сочетать себя на вѣки законнымъ бракомъ. Я даю вамъ на то мои любезныя дѣти отеческое свое благословленіе, которое, естьли Богъ изволитъ и я васъ увижу, повторю самолично.

Соизволеніе родителя вашего на сіе бракосочетаніе вы уже имѣете, но согласенъ ли онъ будетъ на послѣдующее за симъ, о томъ я достовѣрно еще неизвѣстенъ. Оружіе наше до сего времени было хотя повсюду побѣдоносно, а можно уповать что впредь будутъ благополу-

получныя послѣдствія: однако пребываніе ваше у добродушнаго Пастора несколь отъ войны удаленно, чтобъ могли вы, мои домашнія, быть тутъ въ довольной безопасности; небольшая и непредвидимая перемѣна обстоятельствъ можетъ привесть васъ въ опасность быть окруженными непріятельскими разъѣздами. Таковые набѣги имѣютъ часто печальные послѣдствія, и непріятель, съ которымъ имѣемъ мы нынѣ дѣло, ужè доказалъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, куда ему прибыть случится, не всегда можно ожидать великодушныхъ поступокъ съ обывателями.

Въ разсужденіи сего желалъ бы я чтобъ родитель вашъ согласился на то, чтобъ вы тотчасъ послѣ бракосочетанія отправились вмѣстѣ съ женою моею и дочерью въ . . . . . и вступилибъ во владѣніе моими деревнями. Пріятель мой, господинъ Визенау, отъ котораго получилъ я вчера отвѣтъ, сдѣлалъ ужè къ принятію васъ всѣ нужныя пріуготовленія, и ожидаетъ пріѣзда вашего съ удовольствіемъ; подъ покровительствомъ сего изящнаго мужа будете находиться вы тамъ въ совершенной

 без-

безопасности, а по отдаленности сего места не можете опасаться ничего и отЪ непріятелей. А я, когда обстоятельства дозволятЪ, повидаюсь сЪ вами тамЪ, или при случаѣ спокойнаго времени велю вамЪ кЪ себѣ пріѣхать.

И такЪ предложите вы о семЪ, любезной сынЪ, какЪ надлежитЪ вашему родителю, и постарайтесь получить отЪ него на то соизволеніе. Для меня крайне непріятно будетЪ слышать, естьли его кЪ тому преклонить будетЪ не можно: ибо вЪ семЪ непріятномЪ случаѣ принуждено будетЪ женѣ и дочерѣ моей однимЪ туда ѣхать, потому, что забота и опасеніе мое о сихЪ драгоцѣнныхЪ предметахЪ моей любви не дозволяетЪ мнѣ оставить ихЪ вЪ такомЪ мѣстѣ, гдѣ они, находясь безЪ достаточной защиты, подвержены всякимЪ опасностямЪ.

КакЪ скоро прибудете вы кЪ вашему родителю, то нимало не медля увѣдомьте меня о его намѣреніи и увѣрьте его, что онЪ окажетЪ мнѣ тѣмЪ наивеличайшей знакЪ своего дружества, естьли поступитЪ вЪ семЪ случаѣ согласно сЪ моимЪ наиусерднѣйшимЪ желаніемЪ.

Постарайтесь какъ можно о скорѣйшемъ излеченiи старика Губерта; онъ мнѣ очень нуженъ, и я при многихъ случаяхъ тужу что его нѣтъ при мнѣ.

Унтеръ-Офицеръ Трейманъ можетъ препроводить васъ до . . . . . а оттуда отправьте его ко мнѣ, потому что онъ здѣсь нуженъ.

72.

Карлъ Вернеръ къ своему отцу.

Наконецъ могу я вамъ, любезной родитель, съ величайшимъ удовольствiемъ донесть, что любезная моя Генрiетта выздоровѣла совершенно, и для пренесенiя трудовъ съ путешествiемъ сопряженныхъ имѣетъ силъ ужè довольно. Мы собираемся теперь совсѣмъ въ путь, и чрезъ не многiе дни сынъ вашъ имѣть будетъ удовольствiе обнять своего любезнаго родителя.

Между тѣмъ долженъ я вамъ признаться, что путешествiе сiе наводитъ на меня немалой страхъ. За два дни до сего появились въ здѣшнихъ мѣстахъ Цесарскiе гусары и разъѣзжаютъ кругомъ и около. Правда, есть впереди

много и Прусскихъ войскъ, но Губертъ говоритъ, что малыя партіи, а особливо Гусарскіе, легко могутъ проѣзжать мимо оныхъ, и не рѣдко дѣлаютъ набѣги свои далеко въ непріятельскую землю. Вчера слышали мы сильную стрѣльбу: и Унтеръ-Офицеръ Трейманъ, ѣздившей для распровѣдыванія о томъ, привезъ извѣстіе, что онъ за три четверти мили отсюда наѣхалъ на жестокую стычку, при которой непріятель былъ прогнанъ.

Естьлибъ Генріетта послушалась моего совѣта, то охотнѣе бы остался я здѣсь, покуда посмирнѣе въ сихъ мѣстахъ будетъ: но она такъ боится всякой стрѣльбы, рубленія и всего, что называется непріятелемъ, что неотмѣнно хочетъ уѣхать скорѣе. Правда, Трейманъ хотя и увѣряетъ, что ему, какъ здѣшнему уроженцу, всѣ пути и дорожки знакомы, и что онъ ужè проведетъ насъ благополучно, однако для меня кажется все опаснымъ.

Приложенное при семъ письмо отъ господина Маіора изъявитъ вамъ пространнѣе намѣренія его, касающіяся до меня и до его дочери. Вы оказали не

столь

столь мало родительской вашей любви и милости ко мнѣ, чтобъ я не могъ съ достовѣрностїю уповать, что вы желанїе господина Маїора исполнить необпречетесь. Я не премину самолично просить васъ о соизволенїи вашемъ, и въ случаѣ изъявленїя ко мнѣ вашей милости, буду столько же щасливымъ себя почитать, сколь много буду нещастливъ естьли вы меня разлучите съ Генрїеттою, безъ которой я жить не могу. Сего послѣдняго не ожидаю я никакъ отъ отца толь мнѣ благодѣтельствующаго, но паче ласкаюсь надеждою получить первое, и имѣть вскорѣ щастїе слышать изустное ваше тому подтвержденїе: а до того времени простите, и будьте благополучны любезной родитель; увѣдомьте о скоромъ нашемъ прїѣздѣ нашихъ стариковъ любезныхъ.

73.

Маїоръ Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Естьли денщикъ мой съ симъ письмомъ застанетъ васъ еще въ томъ же мѣстѣ, гдѣ вы находились, то прочитавъ оное, ни минуты не медля, выѣзжайте

изъ онаго, и спѣшите какъ можно скорѣе доѣхать до . . . . гдѣ вы можете остановиться и до тѣхъ поръ пробыть, покуда дороги сдѣлаются безопасны. Война имѣть будетъ свой театръ въ тамошнемъ мѣстѣ, и превеликой корпусъ отправляется сегодня шуда изъ арміи; пишите ко мнѣ изъ . . . .

74.

Карлъ Вернеръ къ Маіору Фолкмару.

О какой бѣды и опасности избѣжали мы, отецъ драгоцѣнной! Мы взяты были въ полонъ и благополучно изъ онаго освободились паки. Отъ котораго зла старались мы скорымъ своимъ отъѣздомъ убѣжать, тому самому попались мы на встрѣчу.

У насъ было уже все къ путешествію готово, какъ получили мы ваше письмо чрезъ денщика вашего; почему въ тотъ день мы въ путь свой и отправились. Трейманъ препровождалъ насъ верьхомъ, а Губертъ сидѣлъ вмѣстѣ съ нами въ коляскѣ. Но не успѣли мы съ полмили отъѣхать, какъ нашъ Унтеръ-Офицеръ, бывшей всегда впе-

реди,

реди, прискакалъ къ намъ во весь опоръ и далъ знать, что за горою, впереди насъ лежащею, видѣлъ онъ цѣлую кучу гусаръ, ѣдущую очень скоро: но какіе они, наши ли, или непріятельскіе, того распознать не могъ.

Мы находились въ самое то время на одной гати, которая по обѣимъ сторонамъ имѣла рвы и небольшіе кустарники, и была такъ узка, что мы съ превеликою нуждою могли назадъ обратиться. Но въ самое то время, какъ мы еще ворочались, появились ужѐ гусары, и не успѣли насъ увидѣть, какъ на насъ и пустились.

Губертъ не успѣлъ на оныхъ взглянуть, какъ закричалъ: — ето Цесарскіе гусары! — Трейманъ! смотри какъ бы тебѣ прочь ускакать. —— Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ сей далъ лошади своей шпоры, и поскакалъ назадъ. Трое изъ Цесарскихъ бросились за нимъ въ погонь и проскакали мимо коляски нашей такъ какъ бы они ее и не видали. Однако мы увидѣли его перескакавшаго чрезъ ровъ и бросившагося въ лѣсъ, куда не отважились за нимъ

ѣхать гонители, но оставя его возвратились обратно.

Между тѣмъ какъ сїе происходило, находились обѣ спутницы мои въ смертельномъ страхѣ. Губертъ не желалъ ничего, какъ имѣть бы на тотъ часъ человѣкъ десятка два гусаръ своихъ: но у меня было на сердце и то и сїѐ.

Гусары между тѣмъ прїѣхали къ коляскѣ нашей; предводитель ихъ подъѣхалъ къ оной и спрашивалъ, кто мы таковы? онъ говорилъ хотя худо по Нѣмецки, однако такъ что мы его, а онъ насъ, довольно разумѣть могли. Гусары его окружили нашу коляску. Мы сказали ему сущую истинну, и объявили откуда и куда мы ѣдемъ; но онъ покачавъ головою, сказалъ намъ, что онъ тому, что мы говоримъ, не вѣритъ.

Я и Губертъ принуждены были вонъ вылѣсть. Онъ сказалъ мнѣ весьма худо по Нѣмецки, что я безсомнѣнно переодѣтой гусарской Офицеръ, и что сїе доказываютъ находившїеся при мнѣ два гусара, и что непремѣнно долженъ я ѣхать съ ними къ ихъ Оберъ-Офицеру. Мы, что ни говорили, но насъ не слушали; и не помогало ничто въ

свѣтѣ: коляску нашу оборотили назадъ, всю ее окружили кругомъ и поскакали съ нею во весь опоръ.

Губертъ, которой всѣхъ насъ меньше былъ встревоженъ мыслями, смотрѣлъ только на ѣдущихъ за нами гусаръ: скрежеталъ зубами и клялъ ихъ всѣхъ до единаго; число ихъ, по увѣренію его, простиралось до 24 человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли совсѣмъ свѣжія раны, изъ которыхъ текла еще кровь; изъ чего можно было заключить, что они только что вырвались изъ рукъ Прусаковъ и отъ нихъ тогда скакали.

Какъ скоро съѣхали мы съ гати долой, то повернули они въ лѣвую сторону, и поскакавъ нѣсколько времени остановились; лошади наши дымились и были всѣ въ пѣнѣ. Офицеръ подъѣхалъ къ коляскѣ и началъ дружески говорить съ госпожами, но такъ худо и все навыворотъ, что я со смѣху бы надсѣлся, естьлибъ обстоятельства менѣе были важны и то могли дозволить. Гусары его изъявляли великое желаніе насъ ограбить, однако онъ былъ

столь добронравенъ, что никакъ имъ того не дозволилъ.

По прошествіи получаса пустились мы опять въ путь, но не продолжали ѣзды и десяти минутъ, какъ бывшіе впереди три человѣка во весь лошадиной опоръ назадъ прискакали. Тотчасъ тогда остановились всѣ, и мы услышали звукъ и шумъ, которой былъ для насъ не понятенъ;. . . молчи. . . . шепталъ Губертъ. Я дамъ обрѣзать себѣ усы, естьли не Прусаки въ близости. Дай Богъ, чтобъ наши ловцы расположились съ ними драться; разбиты они вѣрно будутъ, и тогда мы на свободѣ. Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ увидѣли мы нѣсколькихъ гусаръ впереди у насъ появившихся, и то впередъ, то назадъ по одиначкѣ разъѣзжающихъ, а чрезъ нѣсколько минутъ увидѣли мы и цѣлую небольшую кучку оныхъ прямо на насъ скачущую. Темные гусары! сказалъ Губертъ: ей! ей! темные! двацать два человѣка! а ето ужѐ много.

Офицеръ нашъ тотчасъ своихъ построилъ для принятія оныхъ. Они остановились на минуту и обозрѣвали она-

онаго, и тотчасъ потомъ бросились его атаковать.

Ужасное позорище! еще теперь трепещутъ мои члены, какъ о томъ напоминаю. Какое львиное сердце и мужество потребно было къ тому, чтобъ отважиться атаковать вдвое сильнѣйшаго непрiятеля. Однако я видѣлъ тутъ нѣчто, чему бы я никогда не повѣрилъ. Всѣ наши 42 человѣка были прогнаны и разбиты, а Офицеръ ихъ съ шестью рядовыми взятъ въ полонъ.

Тогда повѣрилъ я всему, что ни разсказывалъ мнѣ до сего старикъ Губертъ о войнѣ прежней. Однако и теперь для меня непостижимо, какъ возможно было такой маленькой кучкѣ гусаръ, у коихъ и лошади и оружiе не лучше было непрiятельскихъ, атаковать сильнѣйшаго непрiятеля, и все то учинить, что я видѣлъ. Львиная сила и орлиная быстрота видимы были тутъ въ совокупленiи. Ето не новое, сказалъ Губертъ: Прусаки каковы были, таковы и будутъ. Естьлибъ ихъ десяткомъ и меньше было, такъ и того былобъ довольно.

Какая перемѣна! непрiятельской Поручикъ, коего плѣнниками мы были,

былъ тогда уже нашъ. Вахмистръ, предводительствовавшей темными гусарами, окончавъ благополучно дѣло, подъѣхалъ къ нашей коляскѣ, въ которой обѣ госпожи отъ страха безъ души были. Губертъ выскочилъ къ нему на встрѣчу и благодарилъ за щастливое освобожденіе. Вахмистръ былъ человѣкъ чрезвычайно вѣжливой и учтивой: онъ изъявлялъ радость свою о томъ, что удалось ему освободить насъ. А какъ скоро узналъ кто мы таковы были, то брался насъ съ командою своею препроводить до. . . . . мы приняли охотно сіе предложеніе, и такимъ образомъ прибыли благополучно въ. . . .

На пути узнали мы, что плѣнной Порутчикъ и тогда еще, когда онъ насъ нашолъ, былъ въ бѣгствѣ отъ темныхъ гусаръ, которые ево разбили, и съ которыми въ схваткѣ онъ 15 человѣкъ потерялъ. Я сожалѣю о семъ бѣдномъ человѣкѣ; онъ вѣрно былъ прямо добросердечной непріятель и прямо добродушной Венгерецъ.

Храброму нашему Вахмистру подарилъ я 12 червонцовъ, а Генріетта бравымъ гусарамъ его дала на вино 4 Фри-

дрихсдора. Всевышній ниспосли доброму человѣку сему вездѣ такое щастіе и побѣду, какъ сегодня! Теперь то видѣлъ я, что можетъ надѣлать гусарская сабля въ рукахъ такихъ бравыхъ людей; однако я не имѣю охоты видѣть сіе въ другой разъ: зрѣніе на таковое сраженіе очень страшно.

Дорога отсюда теперь совершенно безопасна, и мы завтра отправимся далѣе; и какъ скоро прибудемъ къ отцу Улриху, то непремину васъ о томъ увѣдомить.

75.

Унтеръ-Офицеръ Трейманъ къ Карлу Вернеру.

Я услышалъ ввечеру еще самаго того дня, въ которой я отъ васъ отогнанъ, о благополучномъ освобожденіи вашемъ чрезъ темныхъ гусаръ и сердечно тому порадовался. Я самъ благополучно отдѣлался и проѣхалъ: однако въ тотъ же еще день случился быть при кровопролитной стычкѣ, и на оной самъ раненъ.

Лѣсокъ, въ которой вы видѣли меня тогда уѣхавшимъ, простирался на пол-

милю.

милю. Путь для меня былъ весьма труденъ; я принужденъ былъ перѣзжать топи и болота, и мое щастіе что не было за мною погони.

По нѣкоторомъ времени услышалъ я ржаніе многихъ лошадей, и принужденъ былъ возможнѣйшимъ образомъ стараться, чтобъ моя имъ неотвѣтствовала. Я таился колико мнѣ было можно, и увидѣлъ за лѣсомъ сильную партію гусаръ марширующую мимо. Коль велика была моя радость, когда примѣтилъ я что ето были наши темные гусары.

Я выскочилъ тотчасъ изъ лѣса и присталъ къ онымъ. Разсказавъ командующему Офицеру кто таковъ и откуда, узналъ я куда и они шли. Охотнобъ, сказалъ онъ, оказалъ я госпожамъ твоимъ рыцарскую услугу и освободилъ ихъ изъ рукъ непріятельскихъ, но порученное мнѣ дѣло не терпитъ отлагательства. Останься при насъ, и помоги намъ спроворить наше дѣло: я согласился, и мы начали поспѣшать.

Число наше простиралось вмѣстѣ со мною до 151 человѣка, и намъ велѣно схватить непріятельской постъ въ.....

Офи-

Офицеръ нашъ былъ человѣкъ бравой, а люди его смѣлы и отважны и шли съ охотою. Мы прибыли скоро къ деревнѣ, но пришли въ немалое удивленіе, увидѣвъ что непріятельская партія весьма сильнѣе, нежели мы думали, и гораздо насъ превосходнѣе.

Сталъ ли бы твой Маіоръ теперь атаковать, спросилъ меня Ротмистръ? —— Конечно! отвѣтствовалъ я, и онъ вѣрнобъ атаковалъ. Хорошожъ, возопилъ онъ, станемъ и мы! —— Онъ началъ дѣлать свои диспозиціи, но прежде нежели оныя могъ окончить, были мы ужè атакованы.

Непріятель надѣясь на превосходное свое число, и не сомнѣваясь о побѣдѣ, учинилъ толь жаркое нападеніе, какова не случалось мнѣ еще видать; однако онъ и принятъ былъ съ такою неустрашимостію, что онъ удивился: въ одну минуту были мы съ нимъ перемѣшаны, Пруская сабля удержала здѣсь свою славу. Самой храброй Фолкмаровъ эскадронъ, которому вы столь часто удивлялись, не могъ бы лучше поступить, какъ поступили при семъ бравые темные гусары; непріятель изрубленъ

былъ въ прахъ и обратился въ бѣгство. Мы взяли въ полонъ нѣсколько человѣкъ тяжело раненыхъ, но гнаться за ними не могли, потому что сраженіе продолжалось долго, а лошади наши и безъ того дальнымъ переходомъ надмѣру изнурены были.

Еще при самомъ началѣ сраженія хватили меня саблею съ зади по лѣвому плечу: но ремень отъ карабина не допустилъ глубоко ей врѣзаться и рана моя не составляетъ важности. Но тотъ, которой меня посѣкъ, другихъ рубить ужè не будетъ. Я оборотясь далъ ему такой разъ, что онъ безъ дыханья полетѣлъ съ лошади.

Мы удержали взятой постъ до самой ночи, а потóмъ возвратились въ . . . назадъ.

Тутъ нашолъ я того Вахмистра, которой освободилъ васъ отъ непріятеля, и щедрость вашу къ нему и къ его гусарамъ превозносилъ похвалами. Я желаю чтобъ достальная дорога была для васъ благополучна. —— Я завтра съ одною командою поѣду въ . . . . а оттуда отправлюсь къ своему господину

дину Маіору, для увѣдомленія его о благополучномъ вашемъ освобожденіи.

76.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолкмаръ.

Я прибылъ вчера ввечеру къ отцу моему благополучно, и онъ принялъ меня какъ . . . . доброй отецъ. Пространное и обстоятельное повѣствованіе обо всемъ, что ни случилось со мною во время всего путешествія моего, заняло большую часть вечера, по окончаніи же повѣсти сталъ я дожидаться, чтобъ началъ онъ о томъ говорить, что лежало у меня болѣе всего на сердцѣ.

Ты знаешь, Генріетта, о чемъ я говорю и что подъ симъ разумѣю. Однако онъ и не помышлялъ о томъ, или паче умышленно старался о томъ не упоминать. Я примѣтилъ даже къ великому неудовольствію моему, что когда и я наклонялъ матерію къ тому, такъ всегда отводилъ онъ меня отъ того предложеніемъ вопросовъ о другихъ вещахъ. Но какъ я твердо положилъ узнать еще сегодняжъ, чего мнѣ уповать, или опасаться должно, то отдѣ-

лался я отъ всѣхъ его вопросовъ, и наконецъ сказалъ ему прямо: что могу ли я ласкаться пріятною надеждою, что на то его соизволеніе будетъ, чтобъ мнѣ женясь на тебѣ отправиться въ деревню твоего родителя. Говоря сіе я такъ оторопѣлъ, что не отваживался на него взглянуть, и принужденъ былъ долгое время его отвѣта дожидаться. Наконецъ потеръ онъ себѣ рукою лобъ, взглянулъ на меня печально и сказалъ: —— Мой сынъ! я вижу что тебѣ скучилось у отца! ужѐ поздно, а ты утрудился съ дороги: ложися спать. —— Послѣ сихъ словъ пожелалъ онъ мнѣ доброй ночи и пошелъ въ свою спалню.

Не много добра для моихъ надеждъ, Генріетта! Между тѣмъ послѣдовалъ я его совѣту, и легъ въ постелю; однако духъ мой находился тогда въ такой разстройкѣ, что какъ я ни утомился отъ ѣзды, но долгое время не могъ никакъ уснуть. Тысяча проектовъ бродили у меня въ головѣ, какъ бы преклонить отца моего къ тому, чтобъ онъ меня отпустилъ: ибо по всему видимому опасался я ужѐ его несогласія къ тому; и многіе изъ нихъ то принимаемы

нимаемы, то отвергаемы были, и напо-слѣдокъ положилъ я наутріе до тѣхъ поръ не отставать отъ него прозьбами своими, покуда онъ на желаніе мое не согласится. Наконецъ по долгомъ съ боку на бокъ ворочаніи я уснулъ.

Наутріе при самомъ еще завтракѣ возобновилъ я свою матерію: и къ превеликому огорченію моему узналъ теперь то ужѐ съ достовѣрностію, чего я опасался. Отецъ мой съ важнымъ и печальнымъ взоромъ сказалъ мнѣ прямо, что онъ никогда не похочетъ, да и не можетъ согласиться, чтобъ отпустить сына своего въ такую даль, которой у него одинъ только и есть, и коего онъ единою подпорою и всею утѣхою своей старости почитаетъ, и что господинъ Маіоръ весьма несправедливо поступаетъ, отъ него того требуя, и что онъ принужденъ теперь признаться прямо, что онъ охотнѣе согласится на то, чтобъ сватовство сіе и бракосочетаніе разошлось, нежели на отлученіе отъ себя своего сына.

Ты можешь легко себѣ вообразить, Генріетта! каково было тогда на сердцѣ

цѣ у твоего бѣднаго Карла. Голосъ, которымъ онъ сіи слова произносилъ, и видъ, въ которомъ тогда находился, принуждали меня опасаться, что пребудетъ онъ непоколебимъ при семъ страшномъ для меня намѣреніи. Человѣкъ, съ которымъ имѣлъ я тогда дѣло, былъ мой родитель; что оставалось тогда дѣлать? Я опустилъ глаза свои въ землю и молчалъ: онъ сдѣлалъ тоже.

Наконецъ взяла досада верьхъ надъ горестію; съ омоченными очами началъ я ему говорить: Разлученной съ Генріеттою сынъ вашъ будетъ нещастливъ, и нещастливъ отъ своего отца. Вы называете меня единою подпорою и всею утѣхою старости вашей на землѣ. Ето служитъ въ великую мнѣ честь, и я во всю жизнь мою буду стараться доказать вамъ, что я сей милости вашей и такова обо мнѣ хорошаго мнѣнія не недостоинъ; но сіе могу я только тогда учинить, когда я самъ щастливъ буду. Но естьли вы разлучите меня съ Генріеттою, обладающею моимъ сердцемъ: то буду я провождать жизнь всегда нещастную и безпрерывно пе-

печальную; и могу ли тогда быть под порою и утѣхою, когда самъ колебаться и безутѣшенъ буду?

Сказавъ сіе я замолчалъ, а онъ взглянулъ на меня съ печальнымъ видомъ и сказалъ: — Мой сынъ! ты знаешь мое хотѣніе и свою должность. Ежели думаешь ты чрезъ то только съ Генріеттою твоею щастливымъ сдѣлаться, что поступишь противъ обѣихъ оныхъ: то слѣдуй своей головѣ, поѣзжай и оставляй меня. Послѣ сихъ словъ положилъ онъ трубку свою на столъ и вышелъ изъ горницы.

Я никакъ не въ состояніи былъ остановить его. Терзаясь и досадою и горестію всталъ я, толкнулъ свои стулъ къ сторонѣ, и залившись слезами вышелъ изъ комнаты, и сижу теперь у своего пулпета и мараю.

Ну, не горестно ли любезная Генріетта! въ самое то время когда хотѣлъ только я кладъ ухватить и вытащить, которой съ толикими трудами выкапывалъ, онъ у меня уходитъ глубоко въ землю, и всѣ мои труды и работа пропадаютъ попустому. Я знаю сколь твердъ родитель твой въ своихъ намѣ-

реніяхЪ, принятыхЪ однажды сЪ благоразсмотрѣніемЪ; но я знаю же и своего. Что будетЪ изЪ твоего бѣднаго Карла, естьли оба останутся непоколебимы? нещастенЪ будетЪ онЪ — и находясь всегда печаленЪ, сокрушится отЪ горести и — умретЪ.

Я разсуждалЪ теперь о етомЪ дѣлѣ: никакЪ не можно, Генріетта, никакЪ не можно мнѣ тебя оставить; не могутЪ ли и вЪ тѣхЪ мѣстахЪ, куда ты ѣдешь, найтиться Раубшицы? И тогда . . . . . но ахЪ! я люблю своего отца! никогда не бывалЪ я ему непослушнымЪ. Сію похвалу приписываетЪ онЪ самЪ мнѣ. Однако вЪ сей разЪ прежде, нежели хотѣнію его послѣдую, прежде, нежели допущу чтобЪ ты безЪ меня поѣхала, охотнѣе . . . . самЪ пожертвую собою. —— Требованіе его надмѣру жестоко! ОнЪ мой отецЪ; но требованіе его несправедливо!

Еще я знаю одно только средство, любезная Генріетта, отЪ котораго ожидаю я хорошаго дѣйствія: намЪ надобно испытать оное. ПриступимЪ всѣ кЪ нему: и вЪ такомЪ важномЪ и до самой тебя толь близко касающемся

слу-

случаѣ ты не преминешь конечно, Генріетта! сдѣлать то, о чемъ попрошу тебя.

Твоя матушка, отецъ Улрихъ, госпожа Улрихъ и ты, всѣ вмѣстѣ, и никого чтобъ дома не оставалось, пріѣзжайте къ намъ завтра послѣ обѣда. Всѣмъ намъ совокупно должно приступить къ моему батюшкѣ. Всякому затвердить надобно напередъ, что ему говорить, и какъ лучше играть свою ролю. Болѣе же всего зависѣть будетъ весь успѣхъ отъ добродушнаго отца Улриха, ибо онъ его больше всѣхъ слушается: я думаю и уповаю что прозьбы и слова его воздѣйствуютъ; естьлижъ паче чаянія того не будетъ, естьли и онѣ столь же не дѣйствительны будутъ, какъ и другія средства, то тогда . . . . тогда Боже подкрѣпи меня —— тогда я нещастной человѣкъ!

Употреби все, любезная Генріетта, и постарайся какъ можно сію прозьбу мою исполнить. Ежели же ты сего не сдѣлаешь: то докажешь мнѣ тѣмъ, что ты меня болѣе не любишь, и я тогда впаду въ отчаяніе и сдѣлаю.... сама догадывайся что.

77.

Генрїетта Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Бѣдной, печальной Карлъ! какъ жалокъ ты мнѣ! но развѣ я менѣе тебя нещастна буду, естьли родители наши въ своихъ намѣренїяхъ будутъ упорны. Тебя чтобъ оставить, Карлъ, безъ тебя чтобъ мнѣ ѣхать? ахъ! какъ могъ ты подумать, чтобъ ето было мнѣ можно! и помышленїя о томъ для меня такъ ужасны, что я тебѣ описать не могу.

Но мой родитель, ну, естьли онъ того неотмѣнно похочетъ: ну, естьли я принуждена буду! ахъ любезной Карлъ, естьли я принуждена буду! какъ не щастливы будемъ мы тогда оба!

Требованїе и желанїе моего родителя ни мало несправедливо: но хотѣнїе твоего, любезной Карлъ, кажется мнѣ надмѣру жестоко. — Мой родитель судитъ очень справедливо, что мы здѣсь не въ довольной безопасности находимся: ты помысли только о Раубшицахъ, буде тому повѣрить не хочешь; кто поручится ему и намъ, чтобъ не

про-

произошли еще подобные тому случаи, къ томужъ и война отъ насъ недалече, а я не хотѣла бы еще разъ видѣть Цесарскихъ гусаръ; у меня трепещутъ всѣ члены, когда и подумаю объ нихъ.

Но Богъ надѣюсь не похочетъ, любезной Карлъ, чтобъ мы съ тобою разлучились и сдѣлались нещастными. Не станемъ лишаться всей надежды; твой родитель не останется неумолимъ, естьли мы не отстанемъ отъ своихъ прозьбъ, аето мы и сдѣлаемъ.

Мы всѣ, какъ ты требовалъ, а также и старой Губертъ, о которомъ ты позабылъ, и котораго не требовалъ, завтра послѣ обѣда прiѣдемъ, и всѣ вдругъ и единодушно приступимъ къ отцу твоему. Человѣку сему надобно весьма уже упрямому и неупросимому быть, естьли онъ насъ не послушается и пребудетъ непреклоннымъ! Не имѣетъ ли онъ также подъ лѣвою мышкою бiющагося человѣческаго сердца? Мы смягчимъ оное, сдѣлаемъ его такъ мягкимъ, какъ воскъ, и преклонимъ ко всему что намъ надобно. —— Положись на наше искуство, и подкрѣпляй насъ самъ къ общему нашему благу.

Ми-

Милой и добродушной отецъ Улрихъ и его милая старушка, сіи дорогіе воспитатели мои, любившіе меня во всю жизнь какъ родное дитя свое, о какъ они мнѣ жалки! у него, добродушнаго и милаго старца, наполняются глаза тотчасъ слезами, какъ скоро ни начнутъ говорить о моемъ отъѣздѣ, а старушка его обливается оными. Ахъ Карлъ! какъ трудно будетъ сердцу моему разставаться съ сими стариками, которымъ я такою безконечною благодарностію обязана, а естьли мнѣ еще и безъ тебя ѣхать, и лишившись всей утѣхи, оставленной быть въ жертву сокрушенію сердечному, то принуждена я буду конечно отъ тоски и печали умереть.

78.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолкмаръ.

Благодарю, любезная Генріетта! благодарю тебя, благодарю всѣхъ нашихъ любезныхъ и искреннихъ друзей, за все употребленное стараніе о преклоненіи моего родителя и за щастливое преодолѣніе онаго. Видимо было до-

довольно, сколь трудно было ему на то согласиться, и онъ былъ во весь оставшій вечеръ послѣ вашего отъѣзда очень печаленъ. Признаюсь, Генріетта, что мнѣ очень жаль, что его покидаю. Онъ содержалъ меня всегда и поступалъ со мною такъ, какъ доброму родителю надобно; могу сказать, что я его очень люблю, и естьлибъ я не любилъ тебя болѣе всего въ свѣтѣ, то конечнобъ его не покинулъ.

Вотъ смотри, Генріетта, какую жертву приношу я тебѣ! я оставляю отца, домъ, имѣніе и все, и послѣдую за тобою. Ну воздашь ли ты мнѣ за все сіе, и будешь ли воздавать любовію своею? безсомнѣнно ты ето сдѣлаешь, и жертвы сей конечно достойна.

И такъ нашему щастію, или что все равно нашему сопряженію, теперь ничто ужѐ не мѣшаетъ. Родителю моему хотѣлось сперва, чтобъ день настоящаго бракосочетанія отложить какъ можно далѣе; однако далъ себя убѣдить къ иному, какъ скоро сослался я на письмо твоего родителя, и изъяснилъ ему сколь сильно ему хочется, чтобъ

и сочетаніе наше и отъѣздъ воспослѣдовали какъ можно скорѣе.

И такъ зависитъ теперь отъ воли твоей матушки назначить день для нашей свадьбы, но отъ того уже трудно будетъ отвесть моего родителя, чтобъ свадьбѣ не быть въ его домѣ, а справедливость требуетъ чтобъ и его въ чемъ нибудь послушаться: почему съ дозволенія твоего и я того же требую. Пріуготовленія къ тому и распоряженія пускай онъ дѣлаетъ какія ему угодны: какая мнѣ и тебѣ въ томъ нужда! Отецъ Улрихъ насъ обвѣнчаетъ, и тогда Генріетта —— ну! тогда мы мужъ и жена.

Я буду сего же дня писать къ твоему родителю и увѣдомлю его о намѣреніи моего: сіе письмо перешлю я къ тебѣ, и ты можешь вложить оное въ свое.

Завтра послѣ обѣда пріѣду я къ вамъ, въ послѣдованіи за батюшкою, въ достоинствѣ уже настоящаго твоего и публично объявленнаго жениха, имѣющаго вскорѣ быть твоимъ супругомъ. Помысли о томъ, Генріетта, что я теперь есмь, и что буду, и пріими

меня

меня съ должнымъ почтенiемъ и благочинiемъ. — А то вишь Генрiетта....

79.

Генрiетта Фолкмаръ къ Карлу Вернеру.

Ну, доволенъ ли ты наконецъ неугомонной? конечно! и можно ли тебѣ и не быть довольнымъ, когда ты все получилъ чего желалъ и требовалъ. Но ежели же ты теперь всѣмъ тѣмъ и не будешь, чѣмъ ты быть долженъ, то, смотри же, берегись. Паче же всего, Карлъ, чтобъ я съ сего времени не видала въ тебѣ ни малѣйшаго знака ревнивости, какой бы поводъ къ тому тебѣ ни былъ; въ противномъ случаѣ за долгъ почту тебя мучить и тебя самымъ тѣмъ наказывать, чѣмъ ты противъ меня грѣшить будешь.

Заключенiе твоего послѣдняго письма заставило меня хохотать и смѣяться глупому и сумазбродному малому, хотящему ужѐ говорить голосомъ супруга о прiемѣ, почтенiи и благочинiи. Но дай срокъ, я уменьшу ужѐ высокомѣрiе твое! нужно только мнѣ дождаться того, чтобъ я могла сказать

то-

топнувши нарочно покрѣпче притомъ ногою: Я! мужъ: я твоя жена!

Оставляя же шутки, любезной Карлъ, я буду тебя почитать такъ какъ супруга, котораго люблю всѣмъ моимъ сердцемъ, стану за святю поставлять всѣ свои обѣты, и мое наиусерднѣйшее стараніе будетъ о томъ, чтобъ тебѣ угождать во всякое время; а съ твоей стороны ты будешь также познавать и наблюдать свои должности, и мы будемъ другъ другомъ щастливы.

И такъ въ будущее Воскресенье наша свадьба! ахъ любезной Карлъ, етотъ день будетъ для меня наиторжественнѣйшей въ жизни. Бѣседы отца Улриха о великой важности того чина, въ которой мы вступать хотимъ, вперяютъ въ меня высокое понятіе объ ономъ, и я содрагаюсь, когда изчисляетъ онъ великое множество тѣхъ должностей, которыми буду я обязана яко супружница, и кои впередъ еще пріумножатся, когда я. . . . . но для чегожъ мнѣ того не сказать, — когда я сдѣлаюсь матерью. Однако онъ ободряетъ меня и говоритъ, что имѣлабъ

я

я только желаніе и исполняла столько, сколько могу: а то уже Богъ помогать и подкрѣплять станетъ.

Камердинеръ моего родителя, которому велѣно препроводить насъ до его деревень, повезъ вчера поутру къ нему письма и мы ожидаемъ его въ послѣзавтрешней день обратно. Милой и драгоцѣнной родитель! что пришлетъ онъ ко мнѣ съ нимъ? Свое отеческое и всего важнѣйшее благословеніе! Ахъ! почто не могу я возблагодарить за оное обмоченіемъ выи его слезами благодарности; почто не могу облобызать и омочить слезами его руки. —— О когдабъ Всевышній сохранилъ намъ его здрава! когдабъ защитилъ его отъ меча и отъ пули! по сіе время поблагости своей сохранялъ Онъ его: когдабъ продлилъ Онъ и далѣе сію милость къ нему. О! естьли допуститъ Онъ меня облобызать его здрава, то весь остатокъ моей жизни посвященъ будетъ единой и безпрестанной благодарности Ему. —— Я не ожидаю отъ тебя писемъ, но ожидаю самого тебя, ибо имѣю много кой о чемъ поговорить еще

съ тобою, чего перомъ изобразить не можно.

80.

Она же къ немужъ въ Субботу ввечеру.

Ну вотъ тебѣ, любезной Карлъ, и отвѣтъ отъ любезнаго моего родителя. Я посылаю къ тебѣ все, что мы ни получили: письмо къ тебѣ, письмо писаное къ матушкѣ, ко мнѣ, къ отцу Улриху. О какъ изображается родительское его сердце на строкѣ каждой! а благословеніе-то его! родительское благословеніе! о когдабъ я оное заслужила и была онаго всегда достойною!

Однако ты прочтешь и увидишь все самъ; но не затеряй ты мнѣ сихъ писемъ, для меня каждое изъ нихъ драгоцѣннымъ сокровищемъ! —— Весьма утѣшительно для меня обѣщаніе его пріѣхать къ намъ какъ скоро ему будетъ можно, или велѣть пріѣхать намъ къ нему; а любовь его къ намъ ручается мнѣ въ томъ, что онъ сіе дѣйствительно и исполнитъ.

И такъ завтра, любезной Карлъ, да, завтра! съ коликимъ вожделѣніемъ ожидала я сего дня и колико ему радовалась, а теперь какъ онъ наступаетъ: то, о какъ содрагаю! онъ для меня очень. . . . . очень — не знаю какъ его назвать. . . . страшнымъ пусть хоть назову. Таковъ ли онъ и тебѣ?

Часу въ одиннатцатомъ будемъ мы всѣ тамъ. Не упусти подкрѣплять меня, безъ того я не въ состояніи буду съ твердостію перенесть сего случая: ибо вся моя бодрость изчезла, и я расположена теперь болѣе къ слезамъ, нежели къ радости. Прости, мой любезной, до завтра.

81.

Пасторъ Улрихъ къ Маіору Фолкмару.

Она уѣхала! уже уѣхала Генріетта, сія единая отрада моей старости! еще теперь текутъ мои слезы, и слезы старухи моей въ слѣдъ сея любви достойной, и будутъ течь еще долгое время. — Ахъ, я ее воспиталъ! я воспиталъ ее для подпоры и жезла моей старости! называлъ ее съ отцов-

скою горячностію моею дочерью, и теперь. . . —— ея лишился! Никогда не пресѣчется горесть моя о сей потерѣ: и доколѣ я живъ, дотолѣ буду оплакивать то, чего я лишился.

Отпустите мнѣ, любезной господинъ Маіоръ, выраженія моей отеческой печали. Не упреканія ето, дѣлаемыя вамъ, но нѣжныя выраженія горюющаго отца о потеряніи любви достойной дочери.

Но не стану продолжать далѣе жалобъ: какъ ни расположено мое сердце къ онымъ и сколь много ни имѣю къ тому охоты, а другая матерія предлежитъ перу моему.

Въ Воскресенье въ половину дня, въ силу повелѣнія вашего, молодая и любви достойная чета, Всевышній да благословитъ ее вѣчно! мною въ домѣ стараго господина Вернера брачнымъ союзомъ соединена. Боже, всеблагій и безконечный, подтверди сей бракъ, услышь и подай все благое и всѣ свои милости и щедроты, о коихъ я просилъ и молилъ, симъ изящнымъ новобрачнымъ, дабы были они щастливы и благополучны!

При-

Приложенныя при семъ письма, отъ супруги вашей и изящныхъ вашихъ дѣтей, увѣдомятъ васъ о множайшемъ. Единственно изъ послушанія вашимъ повелѣніямъ поспѣшили они своимъ отъѣздомъ, и сегодня поутру отправились отсюда всѣ благополучно. Боже, управи ихъ путь и благослови ихъ отъ нынѣ и до вѣка!

Старой честной Губертъ еще у меня; но скоро ужѐ леченіе его окончится: старому сему Герою весьма хочется скорѣе отправиться къ своему эскадрону, и когда уѣдетъ и онъ, то не буду я ужѐ никого видѣть вокругъ себя изъ принадлежащаго вамъ. Какъ горестно будетъ тогда мнѣ старику бѣдному и покинутому отъ всѣхъ!

Однако вы меня надѣюсь не позабудете, милой и изящной мужъ! и не позабудете для того, что я отцомъ былъ любви достойной Генріетты! нѣтъ, нѣтъ! вы сего конечно не сдѣлаете. Вы не такъ мало добродушны и не столь мало любите друга вашего, сѣдинами покрытаго старца, которой васъ искренно почитаетъ и имѣетъ отъ васъ

обѣтъ дружества, чтобъ могли вы сіе сдѣлать.

Еще одна прозьба, драгоцѣнный мужъ! — ежели тотъ щастливой случай воспослѣдуетъ, котораго я сердечно желаю, то есть: ежели прикажете вы вашей сожительницѣ и дѣтямъ быть къ себѣ, а престарѣлой другъ вашъ будетъ еще въ живыхъ: что бы радостное сіе свиданіе было въ его мизирной хижинѣ, дабы онъ прежде смерти своей еще разъ могъ порадоваться.

Генріетта, моя любезная Генріетта, станетъ писать ко мнѣ часто. Смѣю ли я о томъ же просить и васъ? сказывайте мнѣ отъ времени до времени, буде мѣсто и обстоятельсшва дозволять вамъ станутъ, что вы здоровы, что вы благополучны, что вы побѣдоносны, а всего паче что вы моимъ другомъ; а я буду безпрестанно объ васъ молиться, и часто, и очень часто бесѣдовать объ васъ съ Богомъ.

Всевышній да благословитъ теперь васъ! Онъ, отъ котораго всякое благое даяніе ниспосылается, да благословитъ васъ, и ниспослетъ на васъ свою милость

и

и благоволенїе! Онъ, Всемогущїй, да оградитъ васъ щитомъ своея благости отъ всѣхъ опасностей, и да возвращаетъ изъ всякаго кровопролитїя цѣла, здрава и возвеличеннаго побѣдою, славою и честїю. О семъ прошу и молю Его Господа и уповаю, что онъ моленїе мое услышитъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

